

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

О назначении литературы в XXI столетии 2

ОБЩАЯ ЗАБОТА

Как будем жить, славяне? (*редакционный анализ*) 4

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Александр Миронов. Ф. М. Достоевский — главный литературный обожитель человеческого страдания и невольный служитель тотального смятения русской души (*или О том, почему так и не был написан второй, и финальный, роман о жизни Алексея Карамзова*) 22

ПРОЗА XXI

Литературные выверты эпохи глобализирующегося зла, или Ответ «Мертвым душам» Н. В. Гоголя? (*редакционный комментарий*) 38

Михаил Жаров. Живые души (*роман*) 39

О ПИСАТЕЛЯХ ПЕТЕРБУРГА, И НЕ ТОЛЬКО

Е. С. Роговер. Люди и книги, достойные восхищения (*О новом романе Валерия Попова. К 70-летию со дня рождения писателя*) 100

В МИРЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Татьяна Крыжановская. Валерий Чарторийский. Ирина Титаренко. Владимир Вронский. Елена Назарова. Вера Муравская. Виталий Летушев. Нина Романова 104

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ

Е. Т. Дмитриева. Принципиальные изменения в современном российском образовании и воспитании 113

ПРИЧУДЫ ЭПОХИ ПОСКОННОЙ МОРАЛИ

Владимир Василик. Разговор о Солженицыне 121

АРХИВЫ УЧАТ

Реставратор — Андрей Павлов-Арбенин. Глава из рукописи Б. В. Асафьева «Музыка моей Родины»: Русский народ, русские люди — характеры, быт (*окончание, начало в предыдущем выпуске журнала*) 137

В ЧУЖОМ КРАЮ — В ЧУЖОМ ГЛАЗУ СВОЕ БРЕВНО...

Андрей Каратыгин. Дотянуться до Поднебесной 155

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

О назначении литературы в XXI столетии

(часть 2-я, первая в предыдущем выпуске журнала)

Журнал «Писатель. XXI век», родившийся внутри Российского Межрегионального союза писателей (на базе секции «Литературно-дискуссионные чтения»), продолжает свое непростое бытие. В 4-м выпуске была затронута тема роли литературы в современном мире. Что-то тогда было сказано, а что-то так и осталось не освещенным. Поэтому в настоящем обращении к читателям редакция продолжает начатый разговор. Сегодня практически весь мир переживает в той или иной степени очевидный отход от привычки к чтению, тем более переживает отход от чтения высокохудожественных текстов. К последним непростым книгам вполне можно отнести практически все сложные мировоззренческие тексты. Что же происходит в душах наших современников, когда они упорно уклоняются от обретения подлинной культуры чтения? С одной стороны, многие из них твердят, что усваивают все важное для жизни посредством необозримого мира видеообразов, который ныне как никогда ранее в истории развит. Что ж, отчасти такое объяснение справедливо. Впрочем, оно же ставит не менее заковыристые вопросы. Но какие же, например? А такие: как это огромное зримое богатство переплавляется в понимание сути всего видимого нашим современником? как в сознании жителя третьего тысячелетия от рождения Христова формируется важная культура неутилитарного (одухотворенного) мышления? С другой стороны, многие соблазняются мыслью, что поумнеть доподлинно сегодня можно и без чтения книг. А что дает означенное выше и насыщенное многими смыслами чтение, от которого уклоняется большинство молодых людей? Оно дает незаменимую привычку восприятия сложного (умозрительного) или обобщенного. То есть без подобной практики человек непременно начинает походить лишь на полуфабрикат самого себя, который может быть вполне функционален, но он же при этом никогда не сможет наблюдать умом самого себя со стороны в главном (в насущном его душе), а значит, он никогда не сможет стать, например, субъектом истории человечества. Иначе говоря, он всегда будет выступать в роли чьего-то орудия или даже расходного материала. Кстати, последняя роль не может быть для него (его души) безобидной, как говорится, по определению. Вот и выходит ровно то, что без создания и неукоснительного внедрения государ-

ственных программ *понуждения* подрастающих поколений к чтению текстов с большим объемом смысловых оттенков ничего путного впереди, скажем у России, не будет. То, что нынешним правителям России это совсем не надо, уже понятно практически всем способным к самостоятельному (не наведенному СМИ) мышлению. Поэтому речь пока идет лишь о сохранении потенциала для подобной работы в будущем нашего Отечества, когда нынешняя навязчивая *слизь прагматизма* и ее многочисленные рыночные соблазны будут смыты волнами истории, а русские люди возжелают иных — воистину непреходящих — человеческих смыслов. А до наступления того славного времени всем честным любителям словесности придется сделать еще немало. Но что же именно? Им придется настойчиво убеждать колеблющихся людей отойти от увлечения прелестями нынешнего дня, побуждать их выбирать себе уже поприще вечных смыслов. Поэтому только литература и поэзия, устремленная к благу души человеческой, и сможет составить предпосылку искомой новой жизни, позволит и всему роду людей сохраниться.

Редколлегия журнала «Писатель. XXI век»

КАК БУДЕМ ЖИТЬ, СЛАВЯНЕ?

(редакционный анализ)

Вторая половина 2009 года. Руководители России произносят много успокоительных и хвастливых речей. Кроме этого, президент Медведев, что уже непривычно для нас, россиян, просит через Интернет помощи от населения нашей страны в части разработки своей новой программы «Россия, вперед!». В свою очередь, попробуем и мы включиться в это непростое, но архиважное дело.

Нравственная революция в России впереди...

Ныне российские чревоушательные СМИ натужно внушают обывателю, что «все хорошо (в целом), прекрасная маркиза». Что кризис нам не кризис, что все идет согласно ранее утвержденному плану. Но разве подобные речи велись бы в случае действительного спокойствия, особенно когда в мире царит прогностическая разногласия? То есть никто, ничего и никому совсем даже не гарантирует впредь. Иначе говоря, ныне царит сущая неопределенность. И потом, мы ведь теперь «встроены» в мировое хозяйство, а значит, и дела наши вроде и не совсем наши получаются. Да, российский народ, как и ранее в своей истории, не торопится с выходом на улицы городов. Но, как говорится, «еще не вечер». А посему не будем обращать серьезного внимания на отчаянную ложь бесчестных СМИ. Подумаем лучше о том, как жить будем, когда нынешний колдовской мир рухнет сам собою окончательно. Тем более, что упрямо повторять уже пройденные кровавые уроки и вовсе не хотелось бы. А главное — они ведь снова приведут к хорошо известному и скорбному результату.

Уже многим нашим еще способным честно думать согражданам приходит в голову та простая мысль, что без решительного изменения нравов у Рос-

сии попросту нет и не может быть будущего. Кто ныне в мире не знает, что современные нравы в России явно не хороши. С одной стороны, они, особенно в части ее властителей, даже импозантны, с другой — в том же слое запредельно лицемерны. Иначе говоря, современная российская власть состоит по большей части из отборных гламурных негодяев (не годящихся или занимающих явно не свои места), весьма настойчиво представляющих себя в роли народных авторитетов с помощью сильно «отмороженных» СМИ. Кстати сказать, еще многие наши сограждане никак не могут освободиться от систематического, назойливого и прямо-таки въедливого воздействия сих специально сконструированных телевизионных чар. То есть многим из нас еще предстоит неприятное (горькое) прозрение. С другой стороны, если в нашем обществе заранее не возникнут очаги ясного и строгого мышления, мы все не сможем одолеть грядущие потрясения и выбраться из них без трагических для себя и наших потомков последствий. Поэтому-то настоящий разговор — это разговор о самом что ни на есть насущном и важном — о том, что лишь преодоление исторической поврежденности нравов и способно будет нас всех спасти. Как же сие сотворить? Только

с помощью нравственной революции! А что это такое — *нравственная революция*? А это, прежде всего, желание знать правду о том, что творится вокруг всех нас на самом деле. Во-вторых, желание разумного отношения к вновь открытому и неприятному знанию.

В-третьих, это стяжание нового или духовного образа жизни. Но ведь это лишь видимость ответа на поставленный выше вопрос, — скажет некто и будет отчасти прав. Сам искомый ответ, конечно, будет. Но сначала небольшое размышление.

Грустные мысли в Рождество

Праздник Рождества Христова 2009 года. Казалось бы, радость от такого события должна перекрыть всякую хандру и тревогу, ведь День рождения Спасителя сам по себе и есть надежда на лучшее для всех и каждого. Но не дает покоя тот факт, что как и две с лишним тысячи лет тому назад, так и теперь люди не задумываются о великом. О чем же именно? А о том, что все насущное и существенное, что свершается здесь и теперь нами и поныне, как правило, не распознается нами в своей же сути. Что имеется в виду? Да хотя бы тот простой факт, что кроме близких Христа, волхвов, неких пастухов и царя Ирода никто из современников факт рождения Сына Божия и не заметил вовсе. То есть лишь по распятию своего Спасителя люди вдруг очухались и опомнились. Теперь же только ленивый или совсем не любопытный не знает о празднике Рождества. А тогда, когда это важнейшее событие вершилось, — практически никто. Далее по Писанию до 30-летнего возраста Иисуса как бы и нет вовсе, за исключением эпизода поучения им книжников в Храме в 12-летнем возрасте. И вот в 30 лет он вдруг заявляет о себе, как говорится, во всю мощь. И что же? Лишь некоторые поддерживают его исключительно под воздействием чудес, творимых им публично. А далее *всеобщее* предательство и крестная смерть богочеловека. И лишь под давлением фактов воскресения и вознесения некоторые спохватываются и начинают как бы догонять ушедшее время. Теперь же Рождество и последующая Пасха — вселенские события. А как же с верою не в факты рождения

и воскресения Бога на земле, а как с верою, что жизнь земная нам дана не для праздности и бездумного прожигания бесценных дней? Ответ, к сожалению, и получается как раз совсем неутешительным. Иначе говоря, как жили наши далекие предки *задним умом*, так и мы продолжаем сие печальное занятие. Но все же не для порицания настоящие слова, а для вразумления всех слышащих их, для побуждения еще раз всех к возделыванию в каждом из нас подлинной веры, ее удивительных плодов здесь и теперь, неудержимой ничем потребности в спасении собственной души, а не истовых хлопот о телесном, а значит, и тленном.

Приведенные выше размышления, возможно, и станут своего рода отправной точкой для получения внятного ответа о сути нравственной революции, ежели она все-таки грядет. Характер известных революционных изменений таков, что он непременно будет сопровождаться борением, борением с пошлым, банальным и лукавым. Никто не сможет отсидеться в стороне, всем придется занять и отстаивать ясную позицию. Какую именно? Либо человек признает необходимость поддержки социальных изменений, ведущих к прозрению общества, либо он же займет ту мрачную сторону, что общество обречено навечно быть разделенным на избранных (богоподобных) и прочих. При этом, конечно, многим станет не по себе. Почему? А потому, что выбор сей окажется предельно тяжким. То есть эта борьба начнется прежде всего в душе каждого из нас. Многие *вынуждены* будут заду-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

маться над собственным представлением о смысле своей жизни в контексте настигших их вдруг страданий. Причем эта работа ума и сердца потребует от всякого и решительности и осторожности. Мало кто легко сможет сделать свой выбор. Практически нельзя будет опереться на авторитеты и передоверить им свое почти роковое решение. Впрочем, многие попытаются уклониться даже от этого. Но грустный итог сего постыдного неделания окажется понятным в кратчайшие сроки. Или далеко не всем будет дана возможность передумать. С другой стороны, известные всем нам по опыту земные власти непрерывно под предлогом борьбы с экстремизмом попробуют организовать яростный и *подлейший* отпор рассматриваемой революции нравов. В ход будет брошено абсолютно все. Иначе говоря, всевозможный подкуп, обман и насилие не будут знать *никаких* пределов. Дело дойдет даже до того, что будут открыто под тем или иным предлогом, тем или иным образом умерщвлять всех противников *государственного лицемерия*. Но, как говорится, «времена не выбирают, в них живут и умирают». Впрочем, сам смысл жизни и потребует и взыщет. Другими словами, если мир существует исключительно как разумное начало, то оно и выступит в роли побудителя всех и каждого к движению по *нравственному пути*. То есть невозможно станет не идти в сторону добра, невозможно будет без очевидной альтернативы личного сумасшествия сопротивляться собственному прозрению.

Но где и в чем пройдет линия раздела предстоящей борьбы. Конечно, она будет сопряжена главным образом с отношением к христианству, а точнее — к православию. Почему так? А потому, что все иное не есть неземное. Или лишь православие *не от мира сего* в самой своей сути. Все остальные воззрения, так или иначе, находятся в услужении тленному (страстному, телесному) началу. Но все же: почему именно православие? Да потому, что только в нем в веках отчетливо при-

сутствует *радостная жертва человеческой любви лишь во имя Бога одного, и без какого-либо условия*. Иначе говоря, только истинный православный верующий любит Бога исключительно во имя Его, а не для каких-либо себе или своим близким предпочтений. Поэтому и не фиктивные нравственные устои формируются лишь благодаря *полностью бескорыстному* чувству верующего. Или нравственные (моральные) свойства — это вовсе не особые выгоды организации комфортной жизни, как думают некоторые материалисты-атеисты. В итоге главным объектом предстоящей атаки, конечно же, станут православные верующие как последний оплот *подлинной* веры на земле. С другой стороны, противники христиан не будут едины. Почему? Да потому, что отсутствие в них подлинной веры в Бога неизбежно будет приводить их к столкновению между собой. Или злочестивые обречены будут много вкушать ярость злочестивых. Поэтому-то настоящая вера на земле непременно устоит, и ее царство возникнет именно в России. Но сначала и случится означенная выше *нравственная революция*. Именно она или ее цели обозначат проблему подлинной веры или ее печального отсутствия. То есть приближающееся обнажение самого края *нравственного падения* нынешней России и станет пусковым механизмом для начала открытого и тотального противостояния правды и неправды. И здесь, так или иначе, свою роль сыграют нарастающие день ото дня экономические невзгоды, невиданные военные грозы. В этих условиях многие зададутся вопросами и последующими настойчивыми требованиями к властям о выполнении ими обещанного ранее — достатка и безопасности. В результате начнутся поиски *подлинных* виновников предстоящих бедствий народных. Поэтому-то противостояние морального и аморального начал примет всеобщий характер. Кто-то возразит, что народ российский больше уже ни за что не станет всерьез роптать, а значит, у отдельных крикунов не будет

поддержки. Да, скорее всего, власть российская будет меняться не под прямым давлением уличных толп. Она начнет метаться и распадаться сама в себе из-за неизбежной грядущей растерянности, которая явится результатом утраты ею гарантий своего правления со стороны хозяев западного мира. Нравственная революция начнется низложением главных властителей России, лично повинных в нравственном падении нашего Отечества. Именно они выступили в роли главных виновников решительного отступления государства российского от принципов морали. Именно в годы их господства российские СМИ под предлогом коммерческой деятельности проводили политику безудержного растления русского народа. Делалось же это намеренно и сознательно (якобы во имя целей рынка или наживы).

Сегодня в России у власти бывшие советские фарцовщики и спекулянты (или их духовные сородичи). Они же во многом фальшивые комсомольские вожаки в прошлом. Эти люди никогда не имели ни стыда, ни чести, ни совести. И поныне они продолжают упорно, упрямо лгать своему народу в главном. В чем? А в том, что они лично живут лишь *корыстью* во всех ее проявлениях. Она и есть их потайной и постыдный символ веры. Именно поэтому эти господа и не понимают слов о национальной идее России, именно поэтому у современной России нет никакой человекоподобной идеологии и внятной стратегии развития. Вместо этого эти люди регулярно организуют в СМИ антисоветскую истерию, полагая тем самым закрепить свое положение у власти навечно, время от времени бросают малую часть из присвоенных огромных денежных средств на увеличение копеечных пенсий. Кроме этого, нынешняя власть взяла курс на издание вполне изуверских законов, с помощью которых намерена стереть с лица земли всякое недовольство собою. Иначе говоря, если и есть сегодня у русского народа где-либо серьезные враги, так это именно современные российские власти. Вот как в 1949 году

охарактеризовал наши дни старец Серафим Вырицкий: «Придет время, когда не гонения, а деньги и прелести мира сего отвратят людей от Бога и погибнет куда больше душ, чем во время открытого богоборчества. С одной стороны, будут воздвигать кресты и золотить купола, с другой — настанет *царство лжи и зла...*» Но как сей пагубе возможно будет противостоять, когда даже Православная церковь уже во многом стала на сторону фактически богоборческой власти? А так, что известное природное стремление народа к правде все равно превзойдет все, и даже церковный конкордат с властью (Вырицкий: «Истинная церковь *всегда будет гонима*»). То есть не какие-то мифические враги за океаном, а враги во власти уже давно есть главная проблема России. Причем они же ныне все до одного ловко пребывают «в овечьей шкуре». Однако все равно ничто не сможет противиться стремлению к подлинному духовному возрождению русских людей. Но упаси нас всех Бог от каких-либо попыток перехода к насилию, к справедливому возмездию! Да и нравственная революция — это все-таки духовная революция, творящаяся прежде всего в людских душах, умах, а не на площадях. Ее плод — иной нрав, избегающий ветхозаветных привычек мести и полагающий праведные цели жизни неприкосновенными.

Завершая настоящий текст о нравственной революции, следует отметить следующее. С одной стороны, у наших современников пока нет никаких серьезных надежд на то, что она и вообще возможна, с другой — разумное начало самой жизни самым неожиданным образом, видимо, все равно заявит о себе, и она непременно разразится. Другое дело, что ее характер будет не похож ни на что другое, известное нам из истории. То есть грядущее масштабное изменение будет как видимым, так и невидимым одновременно. Вместо наглядного для всех исторического действия или процесса будут прорастать как бы автономно то тут, то там одни и те же малые, но

существенные изменения. Какие же именно? А, например, такие. Скажем, то, что еще вчера считалось многими в поведении приемлемым, станет вдруг табуированным, а то, что было странным, станет также вдруг вполне разумным, а значит, и правильным. Иначе говоря, все действительно моральное как бы понемногу начнет практически повсеместно теснить аморальное. В результате многие поборники всего лукавого и подлого начнут чувствовать себя для начала вдруг как-то неловко, а затем они же неожиданно для себя поймут, что становятся фактически изгоями общества. Впрочем, кто-то скажет, что поживем — увидим. Что ж, спорить о том попусту не будем. Но уповать на помощь Господа нашего будем всенепременно! А для сущей полноты выраженной позиции, вероятно, уместно сказать еще несколько слов о роли культурного сообщества в деле устройства русской жизни. Многие из деятелей культуры полагают, что они действуют вполне независимо от духа общей жизни, так как видят в себе некое избранное начало. Что ж, отчасти

это так. С другой стороны, нет и не может быть нигде и никогда творцов, никак не зависящих от сути всего их окружающего. То есть всякий разумный деятель искусства, как говорится, намертво привязан многими невидимыми и часто неосознаваемыми «нитями» к среде собственного обитания, полностью предопределен ее же будущими изменениями. В результате он своим талантом либо разрушает мир, либо удерживает его от гибели. Поэтому-то всякие упования на то, что «чистое искусство» вне морали и даже самой жизни общества есть лишь форменное недомыслие. Иначе говоря, нет в культуре ничего свободного от *объективного* служения добру или злу. Будем об этом твердо помнить и действовать строго в согласии с этим пониманием. Ниже читателю настоящего текста предлагается в качестве приложения размышление — анализ некоторых положений Конституции России 1993 года. Зачем это читателю? А затем, что если что и следует менять в нашей жизни в первую голову, так это именно ее — Конституцию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Уроки смысловедения

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1993 года КАК МЕХАНИЗМ РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ РОССИИ

(выдержки из книги А. Миронова «Конституция Российской Федерации 1993 года: смысло-логический анализ». СПб.: Роза мира, 2005, и комментариев)

...все то, что носит название «декабристов», «реформаторов», — словом, принадлежит к «бытоулучшительной партии», — есть истинное антихристианство...

Из пророчеств
Святого Преподобного Серафима Саровского

Ранее автор настоящего развернутого размышления при работе над книгой о «Сущностном восприятии слова» (книга первая) уже пробовал при-

ступать к аналогичному исследованию. Впрочем, готовности к полномасштабной работе тогда еще не имелось, и поэтому работа сия имела характер свое-

го рода пробы пера. Ныне ситуация, как говорится, «вызрела» как в части готовности автора к заявленной теме, так и в связи с уже возникшим общественным интересом к выбранному объекту исследования. Да и вправду сказать: какова у нас Конституция — так мы и живем. А, как известно, живем мы в целом неважно. Для подтверждения справедливости последнего тезиса достаточно посмотреть на лица наших сограждан. Среди них доминируют вовсе не озабоченные трудовыми или творческими свершениями лики, а среди них преобладают потерянные, раздраженные, саркастичные, сердитые, инфантильные, праздные и очень надменные физиономии. Другими словами, даже веселье наших современников выглядит весьма истерично, а порой даже агрессивно и, в конце концов, уныло. Тогда как подлинно светлых и радостных лиц часто и не сыскать вовсе. Но оно и понятно: существо взятой в обозрение Конституции как своего рода светского нравственного кодекса и устава как не предполагало этого в момент своего написания, так и не предполагает сие и поныне. Другими словами, искомое радостное и счастливое бытие граждан России ею и вовсе не предусмотрено было. Наоборот, ее основная забота в ином — в гарантировании **свободы** для стяжания **частной** выгоды или частной пользы. Иначе говоря, нынешняя Конституция весьма настойчиво хлопочет о правах человека, но никак не озабочена формированием этого самого человека, вероятно, предполагая его «автоматическое» наличие. Впрочем, названные выше права вполне можно попытаться обратить и на созидательные цели.

По твердому убеждению автора настоящего размышления, регламентирующий что-либо документ всегда оказывает на им же регламентируемое решающее влияние или является, с одной стороны, весьма и весьма эффективным по части непосредственного управляющего воздействия на им же управляемое, с другой — является вполне убедительным по части отображе-

ния в себе самом характера названного воздействия. Другими словами, господствующий на момент действия документа его же «нрав» непрерывно присутствует в нем и всегда определяет некий результат. Из последнего обстоятельства как раз и возникает сама потребность уяснения характера документа для его же, скажем, последующей переработки или преобразования с целью получения невидимости заботы о народе, а для получения подлинного или непреходящего блага. Впрочем, кто-то возразит, что наш мир по сей день не придумал ничего более эффективного, чем частная инициатива, а значит, известная Конституция не так уж и плоха, иное же ведет лишь к стагнации и упадку. Да, прошлый, например советский, опыт оказался во многом досадным. Но, с другой стороны, в нем были и очевидные успехи, как говорится, в человеческом измерении. Иначе говоря, советская жизнь во многом с бытовой точки зрения была тягостна, но в ней всегда был очевиден всеобъемлющий человеческий смысл (идеал) и была надежда на всемирное торжество созидательного начала в грядущем, причем начала вполне вдохновляющего, а не **своекорыстного** и **постыдного**. Другими словами, в советском бытии сохранялись длительное время шансы на всемирное человеческое развитие, а может быть, как это ни странно кому-то покажется, и на спасение души. Иначе говоря, эти шансы никогда не сводили человека к своего рода расходному материалу, например для рынка или прибыли. Другое дело, что они так и остались всего лишь в потенции. Поэтому целью настоящей работы является уяснение необходимости отказа от нынешней Конституции, рожденной, с одной стороны, от отчаяния и большой глупости, с другой — в угоду крайнему эгоизму его заказчиков и разработчиков. Прочитав сие, вероятно, кто-то возразит автору, что он много на себя берет, ведь лучшие умы человечества до сих пор ничего лучшего так и не придумали, как дать простор этому самому человеческому эгоизму, ко-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

торый как самый универсальный и всемирный регулятор сам все и везде приводит к равновесию, а ставить заботу о ленивых и слабых во главу угла общественного процесса просто губительно для всех. Да, - жить только для того, чтобы кормить «пятью хлебами пять тысяч», вероятно, не следует, но жить для «пяти тысяч хлебов для пяти» — тем более. Речь, по-видимому, надо вести не о запрещении чего-либо и не о дележе тем более, речь надо вести о вразумлении и наставлении если не на праведную жизнь, то во всяком случае — на жизнь разумную, а значит, на жизнь человека достойную. Да, последнее ой как непросто. С другой стороны, никто и не обещал, что будет легко. Но и выдавать вполне **очевидную** и внешне комфортную неправду за правду все равно долго и никому не удастся. Впрочем, попробуем все-таки сначала доказать, что Конституция России 1993 года есть образец использования неправды в качестве правды. Для ре-

шения заявленной выше задачи воспользуемся сформулированным в книге первой о «Сущностном восприятии слова» и опробованном в книге второй с аналогичным названием методом смысло-логического анализа речи. Кроме того, учтем также, что названный выше метод ранее дал весьма любопытный результат в работе над текстом Евангелия (см. книгу «Прямая речь Иисуса Христа: смысло-логический анализ». СПб.: Алетейя, 2005).

Завершая краткое предисловие, автор надеется, что читающий ниже следующее изложение вполне сумеет уяснить себе его всеобщую актуальность и займет по прочтении добросовестную (утверждающую) мировоззренческую позицию.

Но начнем рассмотрение самого текста Конституции и прежде всего содержания ее 1-й главы из 1-го же раздела, посвященной целиком основам конституционного строя России. Приведем прежде целиком текст преамбулы Конституции.

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем

КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Рассматривая процитированный выше текст, как говорится, по частям, нетрудно заметить, что некие «мы» почему-то именуют себя «многонациональным народом Российской Федерации». Тогда как сам народ навряд ли будет говорить от своего имени как от чего-то целого соответственно «мы», так как такое самообозначение уместно будет лишь по отношению к чему-то внешнему, скажем, к народу другого государства, но никак не по отно-

шению к самому себе. Подобное своей напыщенностью как раз и производит впечатление чего-то подложного. По мнению автора настоящего критического обзора, правильно следовало бы написать иначе, например так: *настоящим системообразующим нормативным актом, именуемым в дальнейшем КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, народ России посредством процедуры всеобщего тайного голосования и абсолютным большинством*

голосов... выражает... Посему, следуя логике, вполне можно заключить, что упомянутые «мы» есть своего рода самозванцы, всего лишь выдающие себя за народ России. Впрочем, кто-то возразит, что сия преамбула была проголосована российским избирателем 12 декабря 1993 года, а значит, все в порядке, господин критик! Но, во-первых, поддержали сию тираду лишь 13 % (по иным данным, порядка одной трети, но точно не знает никто) от числа **всех** избирателей России; во-вторых, данное обращение явно призвано как раз сокрыть собою первое или призвано скрыть тот факт, что от имени народа в данном случае выступает неизвестная народу группа лиц, выдающая свой частный интерес за интерес всенародный. Следующая фраза «соединенные общей судьбой на своей земле» не менее первой заслуживает своего внимания, так как разговор об «общей судьбе» вызывает вполне очевидный вопрос: станет ли кто-нибудь, как говорится, в здравом уме и твердой памяти говорить об общей судьбе со своими близкими и родными людьми, например со своей матерью, или нет? Да, можно говорить об общей участи, например пассажирам и экипажу «Титаника», да и то — только в общем плане, ведь из них в результате катастрофы погибли далеко не все. Иначе рассуждая, говорить **в первую голову** о соотечественниках как о людях с общей судьбой вполне возможно, но лишь в случае их восприятия как своего рода попутчиков себе, но никак иначе. Впрочем, кто-то, вероятно, заметит, что автор чересчур «забирает» или чересчур строг. Что ж, может быть, оно и так, но обратим внимание на окончание последней фразы «соединенные... **на своей земле**». Каково, а? Неужели можно оказаться соединенным с кем-либо на собственной же земле или, скажем, в собственном же доме? Ведь если земля (дом) принадлежит какому-либо, например племени (семье), то его родственники могут считаться соединенными этой землей (домом)? А пребывание племени или семьи на чужбине либо в чу-

жом доме также будет считаться средством их соединения? Бред, да и только. Да, без земли и дома или его подобия никто не обходится, но это еще не будет означать, что соединение кого-либо или совместное проживание в одной коммунальной квартире никак не образует одну семью. Вероятно, грамотно следовало бы написать так: *...на основе отечественных традиций и выраженного подавляющей частью народа стремления к жизни в ладу с Богом и людьми...* Но кто-то, вероятно, тут же заметит автору, что Конституция России должна быть сугубо светской, а значит, упоминание в ней Бога вряд ли уместным будет. На это автор заметит, что так называемая «светскость», во-первых, по умолчанию отрицает бытие Бога и провозглашает тем самым его полное замещение человеком; во-вторых, фактически провозглашает справедливым или **истинным** лишь первое утверждение. Будет ли сие справедливым по отношению к тем, кто верит в бытие Бога и живет в соответствии с этим? Другое дело, если говорить о конкретной конфессиональной принадлежности государства. В таком случае в России действительно возникает конфликтная ситуация, которую легко можно снять, например, положением, что какое-либо конфессиональное первенство Российским государством не признается. Другими словами, церковное первенство целиком и полностью находится в руках самих церквей и ни в чьих более. Иначе говоря, церкви сами доказывают своим потенциальным прихожанам свою истинность и сами делают либо не делают их своими членами. И еще. В государстве вне бытия Бога какого-либо устойчивого нравственного доверия закону или провозглашаемым правилам поведения никогда не будет, так как сами законы будут, естественно, восприниматься лишь как временный человеческий произвол. Поэтому вне бытия Бога Конституция России вряд ли выигрывает. Впрочем, идем далее.

Рассмотрим словосочетание «утверждая права и свободы человека». В нем

обращают на себя внимание прежде всего первые два слова «утверждая права», а точнее, их совокупный смысл. Последний из взятого выше в кавычки вообще-то даже как-то и извлечь-то будет затруднительно, ведь устанавливать, настаивать, признавать или свидетельствовать о правах весьма сложно. Другое дело, если говорить, например, так: *...вполне выражает свои права...* Теперь о «свободах человека». Да, без свободы человеку действительно тяжело. Впрочем, речь на самом деле идет о другом, речь идет о преодолении насильственного подчинения воли одного человека воле другого человека. А это уже не получение свободы как таковой, а лишь снятие навязанного ранее силой или обманом внешнего господства. Но тогда так и следовало бы и говорить, что «в том числе и право запрещения насильственного подчинения воли любого человека иной человеческой воле, включая обман». Другими словами, «утверждая права и свободы человека» авторы преамбулы Конституции всего лишь ловко обманывают названного человека, так как, образно говоря, «прячут» от него действительно для него же насущное под покровом привлекательной, но по сути не содержащей внятного смысла фразы. Теперь рассмотрим слова «гражданский мир и согласие». Последние выглядят с первого взгляда весьма привлекательно, а со второго? Со второго мы имеем, с одной стороны, приоритетное выделение «гражданского мира», с другой — некое «согласие». Да, сам по себе «мир» весьма привлекателен, тогда как «гражданский мир» уже чем-то «напрягает». Интересно только: чем именно? А вот чем: оказывается, исходное и уже устаревшее значение слова «гражданский» — внецерковный. Тогда «гражданский мир» — это мир без Бога, что ли? Но тогда это мир весьма и весьма уязвимый даже по меркам все еще господствующего безбожного мировоззрения, ведь примирить неверующих в Бога и верующих в Него весьма трудно, если не сказать — невозможно. Далее о «согласии». Лю-

бопытно: а с чем именно «мы» предлагаем нам согласиться-то? Неужели с миром без Бога? Поэтому и получается, что словосочетание «гражданский мир и согласие» весьма проблематично. Вероятно, следовало бы написать нечто иное, например такое: *...и утверждает своим жизненным приоритетом миролюбие и безоговорочное согласие со всеми без исключения его проявлениями...* Следом за разобранным выше идет такое: «сохраняя исторически сложившееся государственное единство». Что в последнем высказывании беспокоит прежде всего? А то, что в данном случае речь идет о сохранении в неизменном состоянии некоего исторически достигнутого состояния («государственного единства»), что само по себе не может не удручать, ведь исторический процесс на то и процесс, что его никак не остановишь, а значит, поставленная или сформулированная задача не имеет решения! И потом, почему речь идет о «государственном», а не, скажем, «народном» единстве, ведь «чревоушает» все-таки народ, а не государство, которое опять-таки бывает как приемлемое для народа, так и не очень? Вероятно, было бы уместнее написать, например, так: *...развивая при этом исторически сложившееся единство как единство прежде всего мировоззренческое и формируемое на принципах обязательного поиска и утверждения в социальных отношениях правды и честности...* Кстати, финальная часть последнего по тексту тезиса (после первого союза «и») вполне сможет заменить собою суждение из рассматриваемой преамбулы: «исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов». Почему последнее достойно замены? Да потому, что равноправия и самоопределения на самом деле и нет вовсе, так как, например, равноправие на самом деле возможно лишь при очевидном наличии одинаковых возможностей, как, собственно, и самоопределение полностью и исчерпывающе зависит от них же. Иначе говоря, если нет возможности для реализации конкретного права, в том числе и на са-

моопределение, то не будет ни первого, ни второго. И потом, а зачем вообще нужно будет равноправие и самоопределение, если в отношениях народов России будет правда и честность? Теперь рассмотрим такое: «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». В последнем находим, во-первых, странное: почитание памяти предков, во-вторых, не менее странное: передачу любви и уважения к Отечеству, веры в добро и справедливость. И действительно, разве, например, возможно почитание не своей памяти? Да, вполне можно и нужно помнить собственных предков, пользоваться плодами их труда, но также следует помнить об их ошибках и заблуждениях как в назидание себе, так и будущим поколениям. А передача любви и остального, конечно же, есть пустая, следовательно, вредная фантазия, и только. Тогда как, например, подлинная любовь и уважение к Отечеству без собственной работы над собою же и не возникнет вовсе, а значит, на самом деле нам следует вести речь о квалифицированном и систематическом историческом самообразовании россиян, основанном исключительно на достоверных данных и воспринимаемом в контексте мировоззрения «одного стандарта», всегда предполагающего и применяющего ко всем и ко всему лишь одну мерку. Другими словами, знание истории должно быть таким, чтобы при добавлении в него в качестве (и не только) иллюстраций каких-либо новых достоверных исторических фактов общая картина наличных исторических событий не утрачивала бы своей целостности и не рассыпалась на несвязанные между собой фрагменты, а дополнялась и уточнялась, как формируется мозаичное полотно при добавлении в него недостающих элементов. Ну а говорить о вере в добро и справедливость всерьез и вовсе не следует, так как в добро на самом деле не верят, как в добро на самом деле не верят, ее попросту творят, как и в справедливость также не верят, ее лишь утверждают собственным поведением, основанным на поиске и стя-

жании правды, ниспосылаемой человеку Свыше по его же выраженному желанию к тому.

Переходим к обдумыванию и оценке следующего тезиса преамбулы российской Конституции, который выглядит так: «возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы». Что беспокоит в нем? Во-первых, указание на якобы ранее утраченную суверенность государственности России, страны, отстоявшей свою независимость в годы Второй мировой войны. Как говорится, что-то не складывается или кто-то лукавит. Конечно, можно говорить о коммунистическом иге, опутавшем государственность России, но тогда говорить сие следует вполне ясно. Впрочем, об этом не говорится, вероятно, потому, что Россия в прошлом, как ни крути, сама избрала для себя же названное иго. Другими словами, никакие интервенты не насаждали его, а значит, и никакой потери суверенитета и не было вовсе. Заключая сформулированное выше, вполне можно заметить, что авторы сего тезиса пытаются присваивать себе чужие заслуги или занимаются с сущностной точки зрения банальной кражей. Далее, касательно «и утверждая незыблемость ее демократической основы», вероятно, следует заметить, что «утверждать незыблемое» можно, но вряд ли сие будет разумно, а значит, кто-то кому-то попросту, как говорится, морочит голову. Ну и, конечно же, стоит еще оценить так называемую демократическую основу России. Последняя в разбираемом нами контексте, вероятно, иначе представима как утверждение основы наследуемого верховенства преобладающего совокупного нрава граждан России. Что сие будет означать, вероятно, не смогут пояснить и сами авторы выделенного выше заявления. Да, говоря об «основе» демократии, надо сначала ясно и твердо уяснить значение самого слова «демократия», причем уяснить не в смысле частных проявлений этого слова, а в смысле его собственного значения или значения сущностного.

Теперь посмотрим на такое: «стремясь обеспечить благополучие и процветание России». В выделенном выше словосочетании удивляет, во-первых, слово «стремясь», во-вторых, «обеспечить». Если первое являет собой лишь некое благое намерение, которое, вполне возможно, и выполнено-то не будет, то уже второе — должно либо предоставить России достаточные материальные средства к жизни, либо гарантировать ей что-то конкретное или сделать это верным (несомненным). Как мы видим, авторская группа, как говорится, «постаралась на славу». Другими словами, демагогия как явная игра «на понижение» или как ставка на недоразвитие своего адресата и есть ее «фирменный» стиль. Впрочем, рассмотрим еще такое обязательство авторов Конституции: «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества». Оказывается, в своем собственном поведении вполне можно исходить из ответственности за... либо, естественно, не исходить из нее же. Но тогда сие обязательство по своей сути им как раз и не является, так как каждый желающий того при необходимости будет вправе посчитать себя вполне свободным от названной ответственности, так как специального обязательства в отношении последней он как раз кому бы то ни было и не давал вовсе. Далее, удивляет выделение лишь нынешнего и будущих поколений, тогда как прошлые почему-то оказались совсем забытыми. Последнее, вероятно, связано с отказом от мировоззренческих ценностей наших предшественников. Но тогда не следует обольщаться и на счет позиции будущих поколений, которые вправе будут поступить с нынешними аналогично. И, завершая разбор преамбулы, отметим еще тот факт, что авторская группа «сознает себя частью мирового сообщества» или она, вероятно, имеет перед ним и вполне конкретные обязательства, вопрос только — какие? Но об этом текст преамбулы Конституции, воз-

можно из деликатности самого вопроса, и вовсе умалчивает.

В заключение аналитического разбора преамбулы настоящей Конституции следует отметить, что она имеет характер яркого и эмоционально сориентированного документа, вероятно, призванного к обольщению собою легковверного массового читателя, к тому же и неспособного к вдумчивой самостоятельной работе со сложной речевой информацией. Кроме того, уже с существенной точки зрения сей документ весьма уязвим, так как необходимых в подобном случае первостепенных и жизненно важных обязательств в себе самом практически не содержит, что вполне ставит его под сомнение как нечто целое, и, скорее всего, он может быть охарактеризован как документ неквалифицированный, а значит, и как очевидно безответственный.

Начнем рассмотрение и анализ некоторых положений содержания

РАЗДЕЛА ПЕРВОГО

КОНСТИТУЦИИ Российской Федерации

ГЛАВА 1. ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Статья 2

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Вот ведь как по настоящей Конституции понятие «человек» оказывается своего рода завершенным распорядителем понятия «государство». Другими словами, «государство» является слугой «человека». Споры нет, звучит, конечно же, красиво, но разумно ли сие в своей основе? Давайте проверим. Во-первых, понятие «государство» легко сочлениется лишь с понятием «гражданин», так как и первое и второе из одного смыслового (юридического) ряда. Тогда как понятие «чело-

век» явно шире понятия «гражданин» или вполне поглощает его со смысловой точки зрения. В таком случае внешне получилось как раз ровно то, что и прописано в рассматриваемой статье. Другое дело, что само употребленное в статье понятие «человек» никак не раскрыто, что вызывает законные вопросы, скажем, о том, что под ним следует понимать. Мы ведь знаем, например, лиц без определенного места жительства и без определенного рода занятия. Являются ли они высшей ценностью для государства? Отнюдь, никак не являются. Впрочем, мы также можем заметить еще и такое: высокопоставленные люди самого государства, как говорится, по всем приметам уже действительно являются названной высшей ценностью этого самого государства, тогда как все остальные люди уже по некоей нисходящей кривой, вплоть до бомжей, все менее и менее являются этой самой высшей ценностью. Почему же так? Да потому, что права у всех **в сути своей** разные, так как обеспечивающие их реальные возможности есть таковы. А без равенства последних говорить о равенстве прав людей можно, но лишь кривя при этом душой. Поэтому и получается, что в данной статье лукаво «защит» обман, на самом деле разделяющий людей на «человеков» и всех прочих. Другими словами, сию статью писали люди **корыстные** и писали сугубо под свой **личный** интерес. Теперь рассмотрим еще слово «свободы», которое, вероятно, предполагает некие особые права, скажем, к **аморальным** поступкам. Другими словами, авторы данной статьи с помощью применения слова «свободы» вполне позаботились о возможности, например, для собственного несправедливого поведения. Впрочем, в качестве альтернативы вполне можно было бы предложить, скажем, такое:

*Основопологающей обязанностью всего российского государства является гарантированное предоставление своим гражданам возможностей для получения ими **посильного образования, для их добровольного труда и необходимой им ме-***

дицинской помощи, а также проведение политики всеобщего социального развития российских граждан.

В качестве некоторого пояснения к предложенному варианту 2-й статьи автор полагал бы уместным уточнить следующее: во-первых, под «посильным образованием» следует понимать такое образование, которое только может быть получено каждым конкретным гражданином с учетом его природных наклонностей и способностей; во-вторых, под политикой «всеобщего социального развития» следует понимать не цели, скажем, просвещения граждан, но прежде всего цели становления из граждан вполне ответственных в социальном отношении субъектов. Решение последней задачи и будет гарантией жизнеспособности как всего общества, так и самого государства.

Статья 6

1. Гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения.

2. Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации.

3. Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его.

Посмотрим в толковом словаре русского языка значение слова «гражданин». Оно имеет следующие значения: подданный какого-нибудь государства; сознательный член общества, подчиняющий свои личные интересы общественным; взрослый (не церковный — устаревшее) человек, мужчина. Получается, что в своей сути гражданин есть лицо, входящее в самостоятельно существующее общественное объединение и подчиняющее свои интересы интересам данного властного образования. Другими словами, гражданство не может быть не единым и не равным

в принципе, а значит, писавшие пункт первый настоящей статьи совершили логическую ошибку, написав о единстве и равенстве гражданства. Это первое. Второе же состоит в том, что «приобретение и прекращение гражданства» своим смыслом напоминает покупку либо утрату, скажем, неких прав и привилегий, тогда как из смысла самого гражданства следует иное — лишь добровольное взятие на себя неким лицом обязательств в пользу конкретного общественного объединения, обладающего властными свойствами. Так как же быть? Вероятно, что речь может идти лишь о вхождении в гражданство либо о выходе из него. Теперь рассмотрим второй пункт настоящей статьи. В нем явно опущены права и обязанности гражданина, например, вне территории России, что есть грубая ошибка авторов рассматриваемой Конституции. Другими словами, гражданин России является таковым и за ее пределами. В третьем пункте статьи 6 явно присутствует подвох, так как невозможность лишения государством конкретного лица гражданства, как говорится, «за дело» почему-то противопоставляется праву на добровольный выход из гражданства того же лица в пользу вхождения в иное. В результате конкретное лицо получает внутри собственного гражданства фактически своего рода «антигражданское» (в данном случае в отношении российского) право, что, конечно же, есть логический абсурд, исключаящий из гражданства саму его суть, состоящую прежде всего в добровольном обязательстве ущемления личных интересов в пользу общественных. Иное же по принципу соответствия должно сопровождаться воздаянием, в данном случае — принудительным лишением конкретного лица ранее присвоенного ему же гражданства. Но как же следует писать настоящую статью грамотно? Вероятно, например, так: *вхождение в гражданство Российской Федерации и выход из него осуществляются только в соответствии с законом о гражданстве России; гражданство России может быть ут-*

рачено лишь в случаях, предусмотренных положениями специального раздела закона о гражданстве.

Статья 7

1. Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Взятая в рассмотрение статья Конституции отличается прежде всего применением весьма странного словосочетания «Российская Федерация — социальное государство». Для подтверждения обоснованности признания выделенного словосочетания странным обратимся к толковому словарю русского языка. В нем отыщем значение слова «социальный». Оно имеет следующие значения: прилагательное, по значению связанное с жизнью людей в обществе, их отношениями в обществе или к обществу, общественный; реорганизуемый общественные, производственные отношения в обществе; порождаемый условиями общественной жизни, условиями той или иной общественной среды, общественной формации; прилагательное, по значению связанное с принадлежностью к какой-нибудь общественной группе, классу. Как видим, в контексте перечисленного выше понятие «социального государства» выглядит, как минимум, несколько непонятно. Для большей ясности рассмотрим также словарные значения слова «государство». В словаре они выглядят так: организация классового господства, имеющая своим назначением охрану экономических и политических интересов господствующего класса и по-

давление враждебных классов; страна, управляемая своим самостоятельным правительством; гражданское общество, более или менее политически самостоятельное и управляющееся своими законами. Последнее значение позволяет представить значение слова «государство» со смысловой точки зрения более выпукло, например, так: *гражданское общество, обладающее той или иной идеологией и управляемое соответствующими законами*. Кстати, идеология государства может быть выражена даже как ее внешнее отсутствие. Другими словами, провозглашение, например в России, отсутствия господства какой-либо конкретной идеологии и есть искомая господствующая идеология, но идеология, скрывающая себя как неявно установленное право власть предержащих для ничем не ограниченного изменения ими самими содержания любых общественных отношений внутри страны. Но вернемся вновь к анализируемому словосочетанию. В результате смыслового обобщения значений слов «социальное» и «государство» мы получаем, например, такое: связанное с жизнью людей в обществе или с их отношениями в обществе (к обществу) гражданское общество, обладающее той или иной идеологией и управляемое соответствующими ей (идеологии) законами. Получилось, мягко говоря, нечто маловразумительное, ведь гражданское общество как понятие уже вполне содержит в себе самую связь с жизнью людей в обществе и никак не нуждается в повторе того, что уже есть и так. Странно. Теперь о «достойной жизни» и о «свободном развитии человека». Опять нам предлагается принять нечто непонятное как понятное. Да и в самом деле: разве бывает «недостойная жизнь» или «несвободное развитие человека»? Такое впечатление, что сие писали напыщенные и неграмотные люди. Во-первых, слово «достойная» означает заслуживающая, стоящая; вполне соответствующая, справедливая. Как мы видим, «достойная жизнь» в сути своей есть «честная жизнь». Здорово, а? Другими словами, Россия бу-

дет пытаться создавать своим гражданам условия для честной жизни? Но подобное положение, помещенное в Конституции, может вызвать у внимательного читателя лишь недоумение, скорее всего его удивит как содержание самого намерения законодателя, так и его же неконкретный характер по части гарантии его реализации. Иначе говоря, получилось не совсем понятно «что» и совсем непонятно «как». Во-вторых, понятие «развитие» само по себе уже предполагает как раз стеснение. Или оно возможно лишь в преодолении сопротивления. Но законодателю анализируемой Конституции, видимо, это невдомек. Грустно, ведь элементарная смысловая грамотность все-таки должна была у него быть. А как же написать сие грамотно? — спросит нетерпеливый читатель. А, например, так: *российское государство гарантирует один стандарт отношения ко всем своим гражданам без какого-либо исключения*. При этом в государстве, понятное дело, резко повысится ответственность власть имеющих лиц к тому, что они намерены делать с обществом, так как их действия неотвратимо, непосредственно и совсем скоро скажутся и на них самих же.

Теперь переходим к оценке содержания второго пункта настоящей статьи. В нем мы видим, во-первых, что в «РФ охраняются труд и здоровье людей». Интересно, а как это следует понимать? Ежели буквально, то что же это такое («охрана труда и здоровья людей») будет? А, например, охрана жизни людей и не предусматривается вовсе? Другими словами, если вас сразу лишат жизни, то и взятки гладки, что ли? Правильно, ведь жаловаться-то уже будет некому, а значит, и проблем быть не должно! Ежели говорить всерьез, то «охрана труда и здоровья людей» в Конституции вряд ли нужны, так как, например, проблемы техники безопасности — это все-таки проблемы, скажем, конкретного работодателя, предполагающие его же уголовную ответственность за причинение вреда здоровью нанятому им

персоналу либо за его гибель. Далее. Законодатель ведет странный разговор об установлении какого-то минимального размера оплаты труда. Неужели такая проблема есть проблема Конституции? И потом, а разве за труд не должны платить лишь заработанное и, наоборот, не переплачивать лишку или не платить незаработанное? Может быть, правильно было бы вести речь о том, что Конституция лишь гарантирует гражданам исполнение работодателем взятых им на себя обязательств по оплате их труда в соответствии с его качеством и количеством? Впрочем, возможно ли все с учетом рыночной стихии и вообще гарантировать? Но что же дает обществу упоминутая выше минимальная оплата труда? Право плохо или мало работать? Но зачем подобное вообще нужно? Странно это, ведь если работу следует выполнить, то она имеет стоимость, скажем, рыночную, а ежели ее не надо делать, то зачем ее вообще следует оплачивать? Другое дело, общественные или бюджетные работы. Но и они ведь вполне определяются стоимостью действительно прожиточного минимума, а значит, на самом деле речь должна идти лишь о гарантировании выплаты последнего и только всем бюджетникам. Причем всякая иная прибавка к зарплате бюджетников должна определяться общими экономическими показателями конкретного региона, страны в целом и в строгом соответствии с ответственностью по занимаемой должности. Так как же следует писать грамотно? Труд в России оплачивается в случае бюджетников строго в соответствии с текущим территориальным прожиточным минимумом, дополняемым выплатами, определяемыми в свою очередь ростом общих экономических показателей, например, региона или страны в целом. Другими словами, труд (деятельность) бюджетников должен быть очевидно полезным и не должен быть заниженным по оплате, с одной стороны, а также не должен носить паразитический или вредящий экономике характер — с другой. В следующем

положении анализируемой статьи мы видим, что государство «обеспечивает поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан». Странно это, ведь «копеечное» участие в судьбе перечисленных групп граждан, что заранее понятно, не будет носить принципиального характера, а значит, будет походить скорее на имитацию заботы о них. Но тогда зачем об этом писать? Вероятно, иначе следовало бы написать, например, так:

Российское государство всеми своими накоплениями гарантирует поддержание прожиточного уровня всем нетрудоспособным семьям, матерям либо отцам по уходу за новорожденными, инвалидам и пожилым гражданам, которые не могут иметь соответствующей поддержки со стороны близких родственников.

Теперь о «развитии системы социальных служб, установлении государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты». Подобное напоминает детское: когда я вырасту, буду помогать маме и папе зарабатывать деньги. Впрочем, без выплат пенсий и пособий представляемое настоящей Конституцией государство и вовсе никому не нужно будет, по крайней мере в обсуждаемой части. Другое дело, если говорить про размер названных выше выплат. И здесь вновь приходится говорить про гарантирование государством всеми наличными накоплениями текущего территориального прожиточного минимума как с помощью установления соответствующего размера пенсий, пособий и применения иных мер социального содержания. Теперь попробуем сформулировать выше найденное и осознанное как вполне справедливое, а значит, и честное. Во-первых, Россия — это государство, обеспечивающее материальное прожиточное содержание всех не способных к тому граждан и не могущих располагать соответствующим эквивалентным обеспечением со стороны близких родственников. Кстати, если последние вдруг «отвернутся» от своих близких и престарелых родственни-

ков, то они должны будут платить российскому государству *более высокий социальный налог*, чем если бы они не отказались от содержания своих, например, родителей или старших братьев и сестер. Во-вторых, Россия как государство выплачивает своим гражданам в соответствии с трудовым стажем, должностью пенсию по старости в размере не менее текущего территориального прожиточного минимума.

Статья 13

1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность.

4. Общественные объединения равны перед законом.

5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Настоящая статья на редкость благодатна для обдумывания и получения выводов фундаментального характера. Почему? Да потому, что она напрямую затрагивает фундаментальные основы бытия человеческого сознания. Но начнем по порядку. Первое утверждение об идеологическом многообразии и радует и удручает. Почему? Да потому, что оно, с одной стороны, умно, с другой — глупо. И действительно, а как можно не признавать идеологическое многообразие, ведь оно как неотъемлемая подробность самой жизни попросту не может быть непризнанным. Другое дело введение уголовного преследования за инакомыслие. Но тогда следует сказать иначе: в Российском государстве уголовно наказуемо преследование за какое-либо инако-

мыслие. Далее в отношении идеологической стерильности Российского государства. Возможно ли оно в принципе при сохранении последнего или нет? Кто-то, вероятно, посчитает сие вполне возможным, но автор настоящего исследования полагает обратное и вот почему. Любое сознательное объединение, как говорится, зиждется на понимании его целей и задач. Другими словами, без последних оно становится нежизнеспособным. Тогда как осознаваемых целей и задач чего-либо не бывает в принципе вне конкретной идеологии. Почему? Да потому, что они есть следствие оной. Иначе говоря, цели и задачи есть лишь следствия вполне определенного мировоззрения, в котором наряду с обязательно признаваемым и якобы справедливым представлением о картине мира и назначении человека есть еще и непереносимое желание его утверждения. Поэтому-то вне идеологии государство не может нигде и никогда существовать, так как оно вне идеологии попросту не возникнет. В нашем же случае речь, вероятно, идет о государстве с *неоглашаемой публично идеологией* по причине характера самой названной идеологии как идеологии скрытого разделения всего общества на избранных и прочих, на удачливых и немощных. Тем самым некие избранные и получают с лихвою потенциальные возможности для произвольного переформулирования в свою пользу любых правил организации жизни. Почему? Да потому, что в случае нужды не надо будет добиваться проблематичной в принципе отмены действия ранее установленной публично и признаваемой справедливой идеологии. Другими словами, тщательно скрываемая *идеология безбрежного* (как не имеющего конечной цели) *корпоративного произвола* и есть основа взятой в исследование Конституции. В качестве возможной альтернативы второму пункту автор анализа предлагает такое:

В Российском государстве посредством публичного обсуждения и всенародного референдума выявляется

и устанавливается в качестве господствующей идеологии сути народного бытия как единого целого.

Теперь, минуя сразу глупость необходимости признания разномыслия в третьем пункте, переходим непосредственно к обсуждению содержания пункта четвертого. В нем представляется целесообразным подчеркнуть равенство не перед законом как таковым, в чем, собственно, особого смысла и не имеется, а перед возможностью того или иного участия в его обсуждении еще на предварительной стадии принятия к рассмотрению лишь его проекта. Иначе говоря, любые общественные объединения наравне с государственными имеют право на голосование по любому вопросу в части, их непосредственно касающейся. И наконец, о запрете на любую антигосударственную и иную антиобщественную деятельность. Представляется вполне разумным принять за основу такую формулировку: *запрещаются любые насильственные или обманные действия, ведущие к ликвидации либо к замене господствующей государственной идеологии.*

Статья 14

1. Российское государство — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Удивительная статья, если, впрочем, подумать хорошенько, что с непривычки будет не каждому сразу по плечу. Почему? Да потому, что вот она — выше заявленная «внеидеологичность», как говорится, в действии. Другими словами, само провозглашение «светскости» государства не будет ли проявлением вполне конкретной «светской» идеологии? Но давайте сначала определим смысл или значение слова «светский». В словаре В. И. Даля последнее представлено как земной, мирской, суетный или гражданский (не церковный). Но ведь монополия

церкви на веру в Бога сама по себе не отменяет ее вне себя как таковую. Или у кого-то плохо с головой? Да и в самом деле: картина мира вне бытия Бога как строго картина мужей государственных не будет ли проявлением корпоративного и вполне богоборческого произвола? Да, вполне можно думать, что большинство граждан России, например атеисты, но объявлять сию мысль сразу же законной как-то не вполне конституционно будет. Другими словами, нас «нагнули», а мы и не заметили. Ловкие парни, ничего более и не скажешь. Понятное дело, что второй пункт анализируемой статьи вполне вытекает из первой и в обсуждении никак не нуждается. Посему настоящая статья есть вопиющий произвол ее авторов. Но как же следовало бы сию статью писать честно? А, например, так: *характер самого Российского государства может определяться исключительно всенародным произволом, выявляемым с помощью соответствующего референдума.*

Комментарий. Вот и закончилось исследование некоторых из заявленных Конституцией 1993 года организационных основ Российской Федерации. Ну а при чем же тут, собственно говоря, расчеловечивание самой России, о котором было сказано в заголовке статьи? Законный вопрос. Впрочем, продвинутый читатель, вероятно, уже и сам сообразил при чем. А для оставшихся в неведении поясним следующее. Например, в статье 2 провозглашаются права и свободы человека как самая наивысшая ценность. Внешне все вроде бы и хорошо, но если говорить всерьез, то получается, что «часть» провозглашается главенствующей над «целым». Последнее же автоматически приводит самого человека так или иначе, рано или поздно в положение полного одиночества. Почему? Да потому, что абсолютизация персонального успеха и счастья как «локальной полноты бытия», строго говоря, невозможна даже теоретически. Почему? Во-первых, человек есть существо исключительно социальное,

а значит, подлинный смысл его бытия прямо зависит от качества бытия всего мира. Другими словами, нельзя все-речь считать полной победой частное преуспеяние. Последнее всегда будет страдать своей смысловой незавершенностью. Во-вторых, частное или личное изобилие всегда зиждется на убыли в «целом», а значит, оно всегда напрягает собой «целое», которое обязательно так или иначе, рано или поздно «отыгрывает» перегрузку вызвавшему ее же адресату. В-третьих, подлинная полнота жизни человека возникает лишь тогда, когда он пребывает в ладу с совестью, тогда как частное преуспеяние исключает последнее по определению. Почему? Да потому, что первенство заботы о частном (личном) неизбежно вытесняет собой все остальное на периферию внимания и незаметно превращает самого «частника» в своего рода заложника, уже принципиально не способного слышать голос совести. Далее, в статье 6 в пункте 3 весьма наглядно просматривается узаконение этой самой возможности неверности «частника» заботам «целого». Почему? Да потому, что подобным нарушается даже сама симметрия принципа обязательств. Другими словами, «частнику» вполне разрешается отказываться от взятых ранее обязательств в отношении «целого», тогда как последнему уже запрещается иметь возможность для встречного иска. В статье 7 мы уже встречаем заботу о «достойной жизни и свободном развитии человека». Но что же сие означает на самом деле? Вероятно, что

государство обязуется создавать условия для честной и развивающей человека жизни. Но разве для честной жизни нужны какие-то особые условия? Или слово «достойная» в понимании авторов Конституции предполагает что-то иное, например бытие с удобствами? Но тогда Конституция данным своим положением вполне отрицает свое же второе условие — условие развития человека. Почему? Да потому, что самого развития без стеснения и без его же преодоления попросту не бывает. А без самого развития человек неизбежно так или иначе, рано или поздно утрачивает собственное наличное человеческое содержание. Теперь обратим свое внимание на положения статьи 13. В них мы вновь замечаем заботу о нуждах «частника», которому опять же дается возможность «не заботы» о «целом», а именно: его полностью освобождают от какой-либо необходимости подчинения существующему общественному мировоззрению. Ну и в завершение: положение пункта 1 статьи 14 настоящих основ конституционного строя нашего «частника» вообще освобождает и от какой-либо ответственности за все им творимое даже перед Богом. Поэтому, подводя окончательный итог настоящему размышлению, вполне уместным будет то признание, что заявленное в заголовке статьи **расчеловечивание** России посредством действия ее Конституции 1993 года абсолютно закономерно. То есть, как ни крути, но отказ от данного документа в обозримом будущем России неизбежен.

Комментарий редакции. В прошлом 4-м, выпуске журнала были опубликованы фрагменты из книги А. Ю. Козлова «Десять веков русской литературы». В числе прочего автор дал развернутый и комплиментарный анализ романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. Вместе с тем им же был отмечен тот факт, что образ Алексея Карамазова как образ положительный так и не удался великому русскому писателю. Кроме того, ныне существует и господствует та точка зрения, что в советское время не понимали и не ценили творчества Ф. М. Достоевского, так как «советам не нужна была истина русской жизни». С другой стороны, и до сегодняшнего дня уровень лучших советских постановок по произведениям Ф. М. Достоевского так и остается абсолютно недостижимым. То есть налицо очевидное противоречие: либо гений русской литературы все-таки был оценен в названную эпоху по достоинству, либо нынешние радители Достоевского сами мало его понимают. Для прояснения сформулированного вопроса и для заявления альтернативной литературоведческой точки зрения на роман «Братья Карамазовы» ниже публикуется статья Александра Миронова из книги «Литературы лукавое лицо» (СПб.: Геликон Плюс, 2007).

Александр Миронов

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ — ГЛАВНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБОЖИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СТРАДАНИЯ И НЕВОЛЬНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ ТОТАЛЬНОГО СМЯТЕНИЯ РУССКОЙ ДУШИ

**(или О том, почему так и не был написан второй,
и финальный, роман о жизни Алексея Карамазова)**

Страдание — это внутреннее переживание кого-либо в момент его принудительной трансформации.

От всего неумного не ум, а лишь горе и страдание всякого упасают.
Вероятная мысль Ф. М. Достоевского

Для человека не Бог, а лишь путь к Нему насущен.
Вероятная мысль Ф. М. Достоевского

Допуская *правду* как возможность несправедливости, Ф. М. Достоевский невольно превращает первую в прискорбный факт жизни и тем самым низводит русское сознание в состояние непрерывного недоверия самому себе.

Подлинная вера в Бога всегда разумна, иная — лишь суеверна.

Приступая к работе над настоящим очерком, его автор столкнулся с упреками своего давнего и крайне упорного оппонента. Суть упомянутых претензий свелась к тому, что какое-либо сложное содержание (в данном случае

творчество Ф. М. Достоевского) невозможно исчерпывающе выразить словами, которые всегда лишь частично покрывают названное. Само же сложное содержание, очевидно, отличается бесконечностью деталей. Поэтому, мол,

все претензии пишущего сии строки непременно будут обречены на урезанный результат, а значит, попросту обречены на превратность или на искажение смысла всего им же рассматриваемого. А в качестве фундаментального аргумента, подтверждающего сформулированное выше, известный оппонент автора очерка привёл то соображение, что слова не могут передавать суть ими называемого. Иначе говоря, имя никак не передаёт содержание им же наименованного явления, а лишь указывает на него. Посему всякие словесные критические потуги автора изначально обречены на неудачу. Да, внешне последнее утверждение звучит весьма убедительно. Но, с другой стороны, оно само по себе также выражено словами, а значит, оно само себя же собственным смыслом и отменяет. Почему? Да потому, что в нём также не будет всей полноты, а значит, в нём будут также известные смысловые погрешности. Странно сие. Хорошо, рассмотрим иные случаи и обдумаем обозначенное выше противоречие. Например, возьмём Конституцию или Уголовный кодекс РФ. В них присутствует вполне конкретное содержание, выраженное посредством *слова*. Спросим себя: есть ли какое-либо содержание, которое оказалось не выраженным авторами названных документов? Ответ, разумеется, будет отрицательным, так как авторы всё-таки были вольны в своих действиях, а значит, делали как раз то, что и намеревались. Но тогда разговор о том, что какие-то нескончаемые статьи оказались вне названных текстов есть разговор лукавый? Обдумывая последнее, невольно приходишь к выводу, что да, сей разговор вполне лукавый. Или рассмотрим другое. Новый Завет, выраженный в слове, также усечён, а значит, также искажает собой слово Божье? Вряд ли с этим выводом согласятся верующие. Но тогда что же мы в конце концов имеем? А имеем мы то, что, скажем, написанное слово всё-таки в свою очередь имеет вполне конкретное и неотъемлемое смысловое содержание, ясно и строго познать которое и должен каждый. Иное же, конечно, будет заблуждением или замаскированным лукавством.

Но возьмём в руки последнюю и самую крупную работу Ф. М. Достоевского — роман «Братья Карамазовы». Почему именно его? Роман-синтез, призванный объединить заветнейшие замыслы Достоевского, вобрал в себя обширный ряд его творческих планов. В различных разрезах здесь нашли своё воплощение идеи и темы, возникавшие в сознании писателя почти на всём протяжении его литературного пути. В нём фактически отобразился даже и факт убийства отца Достоевского его крепостными в его же имении — Чермашне. «Может быть, не простая случайность, — указывает дочь писателя, — что Достоевский назвал Чермашней деревню, куда старик Карамазов посылает своего сына Ивана накануне своей смерти» (Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М.: Пг., 1922. С. 17–18). Кроме того, дочь писателя Любовь Фёдоровна Достоевская сообщает в своих воспоминаниях: «Мне всегда казалось, что Ф. М. Достоевский, создавая тип старика Карамазова, думал о своём отце. Конечно, это не точный портрет... Но всё-таки у них есть некоторые общие черты. Достоевский, создавая тип Фёдора Карамазова, может быть, вспомнил о скупости своего отца, доставившей его юным сыновьям столько страданий в училище и столь возмущавшей их, и об его пьянстве, как и о физическом отвращении, которое оно внушало его детям...» Здесь же вполне уместно также упомянуть и оставшего подпоручика Ильинского — одного из товарищей Достоевского по Омскому острогу, который служил ранее в тобольском линейном батальоне, судился за отцеубийство и был приговорён к двадцати годам каторжных работ. Как выяснилось позже, этот «отцеубийца из дворян» порядка десяти лет страдал в каторжной работе напрасно, так как его невинность в конце концов была признана по суду, официально. Настоящий убийца (младший брат Ильинского), не выдержав мук совести, сознался и был приговорен к каторге, а неповинный арестант Омского острога освобождён. В личном архиве писателя не сохранилось, к сожалению,

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

письмо из Сибири о невинно осуждённом, которое могло пролить полный свет на историю одного из самых выдающихся замыслов. Но жизненный источник фабулы романа достаточно ясен. Образ же Алёши Карамазова следом за князем Мышкиным из романа «Идиот», вероятно, должен был быть своего рода вторым и более удачным примером подлинно русского человека, в целом уже вполне освобождённого от истового служения греху. Кроме романа автор очерка в своей настоящей работе намерен использовать ещё некоторые отступления, уже связанные с самим Ф. М. Достоевским, с его личными мировоззренческими особенностями.

В самом начале романа «Братья Карамазовы» Достоевский сообщает читателю, что настоящий его труд является лишь прологом к будущему — второму роману, в котором главный герой первого, Алексей Фёдорович Карамазов, и явит себя во всей своей полноте. Тогда как в первом романе он выступает в роли некоего чудака, проживающего лишь один момент из своей юности, впрочем, многое объясняющий для понимания второго, и главного, этапа его будущей жизни. Вместе с тем, как выяснилось позднее, автору романа в связи с собственной кончиной так и не суждено было написать об этом. С другой стороны, воплощение замысла писателя, вероятно, оказалось бы для него невозможным. Или спросим себя: почему Бог остановил руку писателя? Вот как раз ответу на сей, очевидно, непростой вопрос автор очерка и будет стараться, так или иначе, удовлетворить вполне.

Во время первой сцены в келье у старца Зосимы как раз перед приходом Дмитрия Федоровича Карамазова из уст одного героя романа прозвучала сентенция: «Мы... всех социалистов — анархистов, безбожников и революционеров — не очень-то опасаемся; мы за ними следим, и ходы их нам известны. Но есть среди них, хотя немного, несколько особенных людей: это в бога верующие и христиане, а в то же время и социалисты. Вот этих-то мы больше всех опасаемся, это страшный народ! Социалист-христианин страшнее

социалиста-безбожника». Достоевский не даёт в дальнейшем собственном повествовании каких-либо ясных пояснений к сделанному выше заявлению. Автору же настоящего очерка с самого прочтения приведённых выше слов так и почудилось, что они-то как раз и были направлены своим острием на будущую возможную участь Алексея Карамазова, которой, впрочем, не суждено было быть воплощённой в творчестве известного писателя. Последнее предположение очевидно подтверждают слова старца: «Не здесь (читай — в монастыре. — *Авт.*) твоё место пока. Благословляю тебя на великое послушание в миру...» Далее отец Паисий как бы усиливает сказанное до того: «Пойми, Алексей, что если и возвратишься в мир, то как бы на возложенное на тя послушание старцем твоим, а не на суетное легкомыслие и не на мирское веселие...» Впрочем, ясных определений на то послушание Достоевский совсем не приводит. Но, видимо, сие не случайно, так как рассказ о перлюстрации личной корреспонденции внутри монастыря и сам по себе характеризует своего рода местные немощи, а значит, сказать что-либо по существу сего служения автору романа было нечего. Далее обращают на себя внимание слова Дмитрия Карамазова, сказанные им брату Алексею: «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей». И что характерно — Алёша никак не отвечает на провокацию брата. Случайно ли такое? Вряд ли. Видимо, сказать-то по существу было и нечего. А жаль. Ведь подобные речи на самом деле — речи самые что ни на есть богоборческие. Почему? Да потому, что ум (точнее, разум) здесь приносится в жертву сладкому (греховному) чувству, а значит, полностью умаляется. Иначе говоря, плох тот ум, который восхищается пороком, но ещё более плох тот, который этого не понимает. Ниже мы видим и подтверждение к сказанному перед

тем. В частности, Алексей говорит Дмитрию: «Я не от твоих речей покраснел и не за твои дела, а за то, что я то же самое, что и ты... Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот всё равно непременно вступит и на верхнюю... Я на самой низшей, а ты вверху, где-нибудь на тринадцатой». Теперь в сцене со штабс-капитаном Снигирёвым наш Алёша, выполняя денежное поручение Катерины Ивановны — бывшей невесты своего брата Дмитрия, вновь демонстрирует обмирщённость. Отдавая деньги, он говорит капитану, «что никогда вы ничего лучше даже и придумать не в состоянии, как этот переезд в другую губернию!» На что Снигирёв справедливо восклицает: «Доложите пославшим вас, что мочалка чести своей не продаёт-с!» И далее, комментируя состоявшийся разговор, Алексей Карамазов говорит, что капитан сначала слишком правдиво обрадовался предложенным ему деньгам... а это-то и обидно. Затем добавил, что капитан правдивый и добрый человек и вот в этом-то де «и вся беда в этих случаях». Но на самом деле Алёша так и не понял, что именно его-то слова и сделали обиду. Именно в них и заключалось само, если хотите, «тонкое» оскорбление человека. Иначе говоря, младший Карамазов так и не осознал собственной неумности, избыточной чувствительности. Наоборот, он посчитал, что поступил как нельзя разумно, предполагая, что в дальнейшем Снигирёв всё равно возьмёт деньги, предложенные ему как бы в оправдание за нанесённое Дмитрию Карамазовым публичное оскорбление. Другими словами, Алёша так и остался в неведении в отношении неблагоприятности собственного поведения в рассматриваемом нами случае. Далее по тексту романа мы обнаруживаем в сцене интимного разговора Алексея со своей потенциальной невестой Лизой Хохлаковой уже такое: «Алёша, а будете ли вы мне подчиняться? Это тоже надо заранее решить. — С большою охотой, Lise, и непременно, только не в самом главном. В самом главном, если вы будете со мной несогласны, то я всё-таки сделаю, как мне долг велит». Как мы в данном случае видим, Алексей Кара-

мазов сделал заявку на собственную самостоятельность. Запомним это. Чуть ниже вдруг читаем такое: «А я в бога-то, может быть, и не верую». Вот так. Вчерашний инок, и уже в бога-то и не верует. Что это, почему? А вот, вероятно, почему. Ожидая Дмитрия, попавшего своей волей в трудное положение, Алексей думал следующее: «Пусть благодетель (читай — старец Зосима. — *Авт.*) мой умрёт без меня, но, по крайней мере, я не буду укорять себя всю жизнь, что, может быть, мог бы что спасти (брата Дмитрия. — *Авт.*) и не спас, прошёл мимо, торопился в свой дом (монастырь. — *Авт.*). Делая так, по его великому слову сделаю...» Как мы видим, Алексей действительно начинает себя вдруг вести вполне самостоятельно и вполне же самонадеянно, что косвенно и свидетельствует в пользу его подозрения о своём же неверии. Теперь, уже в беседе с братом Иваном, Алексей полностью, как говорится, «срывается» в революцию. В частности, выслушивая рассказ брата о травле маленького мальчика собаками, он тихо, с бледной, перекосившейся какою-то улыбкой выговаривает, что генерала, в том повинного, надобно расстрелять. В последнем эпизоде Достоевский как заложник идеи абсолютной безгрешности ребёнка и на фоне абсолютного же поклонения идее личного начала или идее поклонения Христу даже *вне истины* и совершает посредством реакции Алексея фактическое удаление от Бога, лишь умножая при этом всемирную скорбь. Другими словами, начиная за здравие, завершает вполне за упокой. Несколько ниже из уст Ивана срывается такое: «Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщёнными. Лучше уж я останусь при неотомщённом страдании моём и неутолённом негодовании моём, хотя бы я был и неправ». Как мы видим, правда писателю никак не дорога и не в ней он видит спасение всякого человека. Хорошо ли это? Да, страдание человеческое вовсе не напрасно упрямо входит в жизнь каждого. Но упование лишь на него, упование истовое не может не

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

приводить человека в отчаяние, а значит, не может не породить у него же неизбежного богоотступничества. Кстати, совсем рядом Достоевский уже устами Алексея говорит: «ты сказал сейчас: есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить (крови безвинно замученного дитя. — *Авт.*)? Но существо это есть, и оно может всё простить, всех и вся и за всё, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и за всё». Странная логика. Во-первых, почему это вдруг неповинную, ежели вполне кощунственно вместо заповеди Моисея «око за око» Иисус Христос провозгласил тотальную любовь к врагам и к обидчикам. Во-вторых, Его жертва всё-таки добровольна и осознана Им. Для подтверждения последнего достаточно вспомнить встречу Иисуса с пророком Ильёй и с вероучителем иудеев Моисеем на горе Фавор, где и было решено: крестной жертве Сына Божьего быть. В-третьих, нам известно, что якобы безвинное дитя страдает и погибает всё-таки не по своему желанию, а лишь принуждено к тому. В-четвертых, а при чём здесь и вообще жертва Христа, которая никак не даёт сама по себе известного тотального права прощения всех и вся. Иначе говоря, всех и вся и за всё может прощать только Бог-отец, который сам абсолютно всё создал и абсолютно всем владеет и который вовсе не станет оправдываться за что-либо перед кем-либо и просить униженно даже у всего человечества признания своего права прощать всех и вся путём принесения самого себя в жертву этому же человечеству. Почему? Да потому, что бессмысленно сие или неразумно оно будет, и всё тут. Другими словами, непонятен и нелогичен подобный замысел даже в своей собственной основе или нельзя уповать на прощение собственных мучителей как на особое будущее право прощения любых когда-либо существовавших истязателей, так как их прощать должны всё-таки их жертвы. В противном случае получится как в Третьем рейхе, когда Гитлер провозгласил свою личную ответственность за всё зло, содеянное его подчинёнными. Другое дело,

что уже акт принесения в жертву Богом-отцом собственного Сына, скорее всего, смысл-то как раз вполне имеет, так как сие событие уже открывает человечеству некоторые неизвестные ему доселе истины, скажем истину бессмертия души всякого человека или отчётливо новую истину *любви к собственным врагам*. Но выводить из последнего жертвования вдруг, как говорится, «на ровном месте» некое право на прощение всех и вся и вовсе не следует, иначе же будет как в известной русской поговорке: «В огороде — бузина, а в Киеве — дядька». Видимо, поэтому-то ниже по тексту романа Ф. М. Достоевский устами старца Зосимы вдруг допускает разделение правды: «Поймут все подвиг ваш... не сейчас, так потом поймут, ибо правде послужили, высшей правде, неземной...» Иначе говоря, писатель искренне полагает, что правда как понятие вполне делима на правду земную и на правду неземную. Что здесь скажешь? Видимо, и у авторитетных людей бывали-таки умственные затруднения. Другое дело, а как это потом отозвалось в сознании читательских масс? Тем более после, например, таких слов автора романа (приведено вновь из рассказа старца Зосимы): «*У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью*». Вновь отчётливо узкий взгляд на науку человека, мало её знавшего и понимавшего. Да, во многом наука представлена экспериментальной составляющей, как раз и апеллирующей ко всем чувствам самого исследователя, но основная составляющая науки всегда исключительно умозрительна и связана строго с одним лишь мышлением учёного, с оперированием доступными ему смыслами, с неизбежным мысленным допущением на уровне веры (в связи с последним тезисом достаточно ознакомиться с положением теоремы Гёделя, гласящим, что всякое человеческое знание принципиально не может быть полным), а значит, подлинная наука всегда, в конце концов, и духовна. Поэтому Ф. М. Достоевский и выступает в данном конкретном слу-

чае, к сожалению, как банальный невежда. Но смысловая недостаточность субъекта по принципу «свято место пусто не бывает» всегда себя восполняет, например, так (слова старца Зосимы): «“Что же нам, говорят, посадить слугу на диван да чай ему подносить?” А я тогда им в ответ: “Почему же и не так, хотя бы только иногда”». В данном случае мы видим, что наш писатель опять несколько запутался. Другими словами, Достоевскому и слуг хочется, и с ними себя по совести вести опять же хорошо бы. В результате его главный герой Алексей Карамазов всей своей натурой, с одной стороны, ложною верой — с другой, и был вполне предопределён к вхождению в революционное движение конца XIX столетия. Иначе говоря, его горячее и трепетное восприятие жизни никак не могло не толкнуть его же в сторону решительного переустройства русской жизни, а полновесных интеллектуальных средств для успеха на этом поприще он по вине своего автора никак не имел. Нечто подобное (по части неуспеха) потерпел во время контактов с членами царской фамилии и сам автор романа. В частности, даже в конце своей непростой жизни писатель был готов к противостоянию самодержавию пассивным путём недонесительства о возможной подготовке покушений на царя. Вместе с тем Ф. М. Достоевский призывал царя позвать к себе на разговор «серые зипуны», что, кстати, впоследствии и случилось вполне трагически 9 января 1905 года. Другими словами, писатель ошибочно посчитал возможным делом обрести в России единение власти с народом лишь *посредством развития взаимного сердечного чувства*. В результате он силой своего таланта лишь обострил уже возникший тогда трагический раскол власти и народа, а точнее, раскол власти и просвещённых кругов крупных российских городов. Тем самым Ф. М. Достоевский, объективно говоря, так и не смог преодолеть (изжить) революционный грех своей молодости. Видимо, как раз отсюда и проистекает странная любовь писателя к страданию как своего рода компенсация неутраченного личного ду-

шевного бунта. А ключевая слабость всего его мировоззрения состояла в том, что он призвал оценивать людей не по тому, что они делают, а по тому — к чему они лишь стремятся. Тогда как творимое сегодня (сейчас) и образует само искомое будущее. Впрочем, изучение лишь стремления также благотворно будет, но только в случае его адекватного восприятия, или восприятия сушностного.

Но вернёмся к тексту рассматриваемого романа. Также в речах старца Зосимы в числе вполне примечательного находим уже такое рассуждение: «Если сможешь принять на себя преступление стоящего пред тобою и судимого сердцем твоим преступника, то немедленно прими и пострадай за него сам, его же без укора отпусти. И даже если бы самый закон поставил тебя его судьей, то сколь лишь возможно будет тебе, сотвори и тогда в духе сем, ибо уйдёт и осудит себя сам ещё горше суда твоего». Вновь перед нами утопия писателя. Почему? Да потому, что Достоевский рисует преступника как тонко организованного и совестливого человека, который лишь нечаянно оступился. Но так ли в реальной жизни? Нет, в реальной жизни главным образом действует иной принцип: «попался — сам и виноват, впредь, смотри, не попадайся». Посему ежели суды нужны, то они судят, а ежели не нужны, то их и не устраивают. А призыв к неосуждению греха попросту вреден и ведёт к ещё большему греху. Почему? Да потому, что грех человеческий не может не осуждаться, а должен людьми непременно изживаться здесь и теперь. Другое дело, что вне воцарения среди людей праведности, которая, кстати, сама по себе без целенаправленного труда никогда и нигде не возникнет, сие занятие будет очевидно малоуспешным и даже вредным. Далее наш писатель от имени старца Зосимы назидательно излагает уже такое: «Не принимает род людской пророков своих и избивает их, но любят люди мучеников своих и чтят тех, коих замучили». Но тогда получается, что пока не убьём, то и не любим, что ли? Славная философия,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ничего не скажешь — вполне достойная даже распинателей, например, Иисуса Христа. Но ведёт ли сия дорога к Богу сама по себе кого-либо, где-либо и когда-либо? Вряд ли. Здесь же старец Зосима, рассуждая о природе ада, заявляет такое: ад — это «страдание о том, что нельзя уже более любить». Причём речь идёт о тех, кто при жизни своей на земле и не любил вовсе. Но тогда получается, что писатель говорит о том, что попросту невозможно. Почему? Да потому, что переживание о чём-то по сути неизвестном вообще-то есть всего лишь умственное затруднение, в данном случае самого Ф. М. Достоевского. Но, уверовав в провозглашённое автором романа убеждение об аде, любой человек неизбежно становится заложником своего рода предложенной ему умственной галлюцинации. Видимо, поэтому-то и не случайно вовсе впоследствии по кончине старца Алексей столкнулся с такими мыслями: «Ну и пусть бы не было чудес вовсе, пусть бы ничего не объявилось чудного и не оправдалось немедленно ожидаемое, но зачем же объявилось бесславление, зачем попустился позор, зачем это поспешное тление, “предупредившее естество”, как говорили злобные монахи?» Но кто виноват, что обнаруженная героем романа мнимая праведность понимается им как подлинная? И потом, возникшее разочарование юноши от факта тления тела старца не станет ли прологом его будущего бунта? Но тогда получается, что фальшивое старчество и есть источник богоборчества? Странно и печально это, но ничего не поделаешь. Именно из единого по сути своей религиозного источника выходят и демократы, и либералы, и революционеры, и даже террористы всех мастей и оттенков. Причём часто внешне они выходят даже как бы и вопреки названному основанию. Но всё равно именно последнему они обязаны целиком собственному появлению на свет. Другими словами, они все есть продукт внутренне присущих этому источнику противоречий. Каковы они? Вероятно, таковы, каковы противоречия самого писателя. В результате Алексей Карамазов вполне искренне

заявляет: «Я против бога моего не бунтуюсь, я только “мира его не принимаю”». В таком случае автор романа вместе со своим героем вновь впадает в обольщение. Почему? Потому, что неприятие мира Божьего и есть фактическое неприятие и самого Бога. Строго говоря, нельзя же подлинно любить Бога и одновременно презирать всё Его творение. Продолжая развитие сформированного ранее понимания ценностей человеческой жизни, Ф. М. Достоевский в сцене появления Алексея в доме Грушеньки (возлюбленной его брата Дмитрия и одновременно его отца, Федора Павловича Карамазова) от имени последней говорит: «Пожалел он (Алёша. — *Авт.*) меня первый, единый, вот что! Зачем ты, херувим, не приходил прежде, — упала вдруг она пред ним на колени как бы в испуге. — Я всю жизнь такого, как ты, ждала, знала, что кто-то такой придёт и меня простит. Верила, что и меня кто-то полюбит, гадкую, не за один только срам!..» Вот она, прямая замена веры в Бога верой в человека. Хорошо ли это? Вряд ли.

Переходим теперь ко второму ключевому персонажу романа Дмитрию Карамазову как раз в тот момент, когда он поздно ночью в саду отчего дома наносит тяжёлое ранение слуге Григорию. В этом момент он произносит: «Господи, да для чего это я? — очнулся вдруг Митя, — коли уж проломил, то как теперь узнать... Да и не всё ли теперь равно! — прибавил он вдруг безнадежно, — убил так убил... Попался старик и лежи!» Вот оно подлинное нравственное лицо якобы безвинного по дальнейшему сюжету героя всего повествования, обречённого некой злой волей на «незаслуженное» страдание. Совершив своё печальное дело, Митя вдруг изрекает желание: «Дорогу дать. Милому существу и ненавистному дать дорогу. И чтоб и ненавистное милым стало, — вот как дать дорогу! И сказать им: бог с вами, идите, проходите мимо, а я...» Да, звучит последнее рассуждение прямо-таки обворожительно. Но разве ненависть не застит сам путь сей? Нет, невозможно согласиться с автором романа и принять блажь сию за нечто разумное.

И далее от Дмитрия мы слышим такое: «Я подл, но доволен собой. Благословляю творение, сейчас готов бога благословить и его творение, но... надо истребить одно смрадное насекомое, чтобы не ползало, другим жизнь не портило... Выпьем за жизнь, милый брат! Что может быть дороже жизни!» Красота, да и только! Но на самом деле перед нами фигляр, который с помощью всего высокого освящает низменное и требует понимать оное действие как вполне священное. Для чего? Чтобы произвести впечатление, чтобы «запомнили дольше». Но неужели так важно сие русской душе? Порочной — конечно. И чтоб вполне убедить всё ещё сомневающихся в свойствах рассматриваемой природы, приведём дополнительно такие слова Мити, сказанные им кучеру на пути в Мокрое, где находилась его возлюбленная: «греми, Андрей, гони вскачь, звени, подкати с треском. Чтобы знали все, кто приехал! Я еду! Сам еду!» Одним словом, нескромность одна, тотальная нескромность природы налицо. Кто-то возразит, зато даровит, вот и демонстрирует себя во всей наличной красе. Да, даровит, спорить не будем, но сам-то дар в данном случае кому служит, не сатане ли? Но это ещё не всё. После приезда в Мокрое Дмитрия уже из уст Грушеньки в адрес её бывшего возлюбленного родом из Польши мы слышим уже такое: «Дура, дура была я, что пять лет себя мучила! Да и не за него себя мучила вовсе, я со злобы себя мучила! Да и не он это вовсе! Разве он был такой? Это отец его какой-то! Это где ты парик-то себе заказал? Тот был сокол, а это селезень. Тот смеялся и мне песни пел... А я-то, я-то пять лет слезами заливалась, проклятая я дура, низкая я, бесстыжая!» Вновь и с ещё большей силой автором романа явлена собственная несурзанность, сдобренная ярким сердечным чувством. Не бывает так в реальной жизни, во всяком случае, так красиво! Иначе говоря, русское оболщание явью жизни и русское же негодование на неё за это и есть от сего вполне странного поведения закономерный результат. При этом ещё имеется негодная попытка всучить сие безобразие хоть кому-нибудь, но

непрерывно всучить со строгим требованием аплодисментов. Другими словами, вот вам моё нытьё на продажу! Затем, чуть ниже читаем ещё такое (речь идёт о деланном великодушии русских игроков в карты Калганова и Дмитрия Карамазова, проигравших нечестным польским партнёрам деньги): «Я свои пятьдесят рублей не хочу отбирать, — отозвался вдруг Калганов. — И я свои двести, и я не хочу! — воскликнул Митя, — ни за что не отберу, пусть ему в утешенье останутся». Каково? Мы не просто великодушны, но мы ещё напоминаем всякому внимающему ему (великодушию) его точную величину (двести рублей)! Опять на деле одна мелочность и нескромность природы будет. Далее, имея в виду разгоравшееся гулянье в Мокром, Ф. М. Достоевский пишет: «Началось нечто беспорядочное и нелепое, но Митя был как бы в своём родном элементе, и чем нелепее всё становилось, тем больше он оживлялся духом». Что последнее могло бы значить? А то, что ясность и разумность претит природе героя, в них он теряет себя и даже гибнет совсем. Иначе говоря, лишь в стихии он жив, лишь в нелепости себя хранит. Но кто будет за это расплачиваться? Только не Дмитрий, он же, по мнению писателя, лишь дитя невинное. И потом (слова хозяина постоялого двора Трифона Борисыча о деревенских девках): «я их коленком напинаю, да ещё за честь почитать прикажу — вот они какие!» Опять русское самолюбование на фоне глумления над человеком же выдаётся прямо-таки за особое, какое-то изысканное достоинство. Теперь вникнем в речь Грушеньки: «Я вот этаких, как ты, безрассудных, люблю... Так ты для меня на всё пойдёшь? А?» Мило? А то, но только на сцене. В жизни иначе — печально сие лишь будет. Ну нельзя даже во имя любви человеку человека превращать в бездумную прихоть свою. И тут же: «Раба твоя теперь буду, раба на всю жизнь! Сладко рабой быть!.. Целуй! Прибей меня, мучай меня, сделай что надо мной... Ох, да и впрямь меня надо мучить...» И вот такое самоедство Ф. М. Достоевский подаёт как нечто исконно русское, призывает

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

его почитать и сохранять впредь. Но почему вдруг так? А потому, что носители его, по мнению писателя, невинны совсем будут. В пользу последнего понимания автора романа Грушенька и говорит нам: «Все люди хороши, все до единого. Хорошо на свете. Хоть и скверные мы, а хорошо на свете. Скверные мы и хорошие, и скверные и хорошие... Пусть все смотрят, как я пляшу... как я хорошо и прекрасно пляшу... Позови и тех, запертых (речь о поляках. — *Авт.*)... пусть и они смотрят, как я пляшу...» Но так ли это в практике реальной жизни? Нет и нет, вовсе не так будет. *Лжёт* писатель. Да, человек совершенный есть отрада для всех, а несовершенный, а поклоняющийся истово греху? Другое дело, как убедить его не служить греху? Именно убедить, но не заставить — вот смысл усилий всякого пишущего для людей. Да, русское понимание красоты как понимание всечеловеческое несомненно справедливо. Но и здесь надо отличать его от прелести, от соблазна, а значит, надо и учиться этому. А кричать о том, что «полюбите меня “чёрненькую”» всё-таки не хорошо, не красиво будет! Но учиться думать герои Достоевского никак не хотят, например госпожа Хохлакова по воле автора изрекает: «знаете, я не верю в чудеса, но этот образок и это явное чудо со мною теперь — это меня потрясает, и я начинаю опять верить во всё что угодно». Экзальтация и сцена — вот и всё, что могут герои романа «Братья Карамазовы». А внезапная вера «во всё что угодно» и вовсе обескураживает. Неужели в здравом уме и твёрдой памяти можно такое всерьёз говорить? Или иное (речь Мити в момент следствия по его уголовному делу в связи с убийством отца): «С вами говорит благородный человек... человек, наделавший бездну подлостей, но всегда бывший и остававшийся благороднейшим существом, как существо, внутри, в глубине, ну, одним словом, я не умею выразиться... Именно тем-то и мучился всю жизнь, что жаждал благородства, был, так сказать, страдальцем благородства и искателем его с фонарём, с Диогеновым фонарём, а между

тем всю жизнь делал одни только пакости, как и все мы, господа...» Славно, да? Особенно последнее: «как и все мы». То есть не вам меня судить, господа! А если оценивать в целом, то следует заметить следующее: налицо лишь рисовка и ложь одна. Почему? Потому, что либо были подлости, либо их не было; либо явно грешен в чём-либо конкретном, либо нет. Разговор же о собственном благородстве и сам по себе никак не благороден будет. Вот и всё. Остальное — сугубо для впечатлительных лиц оставить надо. Далее *благородный* Митя, оценивая убиенного батюшку своего, с легкой руки Федора Михайловича и вовсе закручивает: «права не имел и его считать отвратительным, вот что!» Интересно получается, а поступки родительские тоже осуждать права не имел? Или такое мнимое самоунижение нашего героя (Мити): «стою ли я, неуклюжая, позорная тварь и с позорным лицом, такой любви, чтоб со мной ей (Грушеньке. — *Авт.*) в каторгу идти?» Интересно только: а куда же подевалось недавно помянутое личное благородство? И потом, любовь разве выбирает? А кроме того, она собою никак не торгует, а значит, она и не заслуга того, кого покрывает собой. Тем более что она, строго говоря, и не обязывает никого и ни к чему! Ниже Митя опять красиво лукавит: «Э, господа, не надо бы мелочи: как, когда и почему... ведь эдак в трёх томах не упишешь...» Но ведь из мелочей всё существенное как раз и возникает. И потом, всё конкретное с конкретным же как раз и связано, а значит, вполне имеет ясные пределы. На вопрос о пестике (орудии нападения на слугу Григория) Дмитрий говорит: «Стыдно, господа, довольно, право, а то, клянусь, я перестану рассказывать!» Вот так именно и пытаются нечестные люди управлять своими слушателями. И далее уже такое: «Я волк, а вы охотники, ну и травите волка...» Опять попытка оправдаться путём искажения сути наличной ситуации или задач следствия по уголовному делу. И снова весьма помпезное: «Благороднейшему человеку, господа, благороднейшим порывам души (смею это кричу!) — нет! этому вам нельзя

не верить... права даже не имеете...» Молодец, право молодец! А ежели все-рьёз, то перед нами продолжение попытки управления аудиторией в свою пользу, с выгодой для себя, что, конечно, нечестно. Продолжая начатое до того, Митя произносит: «Вы имеете дело с таким подсудимым, который сам на себя показывает, во вред себе показывает! Да-с, ибо я рыцарь чести, а вы — нет!..» Снова бахвальство и попытка внушения слушателям веры в свою пользу, или налицо вновь желание оболъщения собою же. И далее: «да и вам самим бог понадобится...» В последнем высказывании Мити угадывается опять психологическое давление на слушателей с целью их покорения своей воле, своему пониманию ситуации. Ниже уже иное: «Теперь сам вижу, что доверия этого и быть не могло, потому что всё же бы мы пришли к этому проклятому забору!.. Впрочем, я ведь вас и не виню, нельзя же и вам мне верить на слово, я ведь это понимаю!» Вот так Митя легко идёт и на попятную. Но стоп, это ведь опять попытка давления на собеседников! Не может наш герой не пытаться управлять ситуацией. Или вот ещё такое: «Это я вам по доброте только души показал, а мог и не показывать, я вам, так сказать, подарил, а вы сейчас лыко в строку». Получается, он пред нами прямо ангел, а мы сего не ценим, или вновь давление Мити на собеседников, конечно, в пользу себя любимого. И действительно: «не боюсь я вас и... горжусь пред вами». Молодец Митя. А чего, спрашивается, так возноситься? А того, что с помощью этого фокуса вновь совершается атака на следователей, впрочем, безуспешная по причине неразумия её. Но Митя не таков, чтобы на этом успокоиться: «Уж и так об вас замарался. Не стоите вы, ни вы и никто... это вы даже и знать недостойны». Опять даёт знать о себе непомерное самомнение нашего героя и небрежение всеми прочими людьми. Теперь читаем такое (рассказ Мити о выделении им из трёх тысяч рублей, доверенных ему Катериной Верховцевой, полутора тысяч, которые он, в конце концов, почти и растратил незатейливо в Мокром на веселье с Гру-

шенькой во время своего последнего визита туда): «Отделил по подлости, то есть по расчёту, ибо расчёт в этом случае и есть подлость». Странная самооценка. Но это с одной стороны, с другой же — очевидно просматривается вновь весьма лукавое самооправдание: мол, всякий денежный расчёт безнравствен, и я, Дмитрий Карамазов, это вполне понимаю и признаю, но вот по слабости душевной всё-таки, простите, не удержался. Иначе говоря, господа, войдите же в моё положение или имейте хотя бы снисхождение, в конце концов, к моим сердечным затруднениям! Но в результате лишь одна торговля собственной честью всё-таки получилась. Грустно сие будет. Впрочем, погодите (Митя продолжает самоаттестацию): «Не прямой же ведь вор, не прямой, согласитесь! Прокутил, но не украл». Снова торговля, опять подведение самого себя под моральное оправдание хотя бы вполовину, что само по себе ещё подлее, чем если бы без того. Здесь же: «подлецом может быть всякий, да и есть, пожалуй, всякий, но воровом может быть не всякий, а только архиподлец... а только вор подлее подлнца, вот моё убеждение». Вот так, господа, оказывается, что наш Митя и неподсуден вовсе, так как лишь «слабость имеет». Или ворует он никак не корыстно, а лишь как бы нечаянно или невзначай, одним словом — попутно. Вот уж где негодяйство «знатное», ловко выдающее само себя за «широту русской души», как бы зла и вовсе не имеющую! А кто не понимает сего, так тот просто чурбан будет! Но это ещё не всё (Митя о Грушеньке): «Я ведь её тогда не знал и не понимал, я думал, что ей денег надо и что нишеты моей она мне не простит». Ага, решил-таки купить любовь женщины *чужими* деньгами. Но в рассказе об этом Дмитрий предстаёт уже попросту как торговец моралью или он продаёт публике своё откровение о собственной подлости и фактически требует себе же за то своего рода морального зачёта. Ловко. Далее у Мити уже такое: «Ведь всё равно, подумал, умирать, подлецом или благородным!» Вот и разгадка: сам торговец моралью дошёл до предела воз-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

можности сей торговли. Но нет, не дошёл ещё: «Нет, господа, умирать надо честно!» Так и хочется продолжить: сказал нравственный мошенник. А ведь всё началось с пяти тысяч рублей, отданных в своё время Дмитрием Катерине Верховцевой на покрытие растраты казённой кассы её отцом и с попытки возвышения над душой другого человека (в данном случае Катерины). Поэтому-то обычный вор на самом деле никак не подлее Дмитрия Карамазова будет! Ведь вор всего лишь бесчестно нуждается в материальных средствах восполняет, тогда как Митя изначально закабалить уже душу человеческую стремится! И при этом своего названного выше печального дела как бы и не замечает вовсе, как бы невинным поступком понимает! Теперь в дополнение ещё такой штрих от Мити: «Взял тихонько, потому никуда не годная тряпка (старая коленкоровая дрянь, тысячу раз мытая...), лоскутки у меня валялись, а тут эти полторы тысячи, я взял и зашил...» Вот как любовно и трепетно наш герой описывает факт уворовывания хозяйкиного чепчика. Ну прямо ангел управил, и по-божески, по-божески. Впрочем, пора и некоторый итог подвести (естественно, от Мити): «Зачем, зачем я омерзил себя признанием в тайне моей! А вам это смех, я по глазам вашим вижу. Это вы меня, прокурор, довели! Пойте себе гимн, если можете... Будьте вы прокляты, истязатели!» Да, Митя всем «полный судья» будет, ничего более и не скажешь, ведь он судит широко, порусски, и, главное, «великодушно». Далее наш герой вполне доказывает последнее наше предположение: «Ведь она (Грушенька. — *Авт.*) невинна, ведь она вчера кричала не в уме, что “во всём виновата”». Зато и Грушенька от Дмитрия никак не отстаёт: «Знаю его: сболтнуть что сболтнёт, али для смеху, али с упрямства, но если против совести, то никогда не обманет. Прямо правду скажет, тому верьте!» В данном случае Ф. М. Достоевский устами Аграфены пытается «обелить» Митю. Только вот его поступки из страсти, куражу проистекают (происходят), а значит, они всё-таки несправедливы

будут и совесть человечью вполне-таки попирают. Посему Дмитрий против совести всё ж ходок будет. Другое дело, что он по своему произволу как бы разделяет её на бытовую и на «священную», или на «важную». Первую он легко попирает, вторую же опасается поганить. Теперь об оценке Митиных дел: «Мы вас здесь, если только осмелюсь выразиться от лица всех, все мы готовы признать вас за благородного в основе своей молодого человека, но увы! увлечение некоторыми страстями в степени несколько излишней...» Ф. М. Достоевский посредством речи следователя Николая Парфёновича фактически скрывает от читателя подлинную (сакральную) вину Мити, который из самой горделивой страсти своей допускал неоднократно публичные угрозы смертоубийства своего родителя, чем, как из романа доподлинно известно, самолично и спровоцировал впоследствии разыгравшуюся трагедию. Поэтому ложь автора романа в том, что он объявляет Дмитрия более несчастным, чем виновным, тогда как именно он и есть подлинный «отцеубийца». Ниже опять то же: «Прощай, безвинно погубивший себя человек!» Достоевский вновь устами Аграфены пытается морочить читателю голову, изображая из Мити некое отдалённое подобие Иисуса Христа. Тем более, что сама героиня по существу не менее его повинна в происшедшей трагедии и должна бы, как говорится, посыпать голову пеплом молча. Почему? Потому что именно Грушенька по злобе своей и вызвала смертельное соперничество двух мужчин — отца и сына. Иначе говоря, в сложившейся ситуации и Митя и Грушенька объективно выступили как единое целое в мрачной роли «заказчика» будущего убийства отца Дмитрия. Другое дело, что правдоподобность самой описанной Достоевским в романе сцены убийства Федора Карамазова остаётся под вопросом и её следует оценить отдельно. Что и будет сделано в настоящем очерке несколько ниже. Вполне возможно, что она окажется со смысловой точки зрения совсем уж «шитой белыми нитками», а значит, и потуга автора романа на представление обра-

за якобы невинно страдающего за не-совершённое убийство отца своего Дмитрия и вовсе станет несостоятельной, что, понятное дело, неизбежно приведёт и к иным, также печальным для Федора Михайловича выводам. Но идём далее и читаем такое признание Мити: «Прости, Груша, меня за любовь мою, за то, что любовью моею и тебя сгубил!» Как мы видим, Ф. М. Достоевский опять чудит, путая «божий дар с яичницей». А кроме того, он же скрывает суть, что Митя и Груша, попросту говоря, есть бесовы поделники, которые, впрочем безотчётно, «ломают комедию» перед публикой. Иначе говоря, именно они-то объективно и выступают непосредственно идейными вдохновителями известного нам по роману преступления, пошло считая себя при этом безвинно страдающими личностями. И, как бы подслушав нас, Дмитрий декламирует: «За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти. Я не убил отца, но мне надо пойти. Принимаю!» Фёдор Михайлович в очередной раз уподобляет Митю Иисусу Христу, что в целом справедливо, так как оба очевидно нарушили сложившийся до них порядок вещей. Только вот второй пошёл на страдание во имя победы иного — благого порядка, тогда как первый получил вполне по заслугам, так как и наличный несправедливый мир вполне собою ухудшил. И тут же Митя из заявленных высот духа сваливается в родную ему бездну: «Ведь я без Груши жить не могу!.. Потому как, кажется, я и сам Бернар презренный!» Здесь автор романа сообщает читателю о непреходящей двуличности Дмитрия, который, якобы возлюбив Бога, всё же ясно отдаёт душу свою страсти к женщине.

Но пора подойти и к фигурам романа уже отчётливо мрачным. Павел Смердяков (на момент убийства единственный лакей Фёдора Карамазова и он же якобы внебрачный сын убитого), обращаясь к Ивану Карамазову, говорит: «Всего только вместе с вами-с; с вами вместе убил-с, а Дмитрий Фёдорович как есть безвинны-с». Достоевский настойчиво устами Павла Смердякова вновь внушает своему читателю мысль о невинности Мити в

гибели собственного отца, тогда как изначально именно *неоднократные угрозы* Дмитрия расправиться с родителем и даже соответствующие им его же конкретные действия побудили фактически всех братьев Карамазовых к мысли о самой возможности убийства отца семейства. Другими словами, именно Митя и выступает отчасти невольно в роли подлинного автора убийства (его публичные и обдуманые слова о своём отце: «Зачем живёт такой человек!.. можно ли ещё позволить ему бесчестить собою землю»), тогда как брат Иван и Смердяков лишь воплотили (кстати, с его же помощью) сообща в явь его же истовое желание, окончательно став ему скрытыми помощниками в сём скорбном деле. А Ф. М. Достоевский, выпукло выделив в дальнейшем повествовании фигуру брата Ивана как идейного союзника замысла убийства и фигуру Смердякова как чересчур догадливого непосредственного исполнителя убийства Фёдора Карамазова, лишил тем самым своего читателя отчётливой возможности ясно понять вину якобы совсем безвинно осужденного Дмитрия, о грядущем страдании которого прозорливый старец Зосима, поклонившись ему в ноги, уже и познал заранее. В чём выразилось само названное выше выделение? А вот в чём. Иван о брате Дмитрие и об отце своём: «Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!», «два гада поедят друг друга», «в желаниях моих (в данном случае — насильственной смерти Фёдора Карамазова. — *Авт.*) я оставляю за собою полный простор». Смердяков о собственном праве убить своего барина: «всё, дескать, позволено». Кроме того, следует заметить, что старец Зосима вкупе с Алёшей Карамазовым и всем обмирщённым христианством, по воле писателя, оказался вполне лукав, так как своим могучим авторитетом *почти* святого человека, очевидно, скрыл суть будущих событий («Я вчера великому будущему страданию его поклонился») как от самих героев романа, так и от читателей его. А в чём сие названное выше *величие*, спрашивается? Тем более что автор сообщает в конце романа, что натура

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Дмитрия никак не была способна снести бремя каторги, а потому для него побег в контексте его безмерной привязанности к Грушеньке и есть, пожалуй, единственный выход. Само же помянутое всуе *величие*, вероятно, в том, что так и не поймёт наш Митя, по воле писателя, свою собственную вину и будет до конца дней своих числить себя самого безвинно пострадавшим за правду. А призывать первым к убийству собственного родителя — соперника по страсти к женщине и как очевидного препятствия на пути к обладанию деньгами разве не вина для честного человека будет? И более того, разве установленная следствием подготовка самой возможности убийства отца (взятый Дмитрием во время ночного визита к отцу с собою пестик) не в счёт пойдёт? Нет уж, ежели научился о совести (Боге) толковать, то извини, всё названное выше вполне вину и составит. А непосредственно проломить голову родителю, как говорится, «под шумок» уже и вполне бессовестный человек сможет. Теперь же в самую пору и мистику подпустить будет, что Ф. М. Достоевский блестяще и делает в диалоге Ивана с чёртом. В частности, чёрт говорит такое: «Я, может быть, единственный человек во всей природе, который любит истину и искренно желает добра... Нет, пока не открыт секрет, для меня существуют две правды: одна тамошняя, ихняя, мне пока совсем неизвестная, а другая моя. И ещё неизвестно, которая будет почище...» Здесь Достоевский посредством образа чёрта вводит русскую душу в полное замешательство (в смятение), противопоставляя истину и правду самим себе же, видимо, не понимая того, что сие рассуждение лишь отменяет их бытие, и не более того. Рядом из того же источника читаем уже такое «нравоучение»: «Но уж таков наш русский современный человек: без санкции и смошенничать не решится, до того уж истину возлюбил...» Вновь налицо ложь писателя, ведь желающий смошенничать всякий русский не испрашивает на то разрешения, а истину и вообще презирает.

Но перейдём всё-таки, возможно, к самому главному сюжетному ходу зна-

менитого писателя. О нём автор настоящего очерка подумал в связи с прочтением речи прокурора на суде над Дмитрием, а также в связи с рассказом Смердякова Ивану о совершённом им убийстве Фёдора Карамазова. Сам предмет, если хотите, сомнения проистекает из идеи «длинной падучей», которой, по мысли писателя, и должно было бы успешно прикрыто замышленное Смердяковым злодеяние. Да, соблазн сего вполне понятен, тем более что и автор романа знал о ней (длинной падучей), как говорится, не понаслышке. Последняя есть ключевое звено всей сюжетной линии романа. Без неё всё, как говорится, теряет остроту и актуальность. Благодаря ей, собственно, роман-то и становится возможным. Но благодаря ей же он становится также уязвимым в главном — в реальности всего в нём описанного. Почему? Давайте вникать и разбираться. В сцене обсуждения с Иваном возможности нападения Дмитрием на отца с целью его убиения Смердяков предстаёт перед нами как уникальный по глубине психолог, логик и знаток жизни. Кажется, от него не ускользает ни малейшая черта, ни один возможный завиток в связи с обсуждаемым вероятным трагическим событием. При этом потрясает продуманность им собственной позиции в грядущем, его умение абсолютно защитить себя от каких-либо подозрений, а главное — исчерпывающе понять возможные варианты поведения всех возможных участников будущей печальной сцены, а также мысленно их умело обратить как на пользу Ивана, так и на свою собственную. Кроме того, потрясает его покорность и готовность и вовсе отказаться от какого-либо собственного участия в замышляемом в случае ясного и категорического отказа Ивана от одобрения им представляемого ему хода событий, а также в случае неприхода предполагаемой ночью в дом родителя самого Дмитрия. Но если вдуматься всё-таки хорошенечко, то вдруг нам открываются не просто слабости позиции Смердякова, но открываются уже логические слабости и самого Фёдора Михайловича, а именно: никак не мог бы честный и ответствен-

ный слуга Фёдора Карамазова Григорий Васильевич, зная в целом тревожную ситуацию в доме своего барина, решиться на запланированное до того лечение и употребление «снотворящего средства» в случае внезапного выхода из строя по болезни единственного слуги в барском доме — Смердякова. Не мог хотя бы по причине оставления в таком случае всего дома на ночь без какого-либо присмотра. Это первое. Второе же состоит в том, что об этом не мог бы не догадаться и предусмотрительный в деталях Смердяков. Однако он почему-то о том не догадывается. Третье же противоречие, очевидно, проистекает уже из того, что и Фёдор Павлович также должен был бы озаботиться проблемой ночной охраны дома и принудил бы Григория Васильевича быть, как говорится, во всеоружии. Впрочем, здесь могло быть помехой то, что хозяин ожидал ночного визита Грушеньки. Но всё же он также ясно опасался и визита своего соперника по амурным делам, Дмитрия. А главная же несуразность состоит в том, что факт предательства Смердякова, который ранее сообщил секретные знаки Фёдора Павловича Дмитрию, стал, очевидно, ведом погибшему ещё до его смерти. При этом барин отчётливо бы осознал, что его слуга, как минимум, скрыл от него факт собственного, пускай даже вынужденного, предательства и тем самым поставил его практически в положение явно смертельного риска. В таком случае поведение отца семейства в сцене ночной и внезапной встречи с якобы находившимся тогда в «длинной падучей» слугой Смердяковым выглядит удивительно схематично или неправдоподобно. Иначе говоря, догадавшись о предательстве себя Смердяковым, он должен был бы насторожиться в отношении своём к этому своему лакею, а тем более тогда, когда тот вдруг самым фантастическим образом оказался рядом с его окном поздно ночью. Его неизбежный вопрос о неожиданном ночном выздоровлении слуги у него так и не возникает вовсе, тогда как сама ситуация (установленный им до того факт прихода Дмитрия и «убийства» последним Григория Васильевича)

должна была бы неизбежно побудить его принимать спешно самые решительные меры предосторожности, и его амурные настроения должны были бы резко пойти на убыль. Но вместо этого Фёдор Павлович волею автора романа странным образом не обращает никакого внимания ни на «убийство» своего слуги, ни на очевидное предательство Смердякова, ни на его странное выздоровление и впускает-таки последнего после некоторого колебания к себе в комнату и становится к нему спиной. С другой стороны, сам слуга Смердяков (в описанной в романе с его участием ситуации) должен был бы ясно понимать, что находится как под непосредственной угрозой разоблачения собственного предательского участия в заговоре против барина, так, в конце концов, и в непредусмотренном им совсем заранее большом риске оказаться прямо в положении обвиняемого в убийстве барина, ведь после нечаянно случившегося нападения Дмитрия на Григория Васильевича в сад вполне могли тотчас прийти люди. Это мог быть, например, и сам Дмитрий, скажем, в сопровождении врача. Опять же обо всех выше приведённых деталях вполне мог бы догадаться и крайне осторожный и очень сметливый, судя по тексту романа, названный выше слуга Смердяков и соответственно разумно отказаться в результате всего сказанного ранее от полной реализации собственного плана с псевдопадучей, что почему-то никак не происходит. Почему, спрашивается? Да потому, что тогда бы не случилось главного — «идеального» преступления. А без него, как говорится, всё тлен. Без него уже нет романа, без него нельзя масштабно и о страдании *безвинном* погоревать. Теперь о показании на суде над Дмитрием слуги Григория Васильевича об открытой ночью в доме барина двери в сад. Оно выглядит и вовсе абсурдно. Почему? Да потому, что сам Достоевский говорит о Григории Васильевиче как об аккуратнейшем и точнейшем человеке, тогда как дверь в момент его прихода в сад была точно закрытой, а после ранения его Дмитрием он тем более ничего уже видеть не мог. Тогда спра-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

шивается: как мог такой человек твёрдо утверждать в суде то, чего никак видеть не мог? Да мог делать сие только по одной простой и лукавой причине. Без этого (без названного выше показания) писателю было бы всё-таки трудно убедить присяжных в виновности Дмитрия. Поэтому-то Григорий Васильевич и совершает, казалось бы, совсем невозможное и тем самым зачем-то берёт грех на душу. А всему виной — несчастная вера писателя, что *Богу угодна невинная человеческая жертва*. Названное вероисповедание о невинной жертве, вероятно, оказалось во многом сформированным личным переживанием Ф. М. Достоевского в момент казавшейся ему неизбежной казни в связи с делом петрашевцев. Вот, кажется, и иллюстрация в пользу позиции писателя. Однако лишь недавно открылось документально и то, что Достоевский внутри кружка петрашевцев входил в ещё более узкий круг лиц, которые, в отличие от не входивших в него, ставили перед собой задачу низложения в России самодержавия *силой*. Таким образом, само Провидение, от которого, естественно, ничто не скрыто, дало будущему знаменитому писателю наглядный урок так называемой *невинной* жертвы. Другими словами, то, что не было вскрыто следствием, вполне покрылось преподанным внешне как бы избыточным уроком *мнимой казни*. Не зная же упомянутого факта принадлежности будущего великого писателя к *крайне опасным* заговорщикам, вполне можно было бы подумать, что с Достоевского было взыскано много более того, что он лично содейал, а значит, его же убеждение о возможности безвинного страдания на нём самом и было бы доказано вполне. Но на то и реальная жизнь, что она внутри самой себя абсолютно логична и мотивирована. Иначе говоря, в ней нет пустот неразумия и глупости бессмыслия. Иное же часто представляется человеку как по его личному неразумению чего-либо, так и по причине его простого незнания того же. Возвращаясь к роману, следует заметить, что Достоевский невольно оказался «в контрах» с собственным ключевым сюжетным

звеном, на котором как на своего рода фундаменте и была им выстроена вся интрига разбираемого романа, весь его нравоучительный пафос о *невинной жертве, о великом страдании* типичного русского человека, превратившийся неизбежно в некое подобие *божества*. Другими словами, увлекшись сочувствием к личности Дмитрия, писатель нечаянно соорудил из неё вполне *фальшивый* образ и попытался его же представить публике как подлинный посредством погружения его в противоречивый или всё-таки *ложный* сюжетный контекст. В результате последнего искусственного действия и возник неизбежный в такой ситуации смысловой конфликт, который и изобразил представленный писателем образ героя как образ лукавый, а значит, вполне вредный для читателя романа. Почему вредный? А потому, что, несмотря на его поддельное содержание, он оказался очень соблазнительным для сопереживания ему и очень же затейливым или даже колоритным для его созерцания извне. Тем более, что представлен он в романе, как говорится, рукой подлинного мастера. Смердяков же в отличие от всё-таки целостного характера Дмитрия претерпевает в известной сцене убийства барина по воле своего автора малозаметное превращение из очень осторожного и даже избыточно опасливого человека в образ решительного и весьма рискованного человека. Иначе говоря, ночью в саду вместо Смердякова вдруг начинает действовать большой авантюрист с одной стороны, с другой — просто специалист по «мокрым» делам. Причём сия трансформация героя длится ровно столько, сколько это нужно для совершения уже ожидаемого убийства. В последующем же сюжете романа Смердяков самым волшебным образом возвращается в своё привычное для читателя *трусливое* состояние. Тут же (в момент рассматриваемого убийства) образ в целом хитрого Федора Карамазова также вдруг странно обесцвечивается. Барин внезапно и категорически глупеет, теряет все собственные выразительные черты или в самой критической сцене всего романа превращается фактически в банального ста-

тиста! Но в связи с последующей затем смертью героя он, естественно, не возвращается в свой ранее уже сложившийся яркий образ. Заклучая своего рода «новый поворот» в оценке всего романа, следует дополнительно ещё заметить и то, что Достоевский, видимо, впал в иллюзию, что в реальной жизни вполне возможно совершить убийство и гарантированно (на все сто процентов) выйти «сухим» из него или оказаться совсем вне подозрения в совершении последнего. Другими словами, писатель, видимо, посчитал, как говорится, кабинетно, что в принципе всё-таки возможно преступление без оставления каких-либо следов от самого преступника или выдумал ту мысль, что возможно своего рода «идеальное» преступление. Войдя в подобное чисто умозрительное предположение, наш славный гений и решил на нём устроить всей семье Карамазовых, говоря по-современному, полный «ужас нашего городка» со всеми, как говорится, мыслимыми и немислимими психологическими поворотами и вывертами. Отчего в конце концов автор сего замысла и сам оказался в положении банального выдумщика и пошлого фальсификатора реальной жизни реального русского человека. А его главный герой — Алёша Карамазов через это же неудачное фантазирование автора и вовсе утрачивает какую-либо убедительную литературную перспективу, по крайней мере в качестве достойного подражания примера. И финальные заявления героя о *честном добре* и о *хорошей правде* останутся во всей истории литературы как сладкие, но утопические призывы. Почему? Да потому, что добро вне честности и вовсе не возникает, а правда как понятие не бывает хорошей или плохой. Поэтому-то фокус с «длинной падучей» при сво-

ей проверке оказался лишь одной большой галлюцинацией самого художника, скрывшей, с одной стороны, подлинный характер типичного русского человека, с другой — вполне соблазнившей русского же читателя псевдоправедными переживаниями и такими же несбыточными надеждами. Заклучая последнее, сегодня стоит сказать автору романа отчасти его же словами: «Но не другое ли вы создали лицо» России, чем оно есть на самом деле? И не другой ли ход событий романа сам собою вытекает из обдумывания помянутого до того фокуса с падучей? Иначе говоря, если бы оно всё было ровно так, как описано автором, то и убийства никакого также бы не случилось, а значит, и роман сам собою «скончался» бы ещё в своём зародыше. Да, звучит сие грустно, но логика — дама строгая, и она не прощает вольности даже гению. Впрочем, Ф. М. Достоевского, вероятно, извиняет то, что ему, как известно из описания его трудной жизни, приходилось жить главным образом на собственные литературные заработки, и он был крайне стеснён в возможностях неспешной и кропотливой работы, что, вероятно, и привело его к известной ныне *литературной мистификации*.

Завершая непростой очерк о Ф. М. Достоевском, всё же хочется выразить русскому литературному мастеру признательность за саму возможность оценки его могучего в целом творчества. Благодаря названному наследию как раз и удалось понять во многом *типичные смысловые противоречия, собственно, и всей художественной литературы как особого культурного феномена*, а значит, и возможно удастся, так или иначе, обрести и новую — уже очевидно честную литературу.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЫВЕРТЫ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ ЗЛА, или ОТВЕТ «МЕРТВЫМ ДУШАМ» Н. В. ГОГОЛЯ?

(редакционный комментарий)

Перед Вами, дорогой читатель, первая половина романа «Живые души» начинающего российского писателя Михаила Жарова. Это произведение его автором было завершено в июне 2009 года. Вторая половина романа по плану редакции журнала будет опубликована в 6-м выпуске. Не скроем, настроения по поводу предлагаемой к прочтению работы были разные: от удивления и даже некоторого умиления до полного неприятия или даже отвращения. Но время шло, и в конце концов все-таки было принято решение — публиковать сей опус. Причем сначала была идея сделать это лишь частично, но затем было принято решение публиковать его целиком. На что, во-первых, следует обратить внимание? Конечно, на название «Живые души». Оно совсем не случайно и многое объясняющее. Зададимся вопросом: что означает данное словосочетание или что оно может вообще значить? Если «Мертвые души» Н. В. Гоголя имеют в себе, с одной стороны, смысл «убылых душ» или смысл умерших лиц, с другой — мниможивущих людей, то «Живые души» М. Жарова — это презирующие смерть и совсем не боящиеся сложностей жизни души современных русских молодых людей. Да, назвать героев романа удачливыми, как говорится, язык не поворачивается, но и назвать их совсем пропащими также не получается, не выходит. Или в них есть то, что героям Гоголя и не снилось. Что же именно? Непосредственность, неподдельность, искренность, безудержная смелость и странная, фантастическая способность к примирению буквально со всем, а значит, и немислимая вера — вера в неспособность зла одержать финальную (окончательную) победу над добром. Если герои произведений прошлого весьма плотно срастались со своими поступками или были практически устойчивыми носителями каких-либо свойств самой жизни, то уже герои Жарова каким-то непостижимым образом умудряются дистанцироваться от своих поступков, не стать ими наперед. При этом они совершенно спокойно отрицают жизненный опыт своих предшественников, искренне полагая его полную ненужность и даже вредность. Складывается впечатление, что молодые герои романа о прошлом русской жизни все давно знают и оно не оказывает на них ровно никакого влияния. Другое дело, что герои рассматриваемого произведения — это все-таки взгляд самого автора, который порой и пристрастен, и не объективен, и даже нарочито эпатажен. Поэтому строгое прочтение романа потребует от читателя известного мыслительного напряжения, а также напряжения чувств собственной души в придачу. Зато и результат такой работы будет хорош. Многие непонятное в молодых станет более понятным. Впрочем, это будет далеко не полное восприятие романа, так как у него есть и вторая половина, которая заметно и даже много отличается от первой степенью своего странного и даже как бы очень мрачного обобщения, в котором неожиданно открывается финальный свет. Но это уже будущий разговор, а пока читайте, размышляйте и понимайте дух «Живых душ» Михаила Жарова. И еще. Не спешите с выводами.

Михаил Жаров

ЖИВЫЕ ДУШИ

(роман)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТА НОЧЬ

Глава 1

Впервые чёрный караул я встретил, не увидев его воочию, а ощутив кожей. Мы не спускались в адовы пещеры, не пробирались в старинную гробницу или склеп — мы, новая смена караула, шли на свои посты.

Идти на острове, режущем кожу, пилящем твои кости морозе к неизбежному посту не весело и не грустно. Зная, что ближайšie два часа поста в сравнении с остающимися годом-полтора годами службы — капля в стоге сена, иголка в море, начинаешь глотать вечность, дышать вечностью, ходить по ней, и не сплюнуть её, не растоптать её ногами. Возможно, ею так же тяготится майский жук, которого посадили в коробок, а коробок потеряли. Он настойчиво наблюдает за темнотой, но лапки уже поджал и пригасил в себе позывы на космически огромную берёзу.

Мы шли на посты и были смешнее клоунов. До спазмов в ушах можно смеяться над человеком, одетым в две пары кальсон, две белуги, штаны, китель, ватники, валенки, бушлат, поверх него 17-килограммовый бронежилет, козий тулуп, на голове — шапка, каска, капюшон, за спиной — автомат с пристёгнутым штык-ножом, а под ногами — тропа наряда, то есть полукруглая ледышка длиной 1850 метров, на которой разбил бы голову осьминог со всеми своими присосками.

Дойдя до второго участка и упав в третий раз, я почувствовал пробуждение, некоторую бодрость и желание сделать короткие замечания о валенках, ни одной из дырок не цепляющихся за лёд.

— Не вникай, Михаил! — бросил через плечо колокольным голосом наш разводящий Антон-долдон Клёнов, и в тот же миг одна его нога соскользнула с тропы наряда, ушла по самые, как говорится, ягодицы в сугроб.

Он, ещё веря в законное дарвинистское прямохождение, попытался найти рукой пусть не точку, так хотя бы снежинку опоры, но тщетно. Антон самым лицом причастился к светлому пушистому снегу.

На четвёртом участке периметра мы встретили, как потом выяснилось, чёрный караул. Сквозь мою одежду-термос прошло по-человечески тёплое облако. Я первую минуту думал, что у меня скакнула температура, но за моей спиной вяло пробормотал Ивашка:

— Как будто тепло стало сейчас.

Азат Мустафаев подтвердил:

— Дядя, я тебе потютьвоваль.

Антон-долдон со снегом на бровях успокоил:

— Это из канализации пар.

— Антон! Ты нудозвон! — раздалось от семенящего позади всех Валеры, карликового задиры. — Вокруг реликтовые леса, откуда здесь канализация?! Ну ты и долдон!

— Бандерлог! — гулко зазвонил Антон. — Ты не по сроку службы трещишь! Тебе не кажется?

Валера ответил Антону пошлой аптечной рифмой к его имени.

Глава 2

В фильмах ужасов и в интересных книжках встречи людей с призраками показываются в тревожной атмосфере, а сами призраки там очень мудрые и выражаются поэтичными речами. Толик Скальберг не важничал, когда явился передо мной. К тому же он был хам и врун.

Я стоял на втором посту между тремя и четырьмя часами ночи, то есть тогда, когда у человека должна протекать самая глубокая стадия сна и когда, по поверьям, нечистая сила наиболее деятельна.

Я пребывал в пограничном состоянии между физиологическим сном и слабоумной бодростью Франкенштейна. Глядел перед собой в ночь, в чёрный лес за стонущим от смертоносного мороза забором, но видел жёлто-красные детские сны. Не вдруг, не внезапно, а лишь поморгав, я различил возле себя солдата, одетого по летней форме и в резиновых сланцах на босу ногу.

— Ст-кт-дт! — вымолвил я вместо «Стой, кто идёт?!», выставив вперёд себя заиндевевший автомат.

— Я уж полчаса стою, часовой хренов, — улыбнулся круглощёкий солдат.

— Стой! Стрелять буду! — твёрже сказал я, понимая, что этот парень у нас не служит.

— Ты, что ли, молишься за чёрный караул? — не смутился от моей угрозы солдат.

— Я... — был мой невольный ответ.

— Ну и зачем ты за нас молишься, чудовище лесное?

— ...Просто так...

Действительно, молился я за погибших у нас на базе в 93-м году. Молился за родителей, сестру, девушку свою и за чёрный караул. За последних — сам не знаю, для красоты, наверное. В самом деле, просто так.

— Говори. Зачем за нас молишься? — настаивал солдат, не ослабляя улыбки.

— Говорю же, для себя, от безделья. А откуда вы узнали, что я за вас молюсь?

Произнося это, я удивлялся себе, что даже не кружится голова. Спасибо армии, которая учит не удивляться ничему неправдоподобному. Ни безумным жестокостям. Ни безумному благородству. Ни вот теперь... призраку.

— Мишка сказал.

— Какой Мишка?

— Архангел Михаил, покровитель молодёжи и воинства.

— Архангел Михаил? — ахнул я.

— Да. Михрюта. Говорит, что потом возьмёт в помощники тебя или даже на замену. Ты молись, молись. Может, нам выгорит что-нибудь.

— А где вы... обитаете?

— Вон, в болоте под сугробами, где склады ГСМ. Тя как звать-то?

— Миша...

— О! Тоже Мишка! Меня — Толян. Завтра приведу других, если они захотят. Молись, амиго!

Про архангела он соврал. Мои скудные молитвы он всего-навсего подслушал, когда я их лепетал в прошлые караулы.

— Толя! — хотел я было задержать призрака. — Расскажи о себе.

— Дурак, что ли? — буркнул он. — Скоро пять часов.

Толик свернул с тропы в сугроб и невесомо пошёл к неподвижному стаду цистерн. По его сутулой спине угадывалось, что он уже не улыбается. Помрачнел он оттого, что я заставил его вспомнить вслух про пять часов утра. Я тогда подумал, что он боится пяти часов из-за петушиного крика, который мог донестись с хозяйственного комплекса базы, и поэтому специально слушал тем утром, но петух, видимо, будучи птицей счастливой, часов не наблюдал и голоса не подал. Только вдали, в далёком далеке, из-за леса с западной стороны донёсся звук разгоняющейся первой электрички на Москву.

Позже мне стало известно, что шум первой электрички для ребят из чёрного караула был тем же самым, что петушиный крик для гоголевских панночки и упырей. В течение службы мне самому стал в тягость этот единственный отзвук гражданской жизни. Но я-то знал, что в следующую осень выйду с базы и лично поеду на заветной электричке. В отличие от ребят из чёрного караула.

Глава 3

Я попал служить на базу НЗ СВ (база неприкосновенных запасов на случай войны) в подмосковный Огнегорск в 2004 году и тем самым оказался во втором призыве, который подбирался по новым для базы правилам — чтоб ты был дисциплинированным и спокойным землянином. Зато до 2003 года база наша, напротив, была местом ссылки для вселенских мятежников, коих привозили с дисбата или прямиком с частей (особенно спецназа Внутренних войск), где таких было просто-напросто опасно держать. Словом, «не лезь — убьёт», чреватые ребята.

Огнегорск запирал двери и ставни, когда парни с базы шли в самоходы. Сами люди ни за коей надобностью не приближались к базе. Царством чумы, становищем варваров была база для горожан.

Я ещё застал отголоски тех времён, потому что «деды» мои и «прадеды» оставались из «ссылных».

Самым содержательным для базы стал 1993 год. Наверное, в тот год черти открыли заслонки в адовых печах, и вся Россия тогда угорела от дьявольских выбросов. Примечательно, что в октябре, как раз перед трагедией в карауле, база посылала в Москву на штурм Верховного Совета свой БТР-80. Двое из экипажа после командировки попали в «чёрный караул», наводчик Гога и командир экипажа старший лейтенант Царёв, Царь. За четыре дня в Москве броня БТРа пропиталась

адским дымом, и он привёз на себе проклятье в Огнегорск. Спустя два дня по возвращении его на базу настало время «чёрного караула». Потом БТР участвовал в первой и второй чеченских кампаниях, получил серьёзные повреждения, прошёл капитальный ремонт, но всё равно грех октябрьских дней не искупил. Я накануне увольнения обошёл базу с фотоаппаратом и, конечно, не преминул побывать и в автобоксе. В шлемофоне на башке позировал и в кабине БТРа, и торчком из люка, и в лёжку на носу. На следующий день проявил плёнку и обнаружил, что на ней нет ни единого кадра из автобокса. Не то чтобы кадры оказались засвеченные, их вовсе не было. Вот мы с земляком Илюхой в вестибюле казармы и сразу — в обнимку с бюстом Феликса Дзержинского на ротном плацу. Между тем и тем снимками — БТРа нет. Проклятие.

С 9 на 10 октября 1993 года между часом и тремя ночи Коля Балин, рядовой, взял из тумбы автомат, спустился с поста № 1 и расстрелял десять человек караула.

Первый пост на базе НЗ СВ — это помещение на втором этаже здания караула с просторными окнами со всех четырёх сторон, без освещения внутри. Стёкла в окнах кривые, от них болят глаза. За окнами охраняемая территория с параллелепипедами хранилищ, с полукруглыми ангарами, цистернами ГСМ. Дальше — большой трухлявый лес на болотах. Оттого, что окон много и они двойные, свет в них всячески преломляется, и от этого забываешь различать, где отражение, а где явь. Обманчивые отблески и контуры утомляют и гнетут и без того расстроенный мозг солдата, и в каждом окне встречаешь беспощадный взгляд армейского Морфея, самого злого и сильного армейского бога. В итоге рано или поздно совершается воинское преступление *сон-на-посту*.

Коля Балин заступил на пост в 9 вечера 9 октября. С первого полу часа его плечи и позвоночник взвыли под тяжестью бронезилета. О-о-о, бронезилет — мученические вериги для новичка. Лишь спустя месяц-другой перестаёшь его замечать на себе. К тому же «дедушка» Гриша или помощник начальника караула старшина Григорьев вставил Балину по лишней пластине в каждый чехол, отчего «броник» стал весить 34 килограмма вместо 17-ти.

В половине десятого дневальные принесли в караул ДП, дополнительное питание. Внизу под первым постом зашипели сковородки, наверх повалил чародейский пар с ароматом жарящейся картошки, и зверь шевельнулся в животе Коли, зарычал страшнее волка. Начиная с мая, как он призывался, Коля не замечал того, ел он или не ел. Голод застыл в нём, казалось, непоколебимо и навсегда. Коле уже не верилось, что даже спустя годы после армии он сможет вдоволь наесться. Да на беду вчера и сегодня Гриша вообще запретил ему притрагиваться к еде в наказание за не найденные в срок сигареты.

Внизу Толя Скальберг, эстонец, обаятельный подлец, по традиции спровоцировал проблему с продуктами.

— Толик! — умолял его Филин-младший. — Куда тебе столько картошки?! Ты же не съешь! Тебя опять вырвет! А мне жарить для Гриши, Гоги, для братишки и себя!

— Филя! — возмутился в свою очередь Толя. — Знал бы ты, как я голодал в первый год! Пожалей ты меня.

— Толик, дай мне хотя бы ещё штуки три картошки!
 — Филя, ты злая собака! Убирайся от меня!
 — Толик, а где у меня из этой тарелки уже чищенная картошка?
 — Не мучай меня, Филя!
 — Ты один здесь был! Ты её себе в сковородку высыпал! Толик!
 — Собака ты злая, уйди!
 — Толик, где хлеб белый? Я для Гриши с Гогой откладывал. А где сахар весь?

Коля Балин проделывал самоизобретённую гимнастику. Наклонялся вперёд, отклонялся назад, вправо — влево, водил плечами. Боль только разгоралась. Наконец Коля решился на безрассудную дерзость: подошёл к окну и вскользь подсел на подоконник. Лишь пятки оторвались от пола, зато уже потрясающие волны блаженства ополоснули изнемогшую спину.

Оставалось отстоять жалкие двадцать две минуты. Коля прищурился в то окно, за которым на расстоянии полутора лет его будущей службы спал родной Богородицк. Зря, не стоило отвлекаться. В квадрате света на полу возникла голова Гриши.

— Сидим, — без злобы в голосе произнёс Гриша; он обладал точным чутьём и знал, когда, в чём виноват. — Боец, я не понял.

Коля рванулся от окна с прытью, от которой клокотнули пластины в бронежилете.

— Товарищ старшина! За время несения службы...

— С тылу, — был краток Гриша.

Коля громыхнулся лицом в пол и накрыл руками затылок, как полагается при команде «Вспышка с тылу!».

— Встать! — скомандовал Гриша резко, но не распаяя себя до ярости. — Долго, боец, встаёшь. С тылу!

Вибрация пробежала по полу от нового падения Коли.

— Встать! Долго, очень долго. Упор лёжа принять!

Коля встал в изготовку для отжиманий.

— Раз!

Коля не был атлетом, но в двух бронежилетах отжался.

— Два!

После второго отжима в его голову пришла догадка, что силам — край.

— Полтора!

По этой команде следует держаться на полусогнутых руках. Коля продержался некоторые мгновения и слипся с полом.

— Полтора! — повторил Гриша, выходя из себя.

Коля позорно лежал у его ног, приластившись щекой к холодному кафелю.

— Не хотим, да? Будем сидеть на столбе.

Сидение на столбе было и останется на базе фирменным испытанием. На первом посту посреди помещения металлический столб подпирает крышу. Сидеть на нём означает обхватить и опутать его своими конечностями, после чего тебе подбивают сзади по пяткам ноги, чтобы ты сел калачиком, касаясь пола не одними ягодицами, но и всей поверхностью бёдер. После 10–15 секунд сидения по ногам бегут первые судороги, а из глаз невольные, не от плача, слёзы. Самому тебе уже не распутаться.

Коля просидел на столбе двадцать минут. Гриша затревожился, когда тот безвольно свесил голову и покосился туловищем. Стоило усилием оторвать его от столба. Освобождённый, с вернувшимся сознанием, Коля обалдел от боли и замер на полу, восхищённо расширив глаза.

— До трёх ты встал! Раз!.. Два!.. Три!.. Не просёк? По-пластунски вокруг столба — марш!

Коля охотно пополз, проворно перебирая локтями. Всякий раз, минуя Гришу, он весело получал каской по пустозвучному черепу.

— До трёх ты встал! Раз!..

Коля взгромоздился на ноги и неожиданно для себя же заново приземлился на пол.

— Не просёк. Раз, я сказал!

Бесчисленное количество попыток предпринял Коля, чтобы вернуться к извечному прямостоячему положению тела. И всё тщетно.

— До трёх ты прыгаешь на левой ноге. Раз!..

Вероятно, услышав шум от чьего-то очередного падения, на пост поднялся Царь, начальник караула. Он с отвращением глянул на скорчившееся на полу тело и спросил Гришу:

— Что не так?

— Боец растащенный. Воспитываю, товарищ.

— Правильно. Но отложи, подожди до роты. В карауле лучше без этого. Оружие..

— Понял, товарищ.

— Слушай-ка ещё, Гриш. Мне в час смену вести. Я пойду на быка завалюсь, ты отведи за меня. И сейчас тебе со сменой идти. Завязывай с ним, — Царь перевёл взгляд на Колю: — Боец! Ты часовой или хрен чей?

Уходя с поста, Гриша бросил:

— Баин! Пятьдесят отжиманий, если стоять не можешь. Чтоб было слышно, как штык-нож стучит об пол.

Коля отжимался, опираясь на колени, а не на носки, чтобы было легче и штык-нож брэнчал чётко и звонко.

На сороковом разу в квадрате света на полу изобразилась маленькая головка Филина-младшего.

— Колёк! На быстрей! — Он протянул толстый кусок чёрного хлеба, политый растительным маслом и нагромождённый крупной солью. — Не спались! Жри, пока Гриша со сменой ходит!

Хлеб в первый год службы — это анаболический продукт, один грамм которого даёт солдату тысячу килокалорий, и это наркотик, повергающий разум в эйфорию. Коля сел под окном и нанёс куску бешеный укус. Закружилась голова, горло издало сладострастный стон.

Гриша не повёл смену до постов, отпустил новых часовых одних, а сам встретил старых у выходной калитки. Поэтому он вернулся раньше, чем можно было ожидать. Коля в это время жался в углу, догладывая хлеб. Гришу с Гогой, сменщиком, он не видел.

— Точишь, боец? — не мучаясь в предположениях, спросил Гриша.

Коля вогнал в себя последний жевок (что едва не лопнул пищевод) и одним движением сунул последний ломоть под пластину бронежилета.

— Точишь?

— Нет, Гриш! — смиренно ответил Коля.

— Становись! — Гриша скинул с плеча автомат, отсоединил магазин, снял с предохранителя и приготовился бить прикладом Колю в грудь.

— Сейчас я его об тебя перезаряжу.

Коля покорно встал, придерживая за низ бронежилет.

Бум-удар! Разъезженный затвор автомата АК-74 самостоятельно перезарядился.

— Так-то что, с двумя пластинами в бронеке. Снимай его.— Гриша спустил курок и стал во изготовку для следующего удара.

Коля обречённо отстегнул липучки бронежилета. И выпал хлеб.

Минуту кусок был пупом земли, вокруг него вращалась планета. По Коле лился пот.

— Филин! Буханку хлеба сюда и ваку!

Гриша сам делал бутерброд. Разрезал вдоль буханку и каждую половину щедро намазал ваксой для чистки сапог.

— Жрать! Я иду разряжать пацанов, через десять минут вернусь, чтоб одну половину заточил! Спрячешь куда — вешайся. Отстоишь за Гогу. Гога, иди спать.

Пока разряжали оружие, Коля добросовестно съел половину буханки. Филин-младший успел ему помочь тем, что принёс стакан воды.

Вторую половину пришлось грызть и жевать при Грише. До висков сводило челюсти и хотелось пить.

— Слабости тебе воду пить, — держался Гриша собственных учёных соображений о роли жидкости в организме Коли.

Употребив буханку, Коля ощутил, как в утробе его повис валун. Обоняние нарушилось, носоглотка слиплась от ваксы.

Гриша был уважаем. «По-духанке» он приседал по полторы тысячи раз. У Гриши через голову, ото лба до затылка, шёл дугообразный шрам после удара ребром табурета. В кистях рук не осталось ни одной здоровой косточки после «лосей»*. Кто-кто, а Гриша имел право быть жестоким.

Хотя и Коля был хорошим парнем. Понимал армию, как надо было её понимать. Пока к исходу четвёртого часа поста не утвердился в мысли, что ему надо в туалет. Раскалённое пушечное ядро скатилось из живота ему в таз. Невидимый бикфордов шнур шипел в непосредственной близости от запала. Рвануть могло в любой миг. Вакса показала себя взрывоопасным веществом.

— Внизу! — сдавленно крикнул Коля, перегнувшись через металлические перила, и капелька нервного пота упала с его носа на одну из железных ступенек. — Внизу! Подмените меня! Мне на «север» надо! Внизу!

Никто не отозвался. Караул спал. Включая тревожную группу. Коля вступил на лестницу, ведущую вниз. Во взопревшем мозгу плавали строчки: «Часовому запрещается... оставлять пост, пока не будет смёнён или снят, даже если его жизни угрожает опасность...»

* Лось — гениальная экзекуция. Скрещиваешь на лбу ладони и получаешь удар табуретом, лавкой или прикладом автомата. В голове рождаются звёзды и мчатся кометы, а на руки потом наносится йодная сетка, после которой не будет никакой опухоли.

— Гриш. Гриша, — шепнул Коля, трогая за плечо старшину Григорьева, спавшего в общей комнате на стуле перед телевизором.

Гриша приоткрыл в щёлочку глаза, и сон его пропал. Он бил Колю по лицу ладонями, ботинками между пластин бронежилета по рёбрам и печени, бил умело — болезненно и не калеча.

— Гриша! — выкрикивал Коля, напрягаясь, чтобы удержать взрыв ваковой бомбы. — Мне на «север» надо! Подмени меня кем-нибудь на одну минуту...

— Ты у меня до утра не снимешься с поста. Ты у меня повесишься или в «сочи»* сбежишь. К утру чтоб блок «Кэмэла» был! Где хочешь доставай. До трёх ты на посту. Раз!..

Вбежав обратно, Коля замер оловянным солдатиком, не дыша, не моргая... Бомба взорвалась без грома, но за считанные секунды наполнились даже сапоги. Свинской издёвкой в уме снова мелькнули строки «Устава гарнизонной и караульной службы»: «... запрещается... отправлять естественные надобности...»

Неожиданно в голове наступило потрясающее прояснение, какое бывает после обморока или сердечного приступа. В грудь хлынула странная радость, сравнимая с предчувствием вдохновения у поэта, когда с секунды на секунду в душу должен пасть узор уникальной рифмы. Ага, да-да-да! Тссс! Коля приготовился внять космическому эфиру, получить подсказку о том, как преодолеть катастрофу. Тихо-тихо! Вот уже на языке крутится...

А-вто-мат... Мат! Конец игре. И никто, никто! Никто никому не расскажет. Но тогда, значит, всех. Или честнее одному самому? Если самому, то опять некрасиво, хуже, чем вообще ничего не делать.

Встав перед тумбой, Коля помедлил вынимать автомат. Он посвятил минуту тому, чтобы вспомнить себя достоверного. В родном городе Богородицке Тульской области он слыл одним из первых сатанистов. У него у единственного имелась сатанинская библия Антуана Шандора Лавэя. Были книги Папиуса, Анастасии Романовой, кассеты бесноватенькой «Коррозии металла», изошрённо антихристующей «Арии» и, что составляло особенную его гордость, скрипящая кассета настоящих деат-металлистов «Kredl of Filch». Коля самостоятельно изучал латынь и носил длинные волосы, почти не комплексуя из-за них. А Гриша что? Кто? Архангельский деревенщина, дурак, животное. Его сила и воля были в крови, а не от редких книг и музыки.

Коля снял с себя пыточный бронежилет и закатил глаза от удовольствия.

— Да придёт со мной Люцифер! — шепнул Коля, взяв автомат и дослав патрон в патронник.

Идти? Пошёл... Вниз по лестнице, потом через кухню. В сапогах чмокало, и от провисших штанов волнами распространялся дурной дух.

Перед порогом общей комнаты шаг сбился, грудную клетку изнутри ополоснуло лихорадочным жаром. «Никакого отступления!» — с выдохом через нос подумал Коля.

В общей комнате перед тихо работающим телевизором спал, уткнув подбородок в грудь, Гриша. Спал, упрятав лицо в сложенные на столе

*СОЧ — самовольное оставление части.

руки, Лёха Воронов. Спали Саня Бондаренко, сторбившись на стуле, и за перегородкой в комнате начкара на топчане, как человек, — Царь.

Гришу! Гришу, Гришу! Он слишком везуч, чтобы тянуть с ним. Коля поднял автомат и прицелился ему в голову.

Наш ротный, который в 1993 году служил на базе командиром 1-го взвода, был в ту ночь в карауле после расстрела, и рассказывал нам, что Гриша сидел с раскрытой головой на стуле же. Царь с пистолетом в руке съехал по пирамиде для автоматов. Саня Бондаренко лежал наполовину в караульной столовой. Можно было подумать, что он убежал, если б не разбитое лицо: он спешил помешать Коле, но со сна был неуклюж и встретился с прямым ударом приклада, после чего очередь выстрелов вышвырнула его из комнаты. Лёха Воронов сжимал в руке штык-нож и стоял на прямых ногах, пригвождённый к стене собственными рёбрами из разорванной пулями спины.

Филин-младший распростёрся на полу в коридоре — единственный, кто успел выбежать из отдыхающей комнаты. Лицо его сохранило растерянность. До последнего вдоха он не верил в Колин поступок.

Перед дверью в отдыхающую комнату валялся магазин с четырьмя патронами. Коля подстраховался, перезарядил автомат. Зная, что ещё четыре человека.

Отдыхающая смена падала и умирала, кто где. Темно, тесно, ничего не понятно после тяжеловесного караульного сна. Только Толик Скальберг лежал укутанный, с поджатыми ногами.

Испорченные штаны Коля бросил в караульной раздевалке и вместо них надел ватники. Сапоги тоже скинул, выбрал берцы Гоги. Взял чьи-то сухие портянки с батареей.

Коле хотелось курить. Он не пошёл доставать из книжного шкафа уставные сигареты, ядовитую курскую «Приму» с позеленелым табаком. Он обыскал Гришу и нашёл у него пачку «Marlboro».

По телевизору шли диковинные ролики «Playboy». Коля сел на табурет, закурил. Куда дальше? На «гражданку»? Выйти на плац и застрелиться? Ни то ни другое! Открыть сейф с боеприпасами, взять гранаты и пойти в спящую роту? Нет, устал. О! Вторая за ночь гениальная мысль! Склады ГСМ!

По ночной октябрьской изморози, пробирающей до тошноты, он двинулся к цистернам с горючим. Он знал, что в них, и особенно в подземных резервуарах, хранится запасов ГСМ, достаточных для снабжения техники семи полков. А рядом склад № 5 с великими тоннами тротила в нём. Коля шёл и восторженно улыбался. Сейчас с его гениальной руки пропадут навсегда злополучные база НЗ СВ и сам Огнегорск.

Филин-старший, стоявший на третьем посту, заметил тень возле складов ГСМ, непрестанно потом крутил рычажок ТА-57, но, естественно, в карауле ему никто не отвечал.

Коля прилёг на склоне искусственной огневой позиции, что была метрах в десяти от ближайшей цистерны. Рядом положил автомат.

«Гриша, — думал он, закулив, — не сердись. Ты был хорошим “дедом”, справедливым, но я важнее тебя.

Юра. Милый Филин. Тебе тоже нельзя было видеть мой позор. Ты золотой парень, побольше бы таких.

Каравул второго взвода! Поймите меня! Я всех вас люблю! Вы лучшие из всех, кого я знал. Вы полетите в рай, а меня позовёт к себе сатана и скажет: “Грандиозно, Николай! Такие, как ты, влияют на эпохи. Садись рядом со мной”.

Личный состав базы НЗ СВ! Парни! Я вас впишу в историю! Я вас люблю!

Жители Огнегорска! Сейчас я возьму автомат и рукоположу вас в святых мучеников. Целый город новых святых я вознесу в небо».

Коля вспомнил любимую книгу, а вернее, цитату из «Фауста», венчающую её. Конечно, конечно — «Мастер и Маргарита» и слова к ней: «Я часть той силы, которая вечно хочет зла и вечно совершает благо». Книга, сопутствовавшая 90-м годам как ни одна другая.

Коля, уверенный, что причастился к «той силе», неспешно закурил вторую подряд сигарету. Важность самокоронации хотелось полнее обдумать, помаковать. Автомат ждал. С недокуренной сигаретой в пальцах Коля уснул.

Глава 5

На базе не слышали выстрелов. Во-первых, стены караульного здания толстые, а окна всегда замаскированы плотными шерстяными одеялами. Во-вторых, в ту ночь дежурным по базе заступил прапорщик Добров, в последние два года банально, пошло спившийся дядька. Утомив регулярный литр, он отдыхал на кушетке в медицинском изоляторе, тем самым позволив старослужащим уйти в город, а нарядам по роте и КПП мертвецки спать.

Перед тремя часами ночи Добров проснулся, чтобы идти в караул записать проверку в постовую ведомость. В испитом организме уставной хронометр ещё работал. Он отбил о караульную дверь кулак и, раздражённый тем, что ему не открыли, пошагал в роту.

— Сволочи! Хрен добудишься! — ругался он по дороге.

Придя в роту, Добров поднял за шкирку дневального, пребывавшего к тому времени в окаменелой позе роденовского «Мыслителя».

— Звони этим раздолбаям в караул, пусть дверь отпирают!

Дневальный несколько раз набирал по внутреннему телефону начальника караула и отчаянно моргал прапорщику глазами «сновидца».

— Пусть другой встаёт за тебя, а ты марш со мной, — приказал Добров, трезвея.

Они спешили к забору, за которым следовал караульный дворик. Дневальный, отстав от Доброва, морщил лицо до сходства с девятилетним Моисеем. Обе ноги у него были отсижены.

— Лезь давай! — приказал Добров у бетонного забора. — Буди их.

Дневальный, хромя, подступил к забору, вздохнул, подпрыгнул и безобразно сорвался.

— Э-э-э, тварь убогая! — кончилось терпение у Доброва.

Он одной рукой сгрёб дневального за шиворот, другой поддел под зад и забросил на забор, как в старом кино про Дикий Запад индейцы погружают на лошадей белых женщин.

Внутренняя дверь караула никогда не запиралась. Спустя минуту дневальный перепрыгнул забор, едва коснувшись его рукой, и, бросив Доброву: «Все мёртвые!», побежал в роту.

— Рота, сбор!!! — завопил дневальный, ворвавшись в расположение. — Подъём, суки! Рота, сбор! Караул расстреляли! Быстрее, уроды!

Дневальный не чувствовал, что из глаз у него брызжут слёзы.

— Строиться перед КХО! Оружие, боеприпасы получать! Дима, хер ли ты слоняешься! Беги, БТР выгоняй! — дневальный напрочь позабыл, что служит полгода и не имеет права грубить тем, кто старше по сроку службы.

Впрочем, его никто не одёргивал, его воплю верили. Парни влетали в форму, хватали из шкафов каски. Верили, что случилось страшное.

На втором и третьем постах часовые танцевали, приседали, отжимались, чтобы согреться. Шёл пятый час поста вместо двух, а их не меняли. Часовой второго поста матерился, а Филин-старший думал и тревожился. Сначала — тень человека на складах ГСМ, караул по «тапику» не отвечает, а теперь крики и топот со стороны роты (пост № 3 находится близко к территории роты, на завершении охраняемого периметра). Кроме того Роме постоянно чудился запах покойника. Он фыркал носом и упорно сплёвывал.

Наконец около половины четвёртого Рома увидел смену. Они бежали.

— Стой! Кто идёт? — крикнул он.

— Свои! — не по уставу крикнул Лёха Почтарь, разводящий 1-го взвода.

Неминуемо догадываясь, что в карауле беда, Рома подпустил к себе смену, состоящую из парней 1-го взвода.

— Рома! Дай автомат! — прохрипел Лёха Почтарь.

— С чего это я тебе его дам? — возмутился часовой, для которого самое ценное — оружие.

— Приказ дежурного по базе, чтоб ты сдал автомат.

— Мне по барабану дежурный. Я подчиняюсь только начальнику караула, помощнику и своему разводящему.

— Филин! Я лучше тебя знаю, кому подчиняется часовой! Дай, пожалуйста, мне оружие! — с сердцем попросил Андрюха.

Рома посмотрел на часового, снятого со второго поста, Андрюху Ершова, который оставался при автомате, посмотрел, что на смену ему, Роме, пришли сразу двое, а это означало усиление постов, и протянул автомат Почтарю.

— Чего там, в карауле? — спросил Рома, и горло его стянула спазма. — Что с братишкой моим?

— Пошли, Филин.

— Ты глухой, а?! Что с братишкой? — зарычал Рома.

— Филин! — обозлился и Почтарь. — Я же сам не знаю ничего! Может, ещё кто живой.

Новый караул сиротливо топтался в караульном дворике, перешёптывались. С появлением смены дворик замер.

— Вот они.

— В рубашках родились.

— Нет уж, Филину не позавидуешь.

— Колёк, конечно, дал.

— А может, они?

— Не, Тарас успел сказать. Колёк.

Разводящий Почтарь на время вошёл в караульное помещение и вышел вместе с прапорщиком Добровым и неизвестным «по гражданке» баскетбольного роста (следователем военной прокуратуры).

С ними сменённые часовые, не заходя в караул, вышли через ворота для въезда техники и направились через плац мимо построенных колонн дежурного подразделения. В это время в ворота КПП влетел ротный УАЗик. Из него, ещё на ходу, выпрыгнул начальник базы Муравьёв.

— Дорвались, мрази! — закричал он, теряя на глазах разум. — Всё ваша грёбаная неуставщина! Прапорщик Добров! Ко мне!

Было похоже, что Добров выставляет вперёд ноги, чтобы не идти, а упираться ими, будто сзади на него давит ревущий тепловоз.

— Строевым шагом, жирная пьяница!

Добров раз-два топнул об асфальт и остановился от Муравьёва на расстоянии рукопашной недосягаемости.

— Жень, — глухо сказал он, — разве виноват-то... я?

Муравьёв сорвал с головы одного из солдат каску, подступил к Доброву... Через полчаса ухо у Доброва стало негроидным.

Минуя колонны дежурного подразделения, Рома шепнул Славе Эртлею:

— На ГСМ. Гасите его.

Из приехавшего УАЗика вслед за Муравьёвым выскочил командир 1-го взвода Горинов, в то время мускулистый, быстрый, другой, не как в период моей службы на базе. Он-то и возглавил ДП.

Глава 6

Во время моей службы ротный Горинов рассказывал нам, что Колю застрелили бойцы спецназа «Витязь», срочно приехавшие с ОДОНа. Он обманывал нас. Казнь совершил Слава Эртлей, грозный, молчаливый гигант, немец, потомственный сезонный параноик.

Слава Эртлей, хотя и был в группе прикрытия, нигде не залёг. Он помчался к складам ГСМ и раньше всех нашёл спящего Колю.

Коля озяб и спал комком, спрятав лицо в бушлат. Снился ему его серая кошка Мурка в тёплом жёлтом свете с золотыми печальными глазами, круглая и мягкая. Она постоянно ему снилась в армии.

Слава поднял его автомат, заправил его себе за плечо, а свой снял и, не осторожничая, передёрнул затвор. Коля на металлический лязг глаубоко, с истомой вздохнул и поёжился.

— Подъём, рота! — рыкнул Слава и пнул по выпяченному задку спящего.

Тараща пустые глаза, Коля вскочил и тут же хлопнулся затылком о землю, поскользнувшись обеими ногами на склоне овражка. Продолжительно, тяжко он изучал Славу Эртлея, скосив глаза и не поднимая головы.

— Господи боже! — воскликнул Коля и захлопал ладонями по земле, ища автомат, и вытянул шею, выхватывая взглядом цистерны с горючим, целые, неповреждённые, мрачные. — Уснул!

— А-а, ты ещё ГСМы хотел долбануть, — догадался Слава, глядя по медвежьи, без мимики. — Ты дурак, что ли, своих пацанов стрелять? А? Ты дурак, что ли?

В устах Славы Эртлея обозначение «дурак» звучало тяжелейшим приговором, о чём знал каждый на базе. Слава и матом не бранился, обходясь одним «дураком».

— Подожди! Подожди! — настойчиво проговорил Коля, усаживаясь на земле. — Дай я соображу, что сегодня сделал. Ведь это неправда! Не мог я! — он небрежно заслонился рукой от автомата Славы. — Ты сам-то веришь?..

— Ты дурак, что ли? — повторил Слава и выпустил из автомата три очереди.

Коля изогнулся, казалось бы, в наиболее неудобную для лежания позу и замер, сдвинув в глубокой задумчивости брови.

Глава 7

Ротный нам рассказывал, что первые месяцы после расстрела невыносимо было находиться в караульном помещении. Призраки появлялись и во сне и наяву. На первом посту в кривых оконных стёклах возникало отражение Коли, сгорбленного, о чём-то напряжённо думающего. В тёмном экране выключенного телевизора отражался суровый Гриша.

Офицеры пригласили церковного батюшку. Он освятил караульные помещения, дворик, и призраки исчезли. Но часовые стали их видеть на охраняемом периметре.

Чаще всего чёрный караул стал появляться на тропе наряда в предутреннем тумане. Бредут друг за другом, у кого-нибудь в руке мерцает огонёк сигареты. Часовой думает, что идёт смена или проверка, спешит навстречу, а те плавно растворяются.

До 2002 года, пока не произвели ремонт, не отделали караульные помещения вагонкой, на стенах оставались отметины от пулевых отверстий. Их поначалу лишь замазали раствором. Особенно тягостное впечатление производила стена, к которой прирос Лёха Воронов. Выбоины от пуль и его рёбер абы как заляпали, кровь, залившую стену, хотя и отмыли, но на штукатурке сохранилось пятно в рост человека. Словно тень.

В октябре же 1993 года мать Юры и Ромы Филиных привезла на базу букет искусственных цветов. Их поставили в карауле, на окно в общей комнате. Это окно единственное не зашторивается, потому что выходит на дворик (чтобы начкар всюду наблюдал за солдатами). И оно приходится на солнечную сторону. По настоящее время, а прошло больше десяти лет, букет не выгорел, краскам от солнца ничего не делается.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТАНЦЫ ПОД ТАНИТУ

Глава 1

Лёха Воронов решил ненавидеть женщин красиво. Идею ему подал его друг по детдому Денис.

— Лёха! Иди в бар стриптизёром! — прошептал он, вращая шарообразными, выступающими из глазниц почти в полную анатомическую величину глазами.

— Призёром? — нахмурился Лёха. — Вышибалой, что ли?

— Нет! Дружинником! Ты будешь танцевать и раздеваться перед богатыми тётками.

— Этого не произойдёт, — легко махнул Лёха рукой.

— Глупый ты. Подумай! Ты зря в театральном учишься? Зря качаешься? Ты разве не классный танцор?

— Всё не так. Я для большой сцены стараюсь. И для большого спорта.

— Время другое наступает, олух! Ты себя в землю зароешь, наивный! А я тебя зову туда, где тебя будут баловать, деньги дарить и себя предлагать!

— Да ты, вижу, замыслил что-то!

Денис едва не до треска напряг глаза и щедро улыбнулся беспорядочными зубами:

— Ты будешь знакомить меня с богатыми тётками, чтоб они меня кормили и делали дорогие подарки!

Взялся Денис досаждать Лёхе каждый день.

— Лёха!

— Нет, и не спрашивай больше.

— Лёха!

— Лучше смерть.

— Благодарить меня будешь! Лёха!

— Один раз выступлю — и всё! Просто проверить, как зрители примут, эксперимента ради.

В Иванове бар «Нега» был первым открыто развратным местом. Сходить в «Негу» считалось за отвагу. Не в лес на медведя, не в степь на хазарина, а в «Негу».

— Вчера в «Неге» тусил. Стриптиз смотрел, — точно от нечего сказать, бросал челночник с высшим химико-технологическим образованием.

— Что говорить, ты крутой, — с ненавистью льстил прежний сокурсник, зарабатывающий на погрузке мороженой мойвы и получающий зарплату той же мойвой.

Лёха ещё ни разу не был ни в одном баре и добросовестно не представлял, зачем туда ходят люди. Он предпочитал церковь.

Сперва, после детдома, он в тяжёлой форме переболел сектами. Бегал на собрания всех мошенников, которые объявлялись в городе. С остервенением месяца два молился тому же Иегове. Спрыгивал с кровати среди ночи, падал на колени прямо с унитаза, носил с собой везде кусок простыни, как мусульманин — коврик, чтобы во всяком пустом подъезде или тёмном закоулке напомнить о себе Иегове.

Спасла его рассудок приобретённая в детдоме преждевременно взрослая, если не стариковская, серьёзность. Однажды она взяла верх над сознанием Лёхи, и он безболезненно отплевался от мании быть святым евангелистом, адвентистом, пятидесятником или баптистом. Он тихо, без шума и гама, стал приходить на службы в православный храм и перед сном читать что-нибудь коротенькое, вроде «Святой Боже...» или «...помилуй мя грешнаго...».

А в «Негу» он пошёл дразнить девушек, карать их.

С 10 лет Лёха мечтал о принцессе. Маленьким он видел принцесс, но они были старше его. Приходилось страдать, раниться умом.

Повзрослевший, он слушал от друзей:

— Леонтий! Чем тебе Светка не та? Спереди тебя рукой потрогала? Радоваться надо было. А Надька что не так? Сказала, что порнография лучше всякого искусства? Что, разве не так?

Лёха на дружеские вмешательства трясся, как испорченное изображение первых видеокассет.

Где поиски принцессы увенчались блестящим поражением, так это в училище. Люба Волкова, волшебной красоты сокурсница, не менее месяца благосклонно слушала нежные слова от него, пока вдруг... Лёха ждал её на пороге после учёбы с устоявшимся намерением проводить. Он внимания не обращал на угольно-чёрный «форд», тупо взиравший фарами на двери училища. Лёха был редким чудачком, не трепетавшим при виде иномарок. Не обсуждал с друзьями новый «мерседес» в городе, кощунственно говорил, что такого же не хочет и другого тоже... Люба, царственно ступая, прошла, не глянув на Лёху, к «форду» и после этого дня с Лёхой даже не здоровалась.

Лёха день за днём копил досаду, но тем упорнее трудился над собой, чтобы быть достойным будущей принцессы. Он нацелился сотворить из себя олимпийца, совершенного телом и душой. А девушки училища мечтали вслух о любовниках-бандитах, о проституции. Люба Волкова громко хвастала, что её Рашид извращенец.

Не из любопытства Лёха согласился идти в «Негу», а хорошо подумав.

Глава 2

В следующий караул, в ночную смену, в согласии с обещанием Толика Скальберга, чёрный караул пришёл в полном составе. Десять парней и тридцатилетний мужчина, Царь, встали передо мной полукругом. Трое из них имели огромные беременные животы, но я это пропустил без внимания, потому что и так был достаточно взволнован.

— Зачем ты за нас молишься? — с презрением в голосе спросил Царь.

— Вы — символ ушедшей страны, — произнёс я заранее продуманную благолепную ложь.

— Продолжить движение, — небрежно скомандовал Царь (в ту ночь я ещё никого не знал по именам, а сейчас сразу называю их для удобства повествования).

Призраки колонной по одному пошагали мимо меня, а мне со страху чудилось, что многотонный грузовой состав проходит в сантиметре от меня, грозя зацепить за ниточку на одежде и погубить под железной массой.

— Ради Бога, — процедил я, — останьтесь. Что в моих силах, я сделаю для вас.

— Чё ты выёживаешься, чудовище лесное? — улыбнулся через плечо Толик Скальберг.

Они ушли. Я знал. И не оборачивался, ожидая, когда успокоится ошпаренное стыдом сердце. Который раз я отпугивал от себя людей витиеватыми фразами и мудрствованием в словах. На сей раз — не понравился призракам.

— Ты можешь меня просто послушать? — вдруг сказал кто-то за моей спиной.

На ледяной тропинке сидел, обняв колени руками один из чёрного караула. Лицо его поражало геометрической резкостью и прямою черт. Превосходный при жизни человеческий экземпляр, которому суждено бы было оставить красивое потомство.

— Ты можешь просто послушать меня? — повторил он, пряча изумительное лицо в колени.

Видимо, он боролся с сомнениями, исповедоваться ли мне сейчас, именно мне и сейчас, или никому и никогда.

Историю мести над зазнавшимися красавицами Алексей Воронов рассказывал мне в продолжение трёх ночей. Я слушал, не роняя ни слова, боясь погромче вздохнуть.

Глава 3

— После моего дебютного танца на сцене стриптиз-бара ко мне подбежали несколько пьяненьких девчонок и вручили бутылку шампанского. — Рассказывал Алексей, не взглядывая на меня. — Я им озадаченно улыбнулся и, не сказав «спасибо», скрылся в служебную дверь.

— Мы ваши с этого дня! Мы за пятым столиком! — крикнули они мне вслед, несчастные.

Официантка Лена пристыдила меня:

— Ты хотя бы руки им поцеловал, — но ещё добавила: — Ф выступил ты классно. Здесь впервые, чтобы так. Тело у тебя, как у бога.

Не было в тот вечер того, кто ни сделал бы мне комплимента. Персонал бара, от гардеробщицы до поваров, выстроились у сцены, чтобы оценить новенького.

Деня, торжествующий и счастливый, что беспрепятственно прошёл со мной в бар и тем более за кулисы, настаивал:

— Лёшик! Иди к тем девахам! Их четыре? По две на брата!

Зряшные были его планы.

На полученные за единственный танец деньги я купил три бутылки водки и не пустяковой закуски. Придя с Деней в общежитие, я постучал ногой в спящую соседскую комнату. Мы не объяснили причину банкета, потому что дали друг другу обет молчания.

При жизни я относился к тем скучным людям, которые не любят состояния хмеля в голове. Мне всегда делалось стыдно и противно от выпитого вина. Радость и удовольствие мне приносила работа. Много работы. Я блаженствовал на культуристических тренировках, когда ушами слышал треск своих связок и в напряжении стирал на зубах эмаль. Не применяя ни крупички медикаментов, я трудился, уверен, тяжелее всех в Иванове. Тело моё было не столь габаритным, чем у тех, кто сидел на «химии», но тем естественней и неотразимей смотрелась моя мускулатура. Здоровье моё было совершенным, я должен был прожить лет триста, как птица лебедь.

Я также много читал. «Мастера и Маргариту», на которую сейчас и не посмотрел бы, перечитал раз пятнадцать. «Тараса Бульбу» — меньше пятнадцати, но сейчас вообще бы не расставался с ним. Я же собирался стать олимпийщиком.

Что ни делается, всё к лучшему. Выпивая с Деней и двумя соседями, я проникся отвращением к себе пьяному, с освиневшими глазами,

с опустившимися уголками рта. Кое-как дотерпел я до утра и дал себе зарок: за время работы в «Неге» не прикасаться к спиртному. Кстати, да, «Нега» мне пришлось по душе, я решил работать.

Проработал я полгода. Стрип-группа «Форс» выступала в ночи на субботу и воскресенье. Программа длилась с полуночи до трёх. У меня в программе было три танца. За выходные (а по общему времени — за полчаса) я получал больше, чем раньше за месяц погрузки вагонов. Это не считая тех денег, что закладывали мне женщины в плавки.

Вспоминаю, богатейка лет двадцати пяти, наверное жена коммерсанта, после основной программы заказала персонально для себя мой танец. Переодетый, взяв сумки с костюмами, я подходил к чёрному ходу, когда меня настигла Лариса, администратор бара, деловая толстушка.

— Алёшенька! Золотой наш! Переоденься, станцуй для состоятельной королевы за третьим столиком!

— Чёрт-то с ней! — честно выразился я.

— Лёшенька! Ты ей больше всех понравился! Она тебя озолотит! И для бара хорошо будет, надо уважать клиентов.

— Ладно, подражаю её, — угрюмо согласился я.

— Ой, Лёшенька, умница! Постарайся! И погладь, поласкай её!

На пульте сидел новый диск-жокей, он поставил без совета со мной композицию Эннио Мориконе из фильма «Профессионал», бесконечную и изматывающую.

С пятой минуты танца я почувствовал, что к сердцу подступает бешенство. Походкой вольного, сытого кота я сошёл со сцены, направился к третьему столику, грубо, будто для приёма самбо схватил руку свой поклонницы и притянул к брючному ремню. Та пьяно и довольно ухмыльнулась и старательно принялась растёгивать мои штаны. Я стоял, не двигаясь.

«Негодяйка, — думал я, — завтра ты меня не узнаешь, одетого в обвислый пуховик и заплатанные ботинки. Если я к тебе приближусь, ты скажешь мужу: врежь этому ничтожеству, Вадик». Или Рафик. Или Изик.

Я что-то забыл, к чему начал вспоминать её. А, ну да, про деньги. Она совала мне за резинку плавков купюру за купюрой. Я, богатея на глазах, неуправляемо бесился. Делал непривычные для своих танцев агрессивные, порывистые движения. Она, вероятно, видя мою небрежность, строила высокомерные гримасы, но деньгами продолжала одаривать, а под конец танца уже просто бросала мне их под ноги. Подружки её, сидевшие с ней за столиком, не таясь, жгли меня сладострастными взглядами, приоткрыв голодные до мужского мяса рты. Они, я уверен, презирали подругу, имевшую власть быть хозяйкой над ночным развратником.

Я её хозяйкой не считал. На последних секундах музыки, совсем не любовно провёл рукой по её вздыбленной феном причёске, всё равно что погладил собаку, и обычной походкой вышел из зала, оставив на полу россыпи купюр. Их мне собрала Лариса. Деньгами оказались доллары: пять штук — по двадцать и четыре по сто. Не считая, сколько находилось у меня за резинкой и сколько Лариса, по своей женской слабосильности, не донесла до меня.

Глава 4

Две ночи Алексей рассказывал о стриптизе, всё более скучнее и по-никая головой. Я чувствовал, что он оттягивает главную сцену. На третью ночь он также пришёл и сел на тропинку, убрав от меня своё точёное лицо.

— Я любил, — невнятно произнёс он.

— Что? — впервые подал я при нём голос.

— Я любил, — терпеливо повторил он. — Я тогда первый раз пришёл выступать в «Негу». Сидел в раздевалке, присматривался к новым людям, соображал, как держать себя среди них. За полчаса до начала программы дверь в раздевалку с гулом распахнулась, и я увидел ногу в высоком кожаном сапоге с острым каблуком. Дальше в раздевалку ворвалась невысокая жгуче-рыжая девчонка, которая ни с кем не поздоровалась и, прежде всего, подбежала к рыжему коту, безвредно спавшему на спинке дивана. Она схватила кота за шкуру и удалила его из раздевалки сильным броском.

«Прожженная распутница, — решил я. — Через неделю будет вернуться вокруг меня, добываясь пошлых ухаживаний».

В отрицательном на её счёт мнении я утвердился, посмотрев на сцене её танец. Я вышел из служебного коридора к сцене, глянул и, поражённый, пошатнулся. Я увидел демоницу. Фигура, формы, движения! Грех и страсть! Хотя она и не снимала лифчика и трусиков, грешная сила распространялась от неё радиационными волнами, прожигая зрителей насквозь, расщепляя их души.

Меня она заметила, когда я уходил в тот день домой.

— Это кто такой? — скривила она рожицу.

— Новенький, — объяснили ей, — здорово танцует. Ты разве не смотрела сегодня?

Не дослушав обо мне характеристику, она вдруг расставила ноги, повернув их носками внутрь, как косолапый мишка, и потопала по своим делам, рыча и гримасничая.

На следующий день я явился в бар на репетицию. Мне пришлось долго сидеть за барной стойкой, ждать, когда освободится сцена. На сцене отработывали парный танец Женя-большой и Женя-маленькая.

Женя-большой был евреем и гомосексуалистом, красившим ногти бесцветным лаком и носившим под брюками женские колготки вместо носков, а Женя-маленькая... так звали обидчицу кота. Большой играл беса с толстым зелёным хвостом, а Маленькая — ангела, покрыв себя кружевным тюлем, снятым с окна бара. Я слышал беспрестанный её смех. Смех не растлённый, не прокуренный, а солнечный, птичий, детский. Она бессовестно срывала репетицию, искажая движения, щипая партнёра, распевая популярные песни диким, рычащим голосом. Её мать, хореограф «Неги», свирепела, кричала до хрипа: «Женька-мерзавка, напорю!» — и курила больше, чем вдыхала воздух.

При свете дня я наблюдал хохотушку, нисколько не похожую на вчерашнюю демоницу. И совсем я растаял, увидев её одетую идти домой. На ней была нахлобучена вязаная оранжевая шапка с большущим помпоном.

Семья Жени-маленькой приехала из Узбекистана, из Ферганы, чтобы спасти Женю от изнасилования. Узбеки стали обижать русских. На

русских девчонок набрасывались белым днём, рвали одежду, насилывали. Вечерами и стены дома не были защитой от разбоя и насилия. Помню, сердце моё обмерло, когда я уже после рассказов Жени встретил в журнале слова: «...обугленные тела с перерезанными глотками в Фергане...»

Женя спокойно повествовала: «Русские пацаны боялись, а мы, русские девчонки, собрались мстить за Катюку Тимирязеву. Нас было по ровну, но узбеки все здоровые, как ты, и они нас победили. У меня было сотрясение мозга, и ушибли грудь».

Они продали квартиру, дом, сад, и с сумкой, полной денег, двинулись из Узбекистана. Только-только хватило на дорогу, занявшую 15 дней. Приехали в Иваново и узнали, что им не дадут ни документов, ни работы. Придумали устроить Женю в стриптиз-бар, и стала она одна зарабатывать на семью. Чемпионка Ферганы по художественной гимнастике.

Внешность Жени сочетала славянскую мягкость и белизну с восточной остротой черт. Глаза её походили на пикирующих ласточек. Носик горбился и казался крохотным клювиком. Приходило на ум, что Светка, вздорная, чрезмерно курящая женщина, мать Жени, имела существенную встречу с узбеком.

Скоро я заметил по себе, что перестал задерживать внимание на других красавицах, где бы они мне ни встречались. Я любовался одной Женей. Но я не допускал о ней эротических фантазий! Во мне забрезжило очень чистое и бескорыстное чувство.

Она ненавидела бар. Её трясло после каждого возвращения со сцены. Она часто рыдала и пыталась спрятаться, чтобы не выходить на очередной танец.

В остальное время она хохотала и дурачилась и танцевала для себя. Как-то я ей сказал: «Если б я в течение дня просмеялся столько, сколько ты насмеиваешься за час, то к вечеру упал бы от психического истощения». Она, выслушав, поглядела на меня изумлённо, с улыбкой, полной блестящих белых зубов. Длинные фразы она воспринимала плохо и неохотно.

В другой раз я ей выдал: «Мне приходят на ум богохульные мысли. Я думаю, зачем мне мечтать о рае, чего я там увижу замечательного, если в жизни имею возможность созерцать ангела!»

Женя понимающе хмыкнула и спросила:

— А кто такие ангелы?

Она была ребёнком, диким зверьком. Чужеземкой и иноплеменницей. Она даже не ориентировалась в фильмах и сказках, на которых мы все выросли. Над ней пошутишь издёрганной фразой из какого-нибудь фильма, вроде «уйди, старушка, я в печали» — и Женя уже бежит жаловаться матери, всерьёз полагая, что её обзывают старой.

В одном исключительном случае я нарушил зарок не прикасаться в баре к вину. Меня пригласили на день рождения Жени. Накануне дня мать Светка сказала ей в моём присутствии:

— Женька! Пригласи Лёшу завтра в каминный зал.

Женя глянула на меня со вселенским ужасом в глазах. Затем шумно, чуть не поскользнувшись, развернулась и убежала, крикнув:

— Я боюсь! Сама приглашай!

Я подарил ей настоящие духи «Фиджи», обильный букет цветов и поцеловал её в щёку, нежную и вкусную, как конфеты «птичье молоко».

Выпив три стопки, я запынял до полного к себе омерзения. Наверное, из-за того, что очень уставал. Интенсивность тренировок я увеличил в разы и потом просто отвык от алкоголя. Внезапно для всех гостей и для себя я спел: «Правой ручкой обняла и поцеловала...» и ушёл домой. Больше не мог терпеть себя среди людей. Жене исполнилось 15 лет.

Нередко, входя в раздевалку, я заставлял Светку за школьной тетрадью. Светка спешила закрыть тетрадь, но как-то раз я успел разглядеть на клетчатых страницах столбики деления, выведенные аккуратным крупным почерком. Мать проверяла домашнюю работу дочери.

Сначала Женя училась в школе. Одноклассницы определили её проституткой, и пришлось уйти.

Глава 5

У Жени был Артём. Бармен из «Неги». Она твердила, что любит его. Я не хотел с ней спорить об этом даже в мыслях. Артём не мешал мне. Не мешал ему и я. Всё, что мне было нужно: видеть и слышать её.

Артём был непонятным. Он каждую ночь убеждённо, непоколебимо напивался. Причём тайком ото всех, в том числе и от Жени.

Мне не требовалось быть чтецом душ, чтобы сложить: Женя плюс Артём равно дружба. Никак не любовь. Я ни слова не хочу сказать против Артёма. Я знал о нём, что, сколько он ни выпьет, по отношению к Жене страсти не позволит. Уже только за это я уважал его.

Однажды Женя втайне от матери сделала два глотка пива и всерьёз захмелела. Мы находились с ней одни в раздевалке, она переодевалась за шторкой для следующего танца. Я ненароком спросил о её любви к Артёму. Пьяненькая Женя зажглась от моего вопроса и принялась торопливо и нескладно хвалить его. Выступив из-за шторки на холодный пол голой ногой, так что мне стали видны волосики на её лобке, она прикрывала обнажённую грудь дрожащим кулачком и повторяла:

— Он первый, кто стал ко мне хорошо относиться, когда мы приехали сюда! Первый! Я так люблю его! Я очень люблю его! — Женя для выразительности своей речи оторвала кулачок от груди и стала ударять им в воздух. — Мы поженимся с ним! Я потому что люблю его!

Артём смотрел без упрёка и на то, что я ежедневно приносил Жене подарки. Почти все заработанные деньги я тратил на неё. Охалки шоколадок, браслеты, экстравагантные импортные колготки для танцев, воздушные блузки, а раз купил диадему, усыпанную тысячью камешков. Не только Артём, но и весь персонал молчал о моём внимании к Жене. Думали, что я блаженный и ничего не умею с девушками.

Я же с каждой ночи шёл на утреннюю службу в церковь, а если приходился большой праздник, то я совсем не являлся в бар и ночь стоял на праздничной службе.

Глава 6

Месяц, ежедневно по 4–5 часов в день, я и Женя готовили парный танец. Я был счастлив.

В процессе танца мы должны были ласкать друг друга. Я водил руками, трогая её кожу только температурой своих ладоней. Женя урчала на меня:

— Ой, скромник!

Я сопел:

— Грешница. Срамница.

Она, понимая не все слова, что я говорил, принималась царапаться и щипаться.

Первый показ парного танца мы, конечно, провалили. Запутались в руках и ногах друг друга и несуразно повалялись на пол. Женя при этом неумно хохотала, а я без пяти минут краснодипломник театрального училища, сбрасывал ладонью с чёлки панический пот.

Дальше мы танцевали безупречно. Я белой завистью завидовал зрителям, что они имели удовольствие видеть наш с Женей танец. Действительно, мы творили акробатические трюки, достойные хороших цирковых номеров, непринуждённо исполняли балетные *doubles cabrioles* вперёд с продвижением, эффектные *jetes entre-laces* с сильным махом ноги в полёте, вихреобразные прыжки *saut de basque* в обеих формах. Она взлетала с разбега в воздух, я ловил её под живот на вытянутые руки. Я кружил её над головой, держа одной рукой под сильную выгнутую спинку. А заканчивался танец тем, что я уносил её, сидящую на моей ладони.

Для танца мы взяли композицию Таниты Тикарам. Жаль, не помню названия. Она, может быть, помнишь, немного джазовая, с саксофоном, но довольно роковыми ударными.

Однажды за десять минут до начала программы я сказал администратору бара Ларисе:

— Что-то Женя-маленькая сегодня опаздывает.

Лариса ответила:

— Всё. Её уволили. Она в Москву уехала танцевать.

Пол подо мной покосился. Я подумал, что «Нега» съехала в образовавшийся в земле разлом. Туда, где варится в котлах смола.

Только что перед этим мы с Женей сыграли на сцене фарсовую свадьбу. Придумали обновить наш танец тем, что она надела свадебное платье, а я строгий серебряный костюм. Зрители притихли, как мыши, когда мы вышли в зал. Мы начали танец, не исключая из него сложных па. Неприятность вышла лишь из-за того, что мы не успели отрепетировать раздевание со свадебными костюмами. Я знал танец по нотам. Поэтому, когда подоспел момент снимать с себя рубашку, я спохватился, что она застёгнута до ворота. Времени не оставалось ни секунды, и я в отчаянии дёрнул за ворот так, что пуговицы брызнули по залу, и одна булькнула в стакан женщине, овейной вулканической причёской. После этого возникла проблема сложнее: требовалось оголить Женю, но корсет её платья был зашнурован намертво, и я уже в бешенстве рванул белоснежные ткани, отчего в лица людям выстрелило множество крючков и застёжек. С последними нотами я уносил плачущую Женю, ступая по кускам свадебной материи. Зрители били в ладони до синяков.

В «Неге» считалось системой: костюм для удачного номера оплачивался полностью баром. Порванный свадебный наряд Жени хозяин бара Моржов назвал бестолковым, а уникальный танец обругал

кошунством, вследствие чего отказался возмещать стоимость платья, купленного корыстной Светкой с двойным расчётом — и для танцев, и загодя. Поэтому деньги им отдал я.

Глава 7

Уволили Женю после очередного предупреждения прокуратуры по поводу несовершеннолетия.

Мне стало тошно в «Неге». Танцы я разбавил немилосердными театральными паузами, то есть прекращал в любом месте музыки заученные движения и прохаживался по залу, заглядывая в глаза клиенткам. Вместе с тем от танца к танцу я терял ощущение стыда. Часто, находясь на сцене, ловил себя на мысли, что мне сделался абсолютно безразличным свой, так сказать, моральный облик. Обо мне пошла слава распутника. На улице до меня случайно донеслись слова: «Марин, пойдём на этой неделе в “Негу”, посмотрим на того похабника с большими мышцами. Мне в прошлый раз даже страшно было от него. Думаю, сейчас набросится и, нечего делать, изнасилует на людях. Совсем дикий, никакого стыда». Знал бы кто, что я даже не целовался ещё ни с одной девчонкой.

Моё отношение к другим танцовщицам «Неги» выражалось в одном слове: уважение. Да, я уважал их. Ни больше ни меньше. Если, к примеру, Анька-Каролина была завершённой шляхой и танцевала в отдельных кабинках совершенно голая, то она и в жизни не зазнавалась. Машка и Дашка с их лесбийским танцем были мне милее любой из сокурсниц по училищу. Эти две юные ведьмы насколько откровенно безобразили, настолько же правдиво признавались, что не станут жёнами и матерями, и несчастье плодить не будут.

Деня разочаровался во мне. Я не устраивал ему свиданий с богатыми особами. Он решил взять ситуацию в свои руки и упросил Моржова, что бы тот разрешил ему выступить.

— Уведу сегодня с собой целый гарем, — обещал Деня перед выходом на сцену.

Его колотило от страха, но он не унывал. Вращал глазами и жалел меня:

— Над тобой, конечно, потом будут только смеяться, но ты извини меня. Просто я сегодня покажу новый уровень танцев, которого тебе никак не достичь.

Деня не обманул. Потряс зрителей. Они сидели встревоженные: что происходит? Он бродил по залу сутулый, худой и кивал под музыку лопухой головой, как это делают при ходьбе голуби. Спустя минуту он деловито и обыденно разделся, сложив брюки и рубашку на стул. Оставшись в плавающих, раскрашенных под американский флаг, Деня встал спиной к столику, за которым сидели дамы, пившие мартини, и стянул резинку плавок, обнажив, будто для укола, худосочные ягодцы. Наверное, ожидая шквал аплодисментов, он оглянулся на дам с победной улыбкой.

— Уберите этого осла!

— Кого вы нам показываете!

— Издевательство!

В раздевалку Деня вернулся с запровленной за резинку плавок масляной салфеткой вместо денежной купюры.

— Вроде хлопали некоторые, да? — спросил он, совершенно довольный собой.

Глава 8

— Педераст! — крикнул мне кто-то из зала.

У меня похолодело сердце. Вот как уже! Дорвался. Я сбежал со сцены и пошёл вдоль столиков, глядя в глаза мужчинам, надеясь, что сказавший будет и дальше честен, встанет и согласится драться со мной. Никто не поднял брошенную перчатку, и я встал у входа в зал, демонстрируя себя. Пусть хоть сколько выйдут, лишь бы по правде. Полчаса я выстоял и пошёл собирать сумки. Упаковал все свои костюмы и сказал персоналу бара:

— Прощайте, вы мне полюбились.

Апрельской ночью я тащился с тюками в обеих руках, и меня оставила милиция.

— Что в сумочках? — спросил меня милиционер немного старше меня, видимо, посчитав меня за вора.

— Костюмы, — ответил я, ставя сумки на землю, — я в «Неге» танцую.

Милиция шархнула в сторону, будто от разносчика сибирской язвы.

Начинало светать, а я в глухих гаражах жёг костёр из костюмов. Весёлый огонь поднялся с мой рост. Шумно гнила козлиная шкура из танца «древнего человека». Трещали клёпаные кожаные браслеты «Конана». Вспухала и хотела взлететь ветхая тельняшка из танца, в котором я играл пирата и, раздеваясь, обливал себя из пузатой бутылки водой, чтобы блестели мышцы.

Пропахший дымом, тем же утром я забрал из училища документы. Преподаватели ахнули, но я не стал им объяснять, что отныне посвящаю себя только предстоящему первому в городе турниру по культуризму.

С новой одержимостью я взялся биться со штангой, преобразуя тело из красивого — в чемпионское. Целью определил доказать городу, что я спортсмен, а не нарцисс, и что танцы были шалостью. Мне мечталось, как с золотой медалью на груди произнесу со сцены: «С любовью посвящаю победу Жене-маленькой». Зрители будут аплодировать мне стоя.

В тренажёрном зале другие «качки» толпились, чтобы поздороваться со мной, и расступались, когда я с медвежьим рёвом двигал неподъёмные на вид штанги. Ребята из других секций спорткомплекса бросали свои тренировки и приходили наблюдать моё неистовство. Во время приседаний со штангой они в замирании слушали, как потрескивает мой позвоночник. Если я снимал с себя промокшую майку, по залу прокатывалась сильная тишина. Мои плечи стали похожи на вогнанные под кожу пушечные ядра, грудь можно было сравнить с рыцарскими латами, спина казалась капюшоном кобры, бёдра имели вид мраморных колонн. «Не ври мне, скажи, чего ешь!» — неотвязно спрашивал меня Таблета, который поглощал по упаковке метандростенолона в неделю и едва не ежедневно вкалывал месячную медицинскую дозу омнадрена. От переизбытка тестостерона в его крови у него вдвое больше обычного выросли уши и большой палец на левой руке. Система его тренировок была особенная. Например, на лавке для жима лёжа

он, не касаясь штанги, с полузакрытыми глазами дремал. В другое время, бодрствуя, он кого-нибудь учил, что пропионат хуже ундеконата. Или подавлял эрудицией старых тяжелоатлетов, кандидатов и мастеров спорта: «Кто знает, из чего гонадотропин делается? Ну? Из мочи беременных женщин. А что такое соматотропин?»

У-у-у... Вытяжка из гипофиза покойников! Я ж всю кухню знаю. Спрашивайте всегда у меня».

Приходил в зал армянин по имени Арарат и спрашивал меня:

— Ты скёлк качаешься?

— Пять лет, — отвечал я.

— А саревнавания когда?

— Через две недели.

— Ха! Через две недели я больше тебя стану.

Презрительно улыбаясь, он уходил курить. Затем снова являлся и ревниво задавал те же вопросы, не снимая кожаной куртки.

Невесомый бумажный корешок с заглавием «Повестка» сокрушил мои честолюбивые планы. День призыва стоял накануне даты соревнований. Рок.

Глава 9

Зато перед днём моего призыва факультет, на котором я учился, решил идти в кафе отметить окончание последнего семестра и начало сессии. Конечно, был приглашён и я.

В кафе «Валет» собрались вечером в шесть часов. Честно скажу, я растерялся, будучи полным неумехой в деле вести себя на людной гулянке, несмотря на стаж стриптизёра. Глянув на однокурсниц, вышагивающих снежно-мёртвыми королевами, я даже оробел. Дурак совсем, я попробовал показаться компанейским парнем. Не помню что, но точно приятное, сказал через стол Вике Зининой, высокой девушке, непонятно за какие таланты уже поставленной администратором городского театра. Вика пусто глянула мне в лицо, затем перевела глаза на мою бледно-жёлтую рубашку, доставшуюся от умершего отца, и слышно для других произнесла:

— Не смотри на меня даже, неудачник.

Я прижался к спинке стула, вполне ожидая, что Вика плеснёт шампанским, и вдруг вспомнил Женю... Кафе пропало с глаз долой, передо мной вспыхнули рыжие пышные волосы, и уши мои защекотал солнечный смех. Я поднялся и ушёл из кафе, счастливый и злой. До десяти вечера я гулял по городу. Купил пачку сигарет и выкурил её. Первая сигарета сорвала мне голову, и я с трудом доплёлся до скамейки. Я физически ощущал, как наступает отравление моего идеального организма.

Совершенно трезвый, только чуть покачиваясь от табачного угара, я вернулся в бар, когда все уже вымещали хмель в беспорядочных танцах. Вернулся я для мести.

Я оголял их в течение пяти танцев. Сначала озадачился, рассмотрев, что почти все девушки в вечерних платьях, какие снимаются только через голову. Пришлось спешно решаться на откровенное бесстыдство. Задирал подолы, гладил всюду, и в местах высокого напряжения. Причём двигался я со страстью, на износ, чувствуя в себе демоническое

остервенение. Они визжали, хлопали в ладоши и подыгрывали мне очертя головы.

Пять танцев я издевался над ними, им же на радость. Между танцами я с периодичностью в 20–30 секунд вливал в себя по рюмке водки, переходя от столика к столику и принимая признания в любви, похвалы, лесть, намёки на уединение, извинения за прежнее непонимание.

Пьянея, я внезапно для себя обрёл новую сноровку. Пол устался шёлковыми, бархатными, гофрированными платьями. Бретельки, скрытые молнии, хитросплетённые корсеты для меня перестали быть гордиейми узлами. Вика Зинина сама надвинулась на меня, своими руками сняла с меня рубашку, штаны, а потом, как змея старую шкуру, стянула с себя узкое зелёное платье. Она облизывала меня глазами и в танце пыталась ударить мне по лицу голыми грудями.

Честное слово, я не сделал ни одного жеста, ни одного прикосновения с чувством. Я действовал исключительно разумом. В заключительном выходе я бесновался в одних плавках, и вокруг меня искрились оголённые высоковольтные однокурсницы. В полночь я оделся и незамеченным убрался.

С утра я прибыл на распределительный пункт. Отравленная сигаретами и водкой кровь червиво ползала по моим венам. Совесть моя рвала на себе грязные одежды.

Врачи из комиссии изумлялись:

— Это что у тебя? Мышцы? Натуральные? Разве они такие по-настоящему бывают?

Глава 10

КМБ, курс молодого бойца, я перенёс стойко. Мускулатура отточилась до деталей. Между кубиками пресса я удерживал спички. Потом же я попал на базу НЗ СВ и в первый месяц пребывания в Огнегорске с меня слетело 24 килограмма, из-под кожи чётко выступили рёбра. На базе лютовал голод. «Молодые» ели мыло. В придачу утренние зарядки. Сейчас мне даже смешно. Слово-то какое хорошее: зарядка. Ассоциируется с «Абвгдэйкой» или Чебурашкой. В первое же утро на базе я понял, что спортом в жизни я ещё не занимался. Прихожу после зарядки в роту умываться, а белуга на мне розовая. Пот кончился, и из пор кожи выступила кровь.

Путёвку на базу я получил из-за собственной надуманной принципиальности. На КМБ сержант Степанов окрестил всех и каждого из нашего призыва педерастами. Я, не отсрочивая на потом, обратился к нему:

— Товарищ сержант! Разрешите обратиться! Рядовой Воронов! Педерастом вы меня не называйте. Лучше по-другому, как вам будет угодно.

— Я понял, товарищ «запах», — кивнул сержант Степанов, рослый сутулый парень с добродушной улыбкой. — Ты будешь отдельный педераст. Не как остальные. Всем на зависть.

Бил я его недолго. Технично и сильно. Три удара. В поддых, в печень, в грудь.

— Если вы не будете злить меня этим словом, я буду очень дисциплинированным.

Уйдя из бытовки, на полу которой скрючился сержант Степанов, я степенно направился, в ленинскую комнату, где преспокойно смотрел телевизор старшина Угаров. Войдя, я швырнул ему в лицо табурет. Без долгих заминок я разыскал всех сержантов и, побив их поодиночке, попросил каждого:

— Большого я не прошу. Не называйте меня тем словом.

Молчание — золото, а вежливость — платина. Сержанты приняли моё условие. Они устраивали мне экзекуции, как никому больше. У них пересыхали горла от бранных тирад в мой адрес, но запрещённого слова я не слышал. Они проигрывали. Вместе взятым им приходилось быть слабее меня одного.

После присяги сержанты дали обо мне офицерам нелестные рекомендации, чтобы я исчез из части.

На базе я получил письмо от Дени. «Лёха, гад! Что ж ты уехал, не сказав ничего? Девчонки из твоей группы жалеют, что раньше не разглядели тебя. Женька-мелкая вернулась из Москвы и опять в “Неге”. Крутая стала, нюхает кокаин. С Артёмом уже никак. В баре сейчас творится полный разврат. Ночью 1 Мая зрители сами пораздевались догола, открыли окна и плясали на подоконниках».

На пятом месяце службы он написал мне: «Мелкая портится. Сейчас она тебе не понравилась бы. Снимает верх, приспускает трусики. Правда, пацанов избегает. Из-за этого в баре её монашенкой дразнят. Я про тебя говорил, что ты в армии, она сказала: “Наплевать”. Помнишь, ты её ругал, что она кота рыжего обижает? Теперь бегаёт за ним по всему бару и насильно гладит. Он боится её хуже любой собаки. Я уговорил Моржова, чтобы он разрешил мне ещё раз выступить. Пообещал ему, что публика будет в заобморочном восторге. Кстати, мне нужен от тебя совет. Я через костюмера знакомого в театре добыл костюм Артемона (из “Буратино” тот пудель) и танец-то хочу в нём сделать. Ты в письме подскажи, что мне можно вытворить эффектное. Сам я пока придумал три гвоздя. Первое: вырежу на костюме овалы под ягодицы. Второе: перешью хвост на перёд. Третье: в разгаре танца укушу какую-нибудь мадам за ногу».

Двадцатое сентября 1993 года — самый счастливый день при моей земной жизни. Я получил письмо от Жени. «Алёша! Я поняла что люблю тебя. Я хочу ждать тебя ис армии. Я многа писать ни буду потому что ни умею красива говорить как ты. А то ты будишь смиятса надомной. Я тибя сильна сильна сильна люблю и цилую. Я только щас это поняла. Я даже плачу кагда вспоминаю тибя. Ты мне самый дорогой. Люблю!!! Жду!!! Цилую!!!»

Я ответил ей на десяти листах, начав: «Женечка! Маленькая! Ты моя принцесса! Судьба привела меня за руку в змеиную яму, чтобы найти упавшую с неба звёздочку, тебя. Вернись, ты меня не узнаешь. Я стал тощим-претощим, шея со спичку. Но я обрёл другую, душевную силу, стал серьёзным мужчиной. Я смогу построить для тебя сказочное счастье...»

Пятого октября от Дени пришло третье письмо. «Лёха! Ты что, не мог отговорить меня, своего друга, не выступать в костюме Артемона?! Ты не поверишь, случился провал. Сначала зрители по-доброму смеялись, а потом выкинули меня на улицу, и Моржов, свинья, приказал запереть двери. Я через полгорода бежал в общагу. Задница замёрзла,

и хвост спереди мешал, путался. Мне бы не хотелось тебя пугать, но ты всё равно узнаешь потом. Женьку-мелкую убили...»

Сердце моё рухнуло и раскололось об пол, как глиняный горшок.

«...В баре гулял уважаемый бандит Лютый. Никто не заметил, как он её вывел из бара. Только потом увидели, что через дорогу от “Неги” загорелся заброшенный дом (помнишь его?). Пожарные приехали, смотрят, в доме не пожар, а подожженный кто-то. Лютый ей между ног тряпок набросал, чтоб сперму выжечь...»

Глава 11

Минула третья встреча с мёртвым стриптизёром и солдатом. За минуту до шума электрички он встал и исчез.

На следующую ночь в роте мне приснился сон. В армии я почти не видел снов. Спал безжизненной мумией. Наслаждение солдату не само ночное забытьё, а те мгновения, в которые законно засыпаешь после команды «Рота, отбой!». Знаешь, что завтра следующее число календаря, что целую ночь не будешь чувствовать своего измождённого солдатского тела.

Значит, сон. Я очутился посреди ротного плаца. Светился день, но было тише, чем ночью. Проходили мои сослуживцы, робкие и умиротворённые, и говорили мне:

— Миш, тебя хорошая девчонка ищет. У всех спрашивает, где ты.

Я хотел было пойти поискать её сам, повернулся, а она стоит. Рыжая, с хитрыми раскосыми глазами, стоит и улыбается на меня.

— Ты кто? — спросила она, вздёрнув подбородок.

— Миша, — ответил я, с удивлением обозревая её. Высокие чёрные сапоги, полупрозрачная юбочка и короткая, выше пупка, кружевная блузка.

— Слушай, Мишка-топтыжка! — притопнула она носком неприличного сапога. — Увидишь Лёшку, передай ему, что завтра я приду к нему. Если он хочет, пусть полетит со мной. Скажи ему, я давно летаю, а вчера мне птички сказали, что он тоже бесприютный и обо мне вспоминает. Дорогу к нему показали. Тебе-то он чего говорил про меня?

Я собрался пожать растерянно плечами, но увидел, что девчонка больше меня смутилась от своего вопроса. Впрочем, она быстро сообразила, как выйти из неловкого положения. Сказала: «Что пристал?!» — и сильно толкнула меня плечом. Пока я выправлял равновесие, она убежала. Я глянул ей вслед, она специально косолапила, ставя ноги носками внутрь, и руки делала колесом, чтобы казаться сердитым медвежонком.

Команда «Рота, подъём!», гаже которой только шедевры русского шансона, вернула меня в настоящую армию. Перед утренним разводом боксёр Петруха, нечаянно записанный в роддоме человеком, сказал мне в курилке:

— Сегодня деваха классная приснилась вдруг. Не знакомая, правда, и про тебя зачем-то спрашивала.

— И мне приснилась и спрашивала, — обернулся Дима Новиков, сыктывкарский мегалит.

— Ты, Михальч, гипнотизёр! Я тоже сегодня девке объяснял, как тебя найти! — хохотнул Вован, хохмач из Вологды.

Ночью я ждал чёрный караул в восторженном нетерпении. «Се новый спаситель душ», — вилось в моём горделивом уме.

Моя вторая по счёту смена истекала получасовыми скачками стрелки. Высматривая до рези в глазах чёрный караул, я не чувял усталости и не замечал 37-градусного мороза. За пятнадцать минут до шума утренней электрички десять призраков приблизились ко мне.

Лёха Воронов не взглядывал на меня, стоял за общими спинами. Вперёд выступил Царь:

— Михаил! Мы виноваты перед тобой. Испугали, растрогали. Больше не придём. Слово даём.

— Лёш! — произнёс я мимо слов Царя. — Она обещала прийти сегодня к тебе. Не приходила?

Алексей, не сходя с места, зашептал:

— Миша! Тихе! Успокойся! Никто не придёт! И про тебя Толику не архангел рассказал. Мы просто решили встретиться с живым человеком. Особенно я растаял. Никто живой не поймёт, как нам здесь! Не лечи нас. Святая ложь не поможет.

Слова Алексея могли поранить, но я не вслушивался в них и вместо этого глядел через головы призраков на того, кто торопился к нам с угла 2-го поста. Алексей шипел на меня ни за что, а я уже различил игристую походку и чёрные высокие сапожки.

— Лёш, она сзади, — сказал я, и мои ресницы заледенели.

Он медленно оглянулся через плечо.

— Женя... — шепнул он.

— Иди к ней, — сказал Царь.

— Иди, иди, — повторили другие.

Алексей упал перед призраками на колени.

— Товарищи мои! Братья! Отпустите меня?!

— Лёх! Да иди! — повторил, смеясь, Царь.

Алексей и Женя стояли тихие, друг перед другом растерянные. Всегда несчастные и навсегда счастливые. Ветер пролетал сквозь них.

— Мы покажем вам танец! — спохватился Алексей.

Они побежали, держась за руки, на открытое снежное поле. Воздух тронула музыка. Среди саркофагов военных складов — музыка! Она нарастала, и я уже явственно различал композицию Таниты Тикарам. Говорится же: душа поёт. Так и произошло. Призрачные тела, души Алексея и Жени вызвали реальные музыкальные колебания в зимнем воздухе. Точно бы вибрировали мембраны динамиков.

Я пусть не часто, но по делу, не стыдясь, плачу над достойными сценами в фильмах или книгах. Вытирал слёзы над сценой, описанной Костомаровым, где Нина узнаёт про то, что зэк Квазимода не умер от ножа Ястреба. До сих пор схватывает горло над эпизодом в «Девчатах», где Тосе рассказывают про подлость Кирилла.

Выпавшие из моих глаз слезинки тут же замёрзли на щеках. Алексей и Женя танцевали, не повреждая снежного покрова, хотя взвивались спиралью и приземлялись в вихревых пируэтах. Два призрака, они, лаская друг друга, преодолевали земное притяжение, с каждым па зависая в воздухе всё выше и дольше. Они сорвали с себя одежду: Алексей — камуфляж, Женя — наряд путаны. Одежда вспыхнула, и на снег опустился только пепел.

Незаметно для моих глаз внешность танцующих изменилась. Вместо лиц у них появилось по круглому перламутровому глазу. Тела вытянулись изумрудными веретёнами, руки и ноги пропали. За спинами блеснули серебром стрекозьи крылья. С окончанием музыки Алексей и Женя с лёта ударились друг о друга и соединились в одно существо.

Большеглазая стрекоза повисла над нами, задержала на нас волшебный взгляд, потом стрекотнула крыльями и унеслась в звёздное небо.

Мы стояли очарованные. Девять душ чёрного караула и я, с замёрзшими глазами и автоматом.

Стремительно нарастающий шум пятичасовой электрички донёсся из-за мрачного леса. Чёрный караул завыл и завизжал страшнее дерущихся собак. Тени обезумевших призраков заматались вокруг меня, подняв с земли верхние полметра снега.

Когда вой, и рёв, и метель стихли, я увидел, что ко мне идёт смена во главе с прапорщиком Холодовым. Визгливый Холод, увязая в снегу, занёсшем тропу, возмутился:

— С какого чёрта эта пурга взялась?! Поддороги нормально шли! Я доложил, что ничего подозрительного замечено не было.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПАНКИ И ЕСЕНИН

Глава 1

Апрельским маршем шагала солдатская весна. К дьяволу холода, снегу смерть! Ближе дом. До армии я себе не представлял, насколько может быть тяжёл белый пушистый снежок, жгуч мороз и бессмертен боец. В солдатскую зиму я совершил научное закрытие. Мною установлено:

а) при охлаждении организма до той степени, когда вены и артерии изнутри смешно щекочут льдинки замёрзшей крови, солдат без содрогания способен произнести: «Пива бы холодного». Или: «Я б сейчас мороженым объелся»;

б) при уборке территории от снега, потратив последнюю калорию (без которой у обычного человека не осталось бы сил на прощание улыбнуться), солдат возьмёт и скажет: «Я сейчас подругу до обморока довёл бы». Или: «Я б в футбол у себя во дворе погонял».

Вывод: кожа солдата более термоустойчива, чем скафандр космонавта. В солдате мощи не меньше, чем в космическом корабле «Буран» с его 170 миллионами лошадиных сил. Оптимизм солдата превышает задор 95-летнего члена КПРФ, который обещает: «Когда мы придём к власти...» Солдат крепче алмаза и спирта. Если облить русского солдата жидким азотом, как в фильме про терминатора, он бодро отряхнёт с формы химический иней и скажет: «Прохладно. Хотя в январе я на усилении постов стоял, караул “в ружьё” подорвали. Я портянки надеть не успел, валенок мне не хватило, и я — в кирзачах на босу ногу четыре часа на морозе 43 градуса. Там, да, думал — простужусь».

Лично я за службу чихал и кашлял по одному разу. Вдохнул снежинку и разок поперхнулся на космическом обеде (45 секунд, чтобы пригубить раскалённое первое, подумать о втором и запомнить третье). Никто из нашей роты не простужался зимой. Кроме медика Реша. Есть люди, которые рождены писать стихи, есть рождённые бездельничать и пьянствовать, а ротный медик Реш был рождён болеть. И получать травмы. Если он мог ударить своей удивлённой бровью мчащийся ему навстречу БТР, то инфекции, воспаления и всевозможные осложнения он щёлкал как орешки.

Ответственно обращаюсь к руководителям блока НАТО: вы ликуете, что современный российский парень есмь алкоголик и наркоман, но учтите, что, становясь русским солдатом, он обретает былинную, неодолимую силу. Бог бережёт русского солдата.

Да здравствует всеобщая мобилизация!

Глава 2

Со следующего дня после преобразования Алексея и Жени, а точнее 5 февраля, меня поставили на первый пост, куда призракам вход был воспрещён.

В апреле...

— Миха, тихо! — шепнул мне кто-то, когда я брёл, замыкая смену.

Тропа утонула в талой воде, и ноги наши пребывали в уюте класса Пи. Вода дырочку в солдатском ботинке или сапоге найдёт, ибо он одолел расстояния, какие не снятся комете Боба Тейла.

— Тихо, Миха! Не бойся, — шептал мне нарисовавшийся парень из чёрного караула, остроносый, остроухий, шуплый. — Я Костя Белов. Тихо, Миха! Жди, я тебе позвоню.

Костя настроил один из аппаратов на 3-м посту, чтобы он имел связь напрямую с 1-м постом. Дело обычное, многие у нас так делали, чтобы бодриться болтовнёй.

Приходил я на пост после круга обхода и скоро слышал на столе в ТАпике слабое, опасливое дребезжание. Брал трубку.

— Миха! Мих! Мих! Миха! Слышь?! Панков сейчас расстреливают или иконы с них пишут?

— Господь милует! — отвечал я.

— Что они, сами на амбразуры бросаются?

— Кость, нет. Панки процветают. Вот панкушная «Король и шут» — любимая группа у министра культуры.

— Фига! Министры панкуют!

— Не. Ты, Кость, не пугайся, но современные панки популярные, модные и безопасные.

— Быть не может! Как же протест? Я в семнадцать лет сказал родителям: «Вы свиньи. Ищете, где пожирнее пожрать. Копите, выгадываете, а я свободы хочу».

Глава 3

У меня мама чуть не утонула, провалилась под лёд в Волгу. Чужой, случайный человек нырял и спас. Она потом спросила меня: «Тебе меня было бы жалко, если бы я умерла?» Я ответил: «Во-первых, не умерла

бы, а сдохла, а во-вторых, мне Янку Дягилеву жалко». Я был не злой, но хотел протестовать. Особенно против взрослых. Родители были самые сподручные и безответные.

Я окончил школу (с золотой медалью) и ушёл от родителей. Поселился на съёмной квартире двухэтажного дома. Он, дом, достойно стоял, и крыша его с честью выдерживала атмосферное давление. «Старто стар, сгнил-то сгнил...» — писала Марина Цветаева. Но заселился я, и на седые паутины дома лёг позор. «Вертеп! Притон! Гадюшник!», — прозвали соседи мою квартиру. Их слова были бальзамом для меня.

Валерка пришла ко мне в дом где-то на десятый день моей самостоятельной жизни. Её привёл поздним вечером Бак, не панк, не металлист, а так, вездесущий заёмщик денег.

— Друган! — соврал он в первом же слове. — Ты всё понимаешь! — и провёл её в маленькую комнату.

Я проводил их глазами, вспоминая, что не раз встречал её в разных компаниях и пожимал ей худую руку, принимая за парня.

Минуло минут десять, она вышла из комнаты в трусиках и бюстгалтере. Пришлёпала босиком ко мне на кухню и взобралась с ногами на табуретку, убравшись на ней вся. Я подбирал на гитаре музыку к новым стихам.

— Не верь Баку, — сказала она, отпивая чай из моей чашки. — Всегда врёт. Завтра будет рассказывать, что вытворял со мной, а сам уснул и не вспомнил про меня, алкоголик. Сыграй мне, чтоб до живота тепло стало.

Я спел ей торжественно-унылую песню, написанную ещё в девятом классе, «Камни в подошвах».

Валерка, наострэнно прослушав, выудила из моей пачки сигарету и под дымок сказала:

— Ты нормальный. Я в том смысле, что по сравнению с нами, с остальными, ты нормальный. Женись и работай.

Я обиделся на неё.

— Хрен! — сказал ей. — Я безбашенный!

— И по-другому жить не хочешь? — пыхнула она мне в лицо дымом.

— Никак больше, — пожал я плечами, — время комсомольских подвигов прошло, а бандитом я не буду.

— Пойдём со мной, — встала она с табуретки, без стеснения демонстрируя тонкую, недокормленную фигурку, — я тебя проэкзаменую.

Мы шли по стемневшему городу, собирая по её указанию покрупнее камни. Она подвела меня к монолитному параллелепипеду горкома КПСС. Я спросил:

— Зачем? Их и без нас заплевали.

— Они класного мальчишку предали, — сказала она.

— Кого? — стало мне интересно.

— Вовку Ленина, лучшего в мире оторвыша и умницу.

— Да ну! — собрался вступить я в полемику. — Он же...

— Своих никому нельзя предавать! — оборвала она меня. — Кидай первым!

Сердце моё ужалось до размера куриного. Я с вялого размаха метнул камень. Он стукнулся в стену между окнами. Следом за моим, как из «Катюши», засвистели Валеркины камни. Обширная центральная улица задрожала от грома лопающихся стёкол.

Я по два, по три дошвырял свои камни. Валерка уже ждала меня бежать.

Она бежала значительно впереди меня, выбирая дорогу, и просто-напросто имея больше выносливости, чем я. Благодаря ей мы незаметно проскочили мимо двух УАЗиков с мигалками, а когда чуть не лицом к лицу встретились с двумя живыми милиционерами, она резко затормозила и схватила меня за руку, чтобы остановился и я.

— Иди спокойно! — шепнула она.

— Бежим сейчас же! — шепнул я.

— Я сказала, иди спокойно!

Милиционеры в упор изучали нас. Один сказал:

— Они.

Второй, видимо в сомнении, промолчал.

Она врезала мне в ладонь острейшие ногти, и мы, сдерживая бушующее дыхание, плавно проманеврировали около размышляющих ребят в форме.

— Не они, хотя именно такие и могли, — резюмировал первый, конечно, имея в виду мои длинные волосы и её сбившийся на одну сторону ирокез. — Пусть идут, больные.

Я хотел домой, на кухню, где чай и сахар в дальнем углу буфета, если не проснулся Бак и не отыскал тайник.

Валерка о чаепитии не думала. Едва мы скрылись от милиционеров, моя наставница указала на чёрное чудище, стоящее во мрачном дворе, «мерседес-230». Если не первая, то вторая иномарка в городе.

— Новые хозяева жизни, — кратко пояснила мне Валерка.

Я с опаской рассматривал диковинный знак в кружочке, установленный на капоте, когда она подняла ногу и пинком отшибла зеркало заднего вида. Оно с пустым гулом покатило по асфальту.

— Совсем с ума сошла?! — прохрипел я и с обречённым упорством принялся выбивать пяткой выпученные передние фары.

Валерка тем же способом трудилась над задними. В меня ещё никто не стрелял, и потому я не сразу поверил, что такой случай в моей жизни наступил. Какое-то время я стоял на месте, оглушённый громом, тупо глядя себе под ноги, из-под которых почему-то выскочили искры.

— Подонки! — с анекдотичным кавказским акцентом прокричали с какого-то балкона. — Казню! — Оттуда же чуть позже стали стрелять.

Мы убегали, держась за руки. Сзади гремело и ругалось. В наших скреплённых ладонях было мокро, и отчётливо хлюпало в одном Валеркином ботинке.

Дома обнаружили: левая ладонь и правая ступня Валерии насквозь прострелены.

Из дома я уходил основательно и к новой жизни приготовился. У меня имелись медикаменты, чтобы продезинфицировать Валерии ранки и перебинтовать её.

Она сидела на табуретке, не волнуясь и не жалея себя. Лишь по вздрагиванию бровей можно было догадаться, что в её руке и ноге наступает гнетущая боль. Я старался во врачевании, пыхтя, вытирая лоб и ползая в джинсах по полу. Закончив с бинтами, я приподнял Валерину полудетскую раненую ступню и счастливо прильнул губами к игрушечным пальчикам.

— Только к королевским ногам прикладываются, — сказала она, рассеянно глядя на меня сверху.

Валерия устала. Окно серело. К нему подступало пасмурное утро.

Не счастливые и не несчастные, мы сидели на кухне — потерянные. Мы и ещё миллион нас, последней советской молодёжи.

Я и Валерия не имели понятия, в чём по-новому выразить себя, во что облечь любовь, чтобы было не модно и не по-старому. Так и не разобравшись, не догнав, не придумав, мы ушли в панк — уничтожать себя, чтобы не достаться этому охреневшему миру.

Глава 4

Пуля, которая прострелила Валерке ногу, застряла в каучуковой подошве ботинка. Валерка, разумеется, повесила её себе на шею. Потом отдала мне в армию. Я держал её при себе в полку, в дисбате, а на базе после неприятного случая спрятал. На базе служили донельзя жестокие, но столь же порядочные парни. Если же в подобных коллективах появляется подец, то тоже из ряда вон. Пулю у меня срезали ночью прямо с шеи.

На воре и шапка горит. Во время вечерней проверки, в твердокаменной тишине пуля выкатилась на середину вестибюля. Её выронил из руки оспенный Киря, непобедимый вор, презиравший боль и осмеяние. Со смертельной страстью он крал всё! Чистые конверты (хотя домой не писал), спички (хотя не курил), чужие сморканные подшивы...

Гриша, проводивший ту проверку, нажал на тревожную кнопку, и через тридцать секунд в роту из караула прибежали двое с автоматами.

— Дай автомат! — сказал Гриша одному из них.

— С ума, Гриш, сошёл!

— Не стрелять я буду! Отстегни магазин!

На середину вестибюля вынесли табурет, поставили перед ним на колени Кирию.

— Клади руки! — приказал Гриша.

— Сломаешь! — крикнул Кирия, и глаза его забегали быстрее мышей.

— Клади, крыса вонючая.

Кирия положил прыгающие руки на табурет. Гриша по разу ударил прикладом по каждой. Удары через подпрыгнувший табурет отдались в пол. Все смотревшие невольно сжали кулаки. Кирия взвыл побитой собакой.

— Гриша! Как я теперь буду уголь в котельной кидать?

— В два раза быстрее. Сам приду контролировать.

Пуля сейчас лежит рядом с тобой на первом посту в трубе лестничных перил. Сунешь мизинец до упора, нащупаешь кончик нитки и вытянешь её. Она длинная, револьверная. Будешь увольняться, возьми себе на память.

Глава 5

— Мих! Ты книжки с приключениями любишь? — без приветствий начала новый телефонный разговор Валерия. А я любил. То-то и плохо. Нам тоже хотелось интересно жить, а получалось одинаково и пошло: стаканище портвейна — и громить кого-нибудь.

Чаще всего доставалось от нас с Валеркой сектантам. Ты-то был мелкий, вкладыши из жвачек копил, не видел, сколько их развелось. Валерка говорила, что глаза у них — это бутылочные осколки, а слова — истоптанные окурки. Нам особенно приглянулись два отгроханных в копеечку молельных дома адвентистов седьмого дня и «свидетелей Иеговы». Недели не проходило, чтобы не сыпались у них окна, а стены не украшались ляпами чернил или зелёнки.

Трудно пришлось с бизнес-школой для подростков «Бакс». Она располагалась в центре города в здании бывшего молочного пункта. Валерка постановила: «Хуже бизнес-школы быть ничего не может. Нельзя учиться жить ради скотских денег».

Мы погромили школу разок, через две недели пришли ещё. Ночь, тишина, никого. Я размахиваюсь запустить кирпичик с приклеенной открыткой «7 Ноября»... — вдруг распахивается дверь и на нас мчится чёрная собака. Я забыл её название, редкая. То ли рот-фронт, то ли рокфеллер.

— Ротвейлер? — подсказал я.

— Да, точно! Ужасная тварь! Она бросилась в лицо Валерке, сшибла её с ног, а я, увидев это, стал сам не свой. Схватил зверя одной рукой за шкуру на загривке, а другой — за ничтожный хвост, поднял над головой и опустил хребтом себе на колено. Я слышал, эта порода не чувствует боли и страха. К счастью, не всегда. Моя собачка от избытка чувств завизжала и, заплетаясь лапами, бросилась обратно в школу. Мы с Валеркой, не теряя времени, рванули прочь. Сзади мы слышали женский волевой голос: «Фас их, Сатана! Фас их!» Но бизнес-собака, видать, притворилась, что «по-русски не понимать».

Мы спаслись, а вечером следующего дня та же собака загрызла насмерть случайную девушку. Управляющие бизнес-школы приняли её за кого-то из нас и натравили на неё Сатану.

Отец погибшей казнил собаку. Он долго стучал в дверь бизнес-школы, пока не открыли. И вновь, уже на него, была спущена Сатана. Он того и ждал. Успел налечь на дверь и прищемил собаке шею. Дальше действовал молотком. Две сдобные дамы, управляющие школой, убежали через окно.

У Валерки не было подруг. Она не ладила с другими девчонками, презируя их разговоры о косметике и одежде. Единственно Валерка подружилась с Олей Коптевой, которую убила собака. Ежедневно ходила на могилу, полола сорняки, но в ужасе пряталась, когда приходили родители Оли. Она говорила: «Её вместо меня съели».

Тебе, Мих, описать Валерку? Мы ни один не считали её красивой, потому что у неё было очень русское лицо, а мы, даже панки, облизывались по американским черепастым чертовкам. Валеркины курносый носишко, полные губы, лунные щёки и серые с брызгами ресниц глаза мы считали обычным делом и никогда не говорили ей комплиментов.

Тебе не любопытно, почему о себе я говорю «мы»? Все, кто бывал в моём доме, становились её женихами. Правда, я и Алмазный соблюдали по отношению к ней целомудрие. Извини, я упомянул Алмазно-го. «В миру» Бочонкина. Значит, надо и о нём рассказать. Грязевый князь, внезапный интеллигент. Апостол Талькова, православный бард. Взрослый человек, а таскался со всеми неформалами. Приходил ко мне голодный и добрый — и выгнать стыдно, и накормить нечем. С Валер-

кой он не грешил, потому что бредил о собственной чистоте и святости. У меня имелась другая причина. Не себя, а её я считал святым человеком. Я ничего не знаю о настоящих святых, которых уважает церковь, но её я считал святой. Сколько она несла любви, я не знаю даже какими мерами выразить. Разве что человеко-часами. Она не молилась, не проповедовала о божественном, не постилась. Валерка дарила любовь природным способом.

— Пойдём со мной, — говорила она панку или металлиту и укрывалась с ним в маленькой комнате моего дома.

К её телу в моём доме причастились панки Шлак, Бумс, Бамс, Клок; «алисоманы» — Карбюратор, Пыж, Молоток; «киноманы» — Чика, Бубен; и без числа — сиюминутные фанаты «Кисс», «Металлики», «Айрон мэйден».

На хмельную голову Валерка плакала:

— Вы же несчастные и никому не нужны, кроме меня. Я вас всех люблю. Стране и её бабам вы даром не сдались.

Мы много злились на неё, за честные слова. Она считала, что невежливо молчать о неудачах человека. Из-за этого мы часто поддавались паранойе доказывать Валерке своё мужество и доблесть. Например, в Новый 1992 год я для неё разбил себе о голову восемь пустых бутылок, три тарелки и сахарницу из дореволюционного кузнецовского сервиза. Оттремев, отзвеневав, я рыдал, упёршись лицом в стену. Утром я увидел на обоях круглое красное пятно с глазами и слабоумной ухмылкой. У тебя, Мих, есть подруга? Ты же иногда что-нибудь рассказываешь о ней дружкам? Я не имею в виду обязательно скабрёзное. Просто что-нибудь да рассказываешь. А мы, представь, обсуждали не каждый свою, но все одну Валерку.

— Если б не Валерка, я б давно повесился.

— А меня бы убили или в тюрьме сидел.

— Валерка тебя может как лимон выжать.

— Я один раз хотел её силой взять. Она вроде согласилась, а потом, фигак, схватила и вывернула мне. Я чуть сознание не потерял.

— И мне выворачивала. Я тоже думал, что она простая... не буду ругаться.

— Я слышал, она в интернете отличница.

— Да.

— Она только кажется душой.

— А родители у неё кто были?

— Мать — режиссёр театральная где-то на Украине. Лучшей подругой была с певицей хриплой, не помню фамилию, поёт она про фотографию. А отец живой. В Москве художником. Имя у него особенное. Лукас, что ли.

— Да враньё.

— Нет, правда. Директор интерната даже знает.

Никто в моём доме не упоминал другие женские имена, а ко мне относились с почтением. Меня называли «друг Валерки», а Валерку — «подруга Костика». Считали, что Валерка любит меня отдельной любовью. Я не ревновал и не ревновали ко мне. Вокруг Валерки не было месту озлоблению, вокруг неё распространялась одна всеобщая любовь. Валерка была солнцем, а мы — планетами. Я — ближайшей.

Лишь однажды в моём доме плохо поступили с Валеркой. Это сделал Бак. Нас человек восемь сидело на задымлённой кухне. Я играл на

гитаре «Гражданскую оборону». По кругу ходила бутылка «13-го» портвейна. Дошло до Валерки, она отхлебнула и хотела передать следующему, которым был Бак. Он отстранил руку Валерки и, перекивая мою игру, высказался:

— Ты замарана везде, и после твоего рта я пить буду?

С тех пор Бак не бывал у меня.

— Не касайтесь! — не дала тогда его бить Валерка.

Глава 6

— Мих! Тебе гениальные мысли приходят? А? Согласен, не всем дано. Но я любил иногда гением побыть, хотя, честно-то, озарения в себе я намеренно провоцировал. Пил жестоко много кофе и при этом каждую чашку заедал таблеткой димедрола. Бросал себя из взвинченности в отупение, пока нервы с визгом не лопались и не наступало чувство кровавой, рвущей сердце жалости к нашему несчастному миру.

Как-то, отравленный таблетками кофеина-бензоата натрия и димедрола, я маялся в магазине в очереди, а передо мной стояла маленькая девочка лет пяти, грязная. Она высыпала в тарелку при кассе разную мелочь и попросила полбуханки и плавленый сырок. У неё не хватало сколько-то копеек, и продавец ей это объясняла, а девочка не понимала и хотела полбуханки и сырок. Я терпеливо дождался, когда девочка, забрав мелочь, уйдёт, и купил на скопленные специально деньги шоколадку «Сникерс». Не знаю, продаются ли они до сих пор, но при мне «Сникерсы» появились, как лучи нового солнца, и я подумал, вдруг не ошибусь — съем, обрету новые ощущения.

Я вышел из магазина и, враскачку шагая, чтобы как раздолбай в рекламе, принялся жрать. И ничего бы, но я снова увидел девочку, которая, стоя на улице, бестолково рассматривала монетки в своей ладошке. Я забежал в чайные кусты за ближайшим домом, согнулся и сунул пальцы в рот, чтобы вырвало из меня позорную шоколадку и хлестнули бы слёзы из глаз. В этой непрезентабельной позиции я сочинил первые строки, наверное, лучшей из своих песен «Ладошка слёз».

Опаснее велись мною эксперименты с тареном и теофедрином. Первый буквально оглушал мозг и вызывал странные галлюцинации в виде оживающих предметов, а второй распаял психику и давал щепотью бодрость и мотыльковую лёгкость. Не знаю, почему я тогда не сошёл с ума или не встало у меня сердце. О здоровье я не заботился совершенно. С телом воевал. Многие предпочитали карате, ушу, а я — слёзные корчи. Однако я знал экспериментаторов отважнее меня. Серёга Серов, басист из группы «Кораблячество», ел тарен, как семечки. Где бы он ни бывал, там оставался пустой тюбик из армейской аптечки. Потом я навещал его в наркологическом диспансере. Он весил семнадцать килограммов, не шевелился и с усилием водил зрачками. Врачи мне объяснили, что его мозг сгорел на девяносто процентов.

К чему я завёл речь об озарениях? А, да! К тому, что чёрно-белым зимним утром я выплавил золотую мысль о том, как сделать Валерку счастливой.

Я ёжился в дряхлом кресле, меня знобило. В крови гуляли перегоревший со вчера алкоголь и токсины свежего чифиря. Валерка в ночной сорочке устроилась калачиком у печки и подкрашивала лицо, вы-

сыпав перед собой дешёвую косметику. Она отрастила волосы, убрала ирокез, и из-за этого я странно, непонятно переживал. Пять минут назад она пришла из маленькой комнаты, где ещё спал Алмазный. Вчера он пренебрёг своей унылой чистоплотностью и польстился на дольку радости от Валерки.

Моё внимание остановилось на её зеркальце — обломанной половинке от старой-престарой пудреницы, и я судорожно вздохнул про себя: «Мы никто ничего ни разу не дарили ей и никак о ней не заботились».

— Валерия, пойдёшь за нас, за всех, замуж? — без шутки в голосе спросил я.

Она хлопнула солнечными глазами и ответила:

— За всех? Пойду.

В моём доме началась подготовка к священному дню и настала непрестанная весна. Народ прибывал и прибывал. Появлялись парни, которых я уже забыл по имени, но которые помнили Валерку. Игра в священнодействие всем понравилась, и ни один не смеялся. Только в присутствии Валерки мы примолкали, надувались, частенько даже на что-нибудь сердились между собой.

Главное было добыть свадебное платье. Решили складываться деньгами. Человек пять впервые в своих пустяковых жизнях пошли работать. Один прекратил копить на мотоцикл, другой — на магнитофон. К чести нашей сказать, денег мы набрали. Оставалось идти и купить. На это отважились двое — я и Алмазный, который трепетно относился к одежде и носил белую рубашку с узорами по воротнику и обшлагам. Металлисты, бывавшие в моём доме, звали Алмазного долбаным д'Артаньяном.

Перед входом в магазин я спасовал.

— Кость, чего тут бояться? — подбодрил меня Алмазный. — Обычное дело. Учись у меня, я не бессовестный, но и не стыжусь зря. Хочешь, я с себя сейчас всё сниму и пойду в магазин голый, чтобы тебе не было страшно?

— Нет, Владислав, — ответил я, — мы пойдём одетыми покупать свадебное платье.

От руки фломастерами мы писали афиши.

Все желающие быть женихами и свидетелями!

Панк-свадьба в городе!

Свадебный панк-концерт!

Девочка-панк Валерия выходит замуж за панк-общественность!

Вместо тамады — группа «Серое солнце»!

В заветный день Валерии показали настоящее свадебное платье, фату, белые перчатки, белые туфли. Она знала, что мы готовим ей праздник, но большее, во что она верила, это в нашу способность найти вина и закуски. Мы не ожидали, что она посмотрит и упадёт в обморок.

Глава 7

Я маленько слукавил, Мих. На мысль о панк-свадьбе меня навёл Булгаков, а точнее книга нашего времени «Мастер и Маргарита». Помнишь в ней бал у сатаны? Наподобие придумал и я.

За час до концерта в груди у меня инфарктно защемило. Близилась не детская шалость. Игра, но в не меньшей степени и жизнь.

Набрался полный зал клуба. И проходы забились, как в автобусе. Группу нашу встретили приветственным свистом. Начав концерт, мы опрокинули зал в растерянный трепет. Сыграли три всем известные песни из детства, переделанные на панковский лад. «Прекрасное далёко», «Крылатые качели» и «Бьют часы на старой башне».

Под завершение третьей песни клуб задрожал. Я не обманываю! Задрожали стены и пол. Воздух исказился. Так бывает в зной из-за испарений с земли. Я запнулся на заключительном припеве. Как мне было не испугаться, если зал вдруг разразился самолётным рёвом. По воздуху пошло эхо от загремевших человеческих сердец.

На сцену вышла свадебная Валерия, ступая медленно, словно в оледенении. Белая, с белым лицом. Лунное величие стыло в её глазах. Скульптурный сон сковал черты её лица. Снежно-белые её волосы сходили с её головы холодными пластами.

Она села в многолетнее и на вид многотонное кресло. Положила худые руки на потрескавшиеся кожаные валики.

Музыка, не доиграв, смолкла. Генок-Бес безвольно сронил палочки. У Кеда на прощание проурчала бас-гитара. Под моими пальцами струны соло-гитары ныли по последнему аккорду ещё минуту.

— Валерия! — позвал я, повернувшись к ней.

Она не двинулась.

— Валерия! — позвал я уже в микрофон.

Она вздрогнула и коротко посмотрела на меня.

— Слышит и слушает, — пояснил я залу, который стремительно умолкал.

— Валерия! Согласна ли ты взять в неверные грубые мужья нас, неудачников, алкоголиков и наркоманов?

В могучей тишине шипели динамики, и я дышал в микрофон.

— Да, — хрипло и слабо произнесла она, слышимая всем залом.

— Церемония массового бракосочетания открыта! — провозгласил я и рванул медиатором по струнам.

На сцену поднялся Скел, талантливый стихотворец, два метра костей и гремящие камни в почках. Он нёс гипсовый бюст Ленина.

Утвердив гения перед креслом, Скел разул и поставил на голову бюста правую ногу Валерии. С левой руки Валерии Скел снял перчатку и первый совершил два торжественных поцелуя в её раненые руку и ногу.

Следом пошли те, кто ждал начала церемонии за кулисами и у сцены. Лица многих казались до смеху серьёзными, будто дело происходило в настоящем ЗАГСе.

Мы играли «Бескрылого лебедя», мою траурно-маршевую композицию, в которой не было слов. Под неё стали «законными» мужьями постоянные постояльцы моего дома, а после них минуту никто другой не поднимался. Наконец, даже не по лесенке, а через высокий борт, на сцену взобрался вовсе не известный мне парень. Он загнанно оглянулся, вытер лоб и шатко проследовал к Валерии. Поцеловав её, он с воплем разбежался и ласточкой нырнул со сцены в зал. Вместо волн его приняли десяток рук.

Так, стихийно, свадьба получила новое продолжение. Парни, впервые видевшие Валерию, спешили преклониться перед ней, поцеловать её, а затем, победно вопя, с разбега прыгнуть в бездну рук.

Мы импровизировали с «Лебедем» лишние пятнадцать минут, пока не иссякли стихийные женихи. Мы стали по очереди оставлять свои инструменты и шли сочетаться. Последним под перекаты ударных и воркованье бас-гитары на колени перед Валерией встал я.

— Нравится? — спросил её.

— Счастлива, — невидимо, из-под фаты, сказала она, готовая плакать.

Окрылённый, я схватив гитару, грянул так, что, наверное, Перунгромовик позавидовал мне и вырубил в клубе электричество. В померкшем зале загудели, заговорили матом. Темнота заставила напрасно моргать глазами, ослепила полностью. Я, не дожидаясь, когда отремонтируют свет, отыскал на ощупь акустическую гитару и объявил:

— Брачная ночь!

Многие решили, что я шучу, и захохотали.

Прошло полчаса. Я шпарил одну за другой песни, которые сочинял ночами втайне ото всех и не собирался выносить на публику. Это были песни на стихи Есенина. Помнишь у него?

Да! Есть горькая правда земли,
Подсмотрел я ребяческим оком:
Лижут в очередь кобели
Истекающую суку соком.

Зрители молчали, будто в темноте их не было. Страх, потный и холодный, овладевал мной. Лопнула струна — я продолжил играть. Лопнула вторая, я продолжал. Лопнула третья, и включился свет.

Гитара моя стала красной. От усердия я разбил о струны пальцы и забрызгал её красивым ровным слоем крови.

— Спасибо, — растерянно сказал я в очнувшийся микрофон и отставил истерзанный инструмент.

Я привык к одобрительному свисту и крикам на наших концертах, но не к аплодисментам. Торжествующий и... подавленный, я стоял словно на берегу моря в штормовой прибой, волны аплодисментов погребали под собой сцену, и я не видел горизонта, где начало и конец шторму.

Валерия спросила меня в раздевалке:

— У меня сегодня с тобой будет настоящая брачная ночь?

Она натужно дышала, смотрела исподлобья. Я увидел её урчащей кошкой, а себя — опешившим перед ней пёсиком.

— Валера, ты для меня царица, — ответил я, — разве я совсем мерзавец, чтобы покушаться на тебя? Лучше давай отмечать. Сегодня у меня будет невиданный стол.

— Я пойду в интернате ночевать, — сказала она пепельно-сухим голосом. — Я устала.

Глава 8

Сигаретный дым вытеснил из моего дома воздух. Сколько собралось народа, я не считал. Пили и шумели, но веселье не наступало. По настороженным, не пьянеющим глазам большинства парней я понимал, что они надеются на приход Валерии.

В час ночи постучали. Поспешил открывать Скед. Из прихожей слышался девчоночий голос. Ах, как сверкнули у всех глаза!

В комнату в сопровождении бледного Скеда вошла Клёпка, непривлекательная глупая шатушка.

— Валерку фенозепаном накормили и носят на матрасе из комнаты в комнату, — сказала она, оцепенев от обилия народа.

Знаешь, Мих, какой-нибудь писатель разрисовал бы ту ночь с грохотом, криками, слюной из ртов. Люди на улицах прячутся по кустам. Бежит толпа с цепями, арматурами, кастетами. Нет. Мы шли шагом, хотя быстро. Не было заводил, никто не выкрикивал лозунги. Лишь страшное молчание и множественный топот ног о землю.

С трудом поспевающая за нами Клёпка пыхтела:

— Вы не гово-говорите, что это я вам сказа-зала! Её из тридцать пятой до сороковой, наверное, потащат. Я сама ненавиж-жу эти комнаты. В них эти... под уголовников косят.

Внутри меня дрались два чувства. Крошащий зубы страх за Валерию. И радость за неё, что на помощь к ней движется не иначе как военный отряд. А если была возможность оповестить город, то мобилизовались бы человек триста (или больше) с сегодняшнего концерта.

Бабушка на вахте в общежитии интерната не обмолвилась ни словом протеста при виде мрачной толпы. Я ловил музыкальным слухом топотное эхо от стен коридоров и не справлялся уже с двумя другими нахлынувшими соображениями: сомнения в своём проеденном таблетками теле и осознание общей силы, где я казался себе крохотной дробинкой в сокрушительном оружейном заряде.

С другой стороны, мы вместе одним общим умом думали о том, что же сейчас предпримем: будем бить, убивать или бить до смерти? Требовался первый. Им стал Толя Румянцев, шуплый, невыразительный, всегда никто. Не посоветовавшись с нами, он выступил вперёд, отыскал свет под одной из дверей от 35-й до 40-й комнат и постучал.

В отворённую щель выставился пьяный незаспанный враг. Толя с хрустом выдернул его за ухо, уложил на пол и задал вопрос:

— Валерия у вас?

— Чё ей будет? — прозвучал все решивший ответ. — Ухо отпусти, член моржовый.

По тому, с какой страстью Толя опустил ботинок на челюсть врага, мы поняли: да будет так!

Извини, Мих. Я не буду пересказывать побоище. Мне тошно вспоминать его. В чёрном карауле я перестал вспоминать зло. Мы, призраки, стараемся хранить в себе только доброе. Извини за девчоночье признание.

Милиция подросла, когда я уводил по коридору Валерию. У неё по ногам сползала и шлёпалась на пол чудотворная и самая грешная жидкость.

Крови случилось много. Умер в реанимации Скед. У него даже вылетел глаз.

У меня уже была на руках повестка, и мне предложили выбирать: тюрьма или армия. Но предупредили, что служба мёдом не покажется.

Попап я сразу на базу, с которой потом на полгода съездил в дисбат, затем опять возвратился — и, видишь, навсегда.

Валерия, тма неформалов и мать с отцом провожали меня с перрона. Я тебе не рассказывал о своих родителях. Да и нужно ли было? Простые добрые люди, которых по-скотски обижал сын, заблудившийся в трёх песнях.

Я обнялся с друзьями, похлебал у них из бутылок. Одновременно тостовали за мою будущую службу и за упокой Скела.

Полчаса я стоял, обняв Валерию.

— Буду ждать! — клялась она и мочила слезами мне грудь.

К матери с отцом я на глазах у друзей подходить стыдился. Вот-вот локомотив должен был дать гудок, сопровождавший офицер устал топтать, и я подошёл к ним.

— Мам, пап, — пробубнил я своим маленьким тихим человечкам. — Я поехал.

Они стояли с набитыми едой сумками. Испуганно смотрели на происходящий кавардак. Я хотел сказать им «простите», но углы моего рта уродливо оттянуло книзу, и я, чтоб скорее спрятать лицо, обнял мать и отца, нырнув головой между их головами. «Только не увидеть их слёз! Только не увидеть их слёз!» — убеждал я себя, но пора было оторваться из объятий... Робкие с пронзительно блестящими слезами глаза глянули на меня. Я больше не мог. Заморгал, замычал и побежал к поезду.

— Сынок! Сумки! — позвала меня мама.

Я повернулся уже с искажённым лицом, а по щекам горячо текло.

Глава 9

В неделю я получал от Валерии по десять и больше писем. Никому больше столько не писали. Она рассказывала, что постоянно в гостях у моих родителей. Называет их мамой и папой.

25 мая от неё пришло письмо с просьбой: «...Вернулся из армии Дима Котов, которого призвали на год раньше тебя. Ты его, наверное, не знаешь. Я с ним дружила немного. Он тоже играет на гитаре, но плохо. Он пришёл измученный, соскучившийся по хорошему. Я побуду с ним, ладно? А тебя я встречу как единственного. Ведь Диме приходилось, как тебе сейчас. Ты понимаешь меня? Я люблю тебя!»

Годом раньше я не то чтобы не возмущился, я благословил бы Валерию любить страдальца Диму. Беда, что на базе во мне сдох панк-философ. Я написал ответное письмо, полное дворовой, отборной брани. До меня Валерию ещё никто так не называл.

Вдобавок я сорвался на «духе», у которого дома осталась жена на восьмом месяце беременности и который ждал счастливой новости и вызова, чтобы комиссоваться. Я поймал его на том, что он не спросил у меня разрешения войти в ленинскую комнату.

Я приказал ему нагнуться. Оно обычное дело, наказать ремнём. Но я специально сметил медной бляхой ниже ягодич. На следующий день он не смог ходить, одно яичко раздулось до размера апельсина, хорошо, что не ампутировали. Дали мне полгода дисбата.

Вернулся я опять же на базу и рассчитывал почитать штук пятьсот писем (нового адреса я не посылал), но ждало меня всего-то пятнадцать. Четырнадцать из них от Валерии, которые, судя по рассказам об уставшем Диме, она послала до получения моего письма, и одно от Алмазного.

«Костя, привет. На черта ты, а? Ладно бы какой Бак...»

Со слов Алмазного и из того, насколько я знал поведение Валерии, я смогу тебе изобразить, что она натворила. Валерия взяла с собой Клёпку и побила окна в доме авторитетного в городе бандита. За ними погнались. Валерия с Клёпкой убегали, пока не попали в свет автомобильных фар. Валерия прибегнула к испытанному методу. Затормозила и заставила спокойно идти Клёпку. Американский джип, сбавив скорость, недоверчиво катил за ними. Валерия не вытерпела и с разворота выбила ногой фару у машины. Клёпка успела убежать, а Валерии разворотили между ног гвоздодёром, положили её на дорогу и проехали взад-вперёд.

Я, Мих, поверь, никогда не бредил по женским гениталиям, не мечтал утопать в них с головой, хотя развивался нормально и претерпевал ночные поллюции. Однако, узнав про исход Валерии, я решил и считаю до сих пор, что произошло осквернение святыни, вместилища добра и источника любви.

Мих, как бы мне увидеться с Валерией?

— Ох, Кость, — вздохнул я в трубку, — ты, наверное, думаешь, что посчастливится, как с Лёхой? Но я был ни при чём. Само всё получилось.

— О! Зови их, Лёху с его подругой! Придумайте что-нибудь вместе!

— Кость, я не разбираюсь в волшебстве!

— Думаешь, я разбираюсь? Мы, думаешь, всеильные демоны? Мы наказаны неизвестностью и бессилием. Мих! Миха! Я позвоню тебе потом! Они услышали! Почуяли! Они летят!

ТАпик на столе молчал две недели. Я нёс службу без нарушений, ни с кем не разговаривая на посту.

Весна ломилась в окна первого поста. Я с умильным презрением наблюдал за тощей берёзкой, дурочкой, которая оделась в зелень, пока другие деревья ещё зябко покрывались мурашками почек.

На посту тоже от тепла разрослись всюду травы-дурманы, нежнее лебяжьего пуха. Ой, не садись и не прислоняйся ни к чему. Сонные цветы от прикосновения выбрасывают в воздух наркотическую пыльцу. Вдохнул и прощайся с белым светом. Найдут тебя с безобразно распахнутым ртом, из которого будет нестись надрывный храп.

В ТАпике звонок покрылся дремотной плесенью, и поэтому вызов был таким, что снизу мне крикнули: «Товарищ Угаров, ты, наверное, спишь? У тебя пять минут ТАпик надрывается!»

— Мих! Служишь? — забалаболал в трубку Костя. — Я Валерку видел и домой слетал! Рассказать?

Глава 10

— Явились ко мне Лёха с Женей. Я объяснил им, чего удумал, и они улетели искать Валерку. Они всё так же в одном стрекозьем скафандре и говорят двуголосьем, дуэтом.

В следующую ночь возвратились. Держат за руку, ведя по воздуху не то чертёнка, не то обезьянку. Мы как раз с Царём во главе шли по кругу периметра.

Встав на землю, обезьянка-чертёнок смело пошагала ко мне. Я узнал Валерку, почерневшую лицом и телом. На ней трепались обрывки при-

жизненной одежды. Она приблизилась и уставилась на меня из-под перепутанных грязных волос.

Ненавистно долго молчала Валерия, и покаянно долго молчал я. Порхая над нами, Лёха и Женя произнесли:

— Мы нашли её в развалинах на высоком берегу Волги. Спала в груди камней и битых бутылок.

— На тех развалинах колонны не стояли? — спросил я, отводя глаза от Валерии.

— Да, стояли колонны.

— Значит, клуб наш, — сказал я, всё меньше и меньше желая разговора с Валерией.

— Наверное, и её оставили на земле, — понимая моё замешательство, поддержал разговор Царь.

— Кто вы тут все? — спросила Валерия, сутуло поворачиваясь по сторонам.

Я ответил:

— Служим по сей день с девяносто третьего года, перестреляли друг друга.

— А я со смерти живу в клубе, где мы поженились, — растерялась Валерия. — Он развалился.

— Ты не проклинай меня и не черней больше, — сказал я ей. — Не твоё быть чертовкой.

Она задрала скверное, будто в гематомах, лицо к нашему прекрасному существу, Лёхе и Жене, и попросила:

— Подними меня высоко! Слышишь?

Крылатое чудо согласно подхватило её за плечи и взмыло с ней ввысь. Мы стояли, всматриваясь над собой, как вдруг увидели, что Валерия одна падает вниз. Она рухнула на землю и от неё отлетело облако чёрной пыли. Я подбежал к ней. Она приподнялась, посмотрела на свою ладонь и сказала:

— Мало. Ты не знаешь, креститься надо слева направо или наоборот?

— Справа — налево, кажется, — озадачился я.

Валерия поднялась на ноги и коряво перекрестилась, говоря:

— Бог Христос, прости дуру Валерку, шлюшку никчёмную.

Снова Лёха-Женя подняли её и сбросили, после чего кидали ещё дважды, пока она не встала с земли прежней Валеркой, светлицей, с глазами-солнцами.

— Ещё! — потребовала она.

Считай, в пятый раз её подняли и отпустили. Перед ударом о землю она выкрикнула:

— Костя! Для тебя! Всех люблю! — и разбилась на стаю серебристых птиц, похожих на голубей, но с метровыми хвостами.

Птицы всполошено вспарили и, повисев в воздухе минуту, спикировали в каждого из нас. Вместо удара я ощутил радостное тепло, которое протекло через грудь и остановилось в лопатках.

— Крылья, глядите!

— Крылья!

— У всех!

Мы получили от Валерии смешные маленькие крылышки. Толя Скальберг, неуклюже перебирая по-собачьи руками и ногами, полетел к забору.

— Работают! — прокричал он.

Мы, Мих, не могли до этого покинуть базу. Для нас раньше стояла невидимая стена до неба. Не оглядываясь, я полетел в Нижний Новгород. К утру добрался. Захотел встретить рассвет на берегу Волги. Направился к клубу.

При просыпающемся вековечном солнце я вдумывался в сцену вопиющей несправедливости. От клуба остались две колонны и фундамент. В бывшем зале толпились, словно заколдованные зрители, сучкастые слабосильные берёзки. Меня не было десять лет, а ощущение говорило, что сто веков.

В тридцати метрах от развалин клуба стоит сейчас трёхэтажный замок с витиеватыми решётками на окнах и с забором величиной почти в кремлёвскую стену. Я так и не понял, что и зачем произошло: дворец для всех разрушен, а рядом построен дворец для одного! Я плюнул думать и полетел к родителям, вселившись в обычную глупую галку.

Спланировал на родительский балкон и сел на бельевые вешала. Сижку, кручу крохотной головкой. Вышла мама.

— Мразь поганая, вон пошла! — взвизгнула она и косо махнула рукой. Я не узнал её. Обвисшие щёки, сломанный корявый нос.

Я, обмерший, остался сидеть.

— Чёрт с тобой, птица, — через икоту сказала мама, — торчи здесь, а я отдыхать буду, — и улеглась на бетонный пол балкона.

— Ты где, сволота, спряталась? — донёсся из квартиры голос отца. — Найду — убью.

Я улетаю, крича в себя: «Дурацкое птичье сердце! Что ж ты не встаёшь!»

Неделю я жался по веткам деревьев и учился выговаривать слово «мама», оглашая окрестности дрянными криками.

Забывтая мною потребность в пище стала одолевать меня в первый же день птичьей жизни. Я дотерпел до третьего дня и на увядших крыльях отправился искать свалку.

На свалке у меня глаза разбежались от обилия иностранных обёрток. Я при жизни чуть душу дьяволу не продал за «сникерс», а тут — завалились. Я хотел обрадоваться, что стало лучше, но к бакам пришли люди с лицами, страшнее тех, которые я видел у зомби из американских фильмов. Мих, кто они, не знаешь?

— Бомжи, наверное, — не ломая голову, предположил я.

— Ну и жуть в вашем времени творится! — возмутился одиннадцатилетний мертвец.

Я бился шесть дней, учась речи. На седьмой день птичье горло проскрипело словом «мама».

Я вернулся на балкон родительской квартиры. Засел вечером, дождался ночи. Из квартиры шёл звук шевелений, отрывистая брань, нетрезвый плач. За полночь горел свет, гремели бутылки, опять ругались и плакали. Незаметно моё-чужое тело уснуло, и задремал рассудком я.

Хрипнула балконная дверь, я встрепенулся: воздух по-утреннему светлел. На балкон вышел отец. Иссохший. Лицо с кулачок. Покосился на меня, закуривая, и проговорил:

— Подымить хочешь, щегол?

Он подал мне раскуренную сигарету, и я довольно взял её в клюв.

— От щегол! — усмехнулся отец и протянул ко мне руки. Я не возмущился, дав ему взять себя.

— Дурак ты, щегол. Сейчас сверну тебе башку, чтобы ты среди ночи не курил тут...

Что случилось, Бог знает, но отец вдруг выбросил меня из рук, будто ожёгся. Я, побарахтавшись в воздухе, снова вернулся на вешала.

— Люб! Люба! — позвал он маму.

Мама выбежала заспанная, ей отец указал на меня:

— Смотри! Чертёнок крылатый! Нечистая сила!

Я смотрел на родителей и надувал грудь, чтобы внятно сказать слово.

— Да это Костя! — вскрикнула мама, опередив меня. — Костя к нам прилетел!

Я спрыгнул с места и быстрее пули помчался вниз. За полсекунды до столкновения с асфальтом я выпустил из груди слово. Прости, птица. Перья твои снежком опадали вокруг тебя, убитой мною.

Вернулся я на базу и смотрю, все на месте. Кто улетал — вернулись, а Гриша, Гога и Тарас так и не смогли подняться, держали их беременные животы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ИЗОЩРЕНЕЦ

Глава 1

— Я — Паша. Слушай мою историю, — предстал передо мной призрак без рук, хотя раньше я видел его с руками. — Я к тебе явился не по примеру Лёхи и Кости. Я чуда не жду. Любимых и ненавистных я уже повидал.

Имея крылья, доставшиеся от вселенсколюбящей Валерии, Паша Кузнецов преследовал меня на базе всюду, кроме освящённых помещений караула. Я бежал с провинившейся ротой восьмидесятой круг вокруг казармы, оставляя по себе в воздухе фантомы потного пара, а Паша легонько летел рядом и шептал мне на ухо.

Я поглощал в столовой суп, основные ингредиенты которого были вода и вулканическая температура, а Паша бубнил над душой, мало сочувствуя, что из-за него я отстаю от остальных бойцов, которые уже победно бьют ложками по пустеющим тарелкам, как мечами по щитам отступающего ливонца.

Я глубокомысленно засыпал после команды «Рота, отбой!», а Паша баял мне свой сказ, чуть не целуя меня призрачными губами.

Во внешности Паши сочетались невозможная красота и неотразимое уродство. Он выглядел ходячим иконописным героем, точно изпод кисти древнерусского богомаза. Вытянутое туловище. Длинная, изогнутая, как отдельное живое существо, шея. Непропорционально маленькая голова. Лицо его было иссечено рельефом не свойственных земному человеку линий.

Глава 2

— Я не успел дорасти до большого писателя. И всё же хлебнул несчастья. Дело в том, что я ни в какую не согласен был сочинять своего литературного героя. Я старался создать идеального персонажа из себя самого, а потом списывать с готового результата.

Несчастье моё выросло из убеждения, что идеальный герой должен быть идеальным. Возможно, беды бы не случилось, если б я за образец не взял американских суперменов.

Началось с реформы внешности и жестикуляции. На первый взгляд — пустяки. Безупречная причёска, ухоженная кожа и неряшливые, но подконтрольные движения.

Причёска требовала не забывать зеркальца и расчёски. Одежда обеспечивалась родителями, которые ездили в Турцию; у меня у первого в классе появились джинсы «Мальвины» и кожаная куртка от «Ле Монти». Удручали мелочные хлопоты: не стесняться носить в пасмурную погоду чёрные очки, в холод надевать перчатки с обрезанными пальцами, перевешивать с майки на майку значки с Рэмбо и Брюсом Ли.

Воистину предателем моим выступало моё лицо. Переходный возраст, бушующая эндокринная система. Прыщи. Я опустошал банками материны импортные крема.

Мишк, правда же, я вёл себя, как баба?

— Угу, — морщась, кивнул я (наш взвод маршировал на строевой подготовке, а в моём ботинке сбилась под пяткой взмокшая портянка; при каждом шаге в глазах у меня темнело, и в голове происходила круговерть).

— Я и поплатился за внимание к себе. Сошёл с ума.

Например, еду в автобусе. Входит и становится против меня девушка с внешностью первоклассной героини. Я в смятении. Как бы повёл себя мой идеальный герой? Хранил бы лицо непроницаемым или с загадочным значением приподнял одну бровь? Или улыбнулся бы краем губ, немо сообщая ей свою симпатию. Попутно с разными решениями я менял выражения лица, уже презирая незнакомку. На меня обращали внимание, но тут же пугливо отворачивались, если я, корча рожи, взглядывал на них.

С ума я сошёл в солнечное утро. Проснулся, взглянул на настенные часы и вяло подумал о том, что должен изображать главный герой, интересуясь временем. До обеда я перебирал в голове несколько вариантов: а) глядеть с лёгкой печалью; б) лукаво коситься; в) смотреть коротко и хлестко; г) рассеянно хлопать глазами. К вечеру я запутался и решил записать родившиеся варианты на бумагу. Получилось 32 пункта. Заснул я перед шестью часами утра. В семь проснулся бодрым и взведённым, услышав стук. Стук сердца. Оно, родное, требовало что-то вспомнить, важное, не законченное. Часы!

Две недели, ежечасно, ни на минуту не отвлекаясь, я решал проблему с часами. В раздумьях я несколько раз терялся в городе, путая автобусы, улицы, дороги. Спал по два часа в сутки или не спал совсем. Перестал на практике разбираться во времени. То есть если мне действительно требовалось узнать, который час и я взглядывал на циферблат, то мозг мой шипел и пенился, отчего приходилось долго кривляться и гримасничать, забыв, зачем вообще нужны людям эти устройства со стрелками.

Усилием воли я пытался пресечь помешательство, не думать о часах, понимая, что занимаюсь глупостью, но сердце стучало, как кулак, и требовало думать до конца.

Отстрадав две недели, я как-то утром открыл глаза, посмотрел на часы на стене и спокойно понял, что половина восьмого. Сердце безразлично молчало, мышцы лица не дрогнули. Но подозрительный холодок посасывал в груди... Я догадался: душа хочет нового мятежа.

В тот день я ел на обед грибной суп и сочинял в голове сцену разговора героя с героиней. «Я — людовед и моральный каннибал, — произносил герой, солидно чавкая. — Ты для меня вполне аппетитная».

Бум! Бум! Бум! Тревожный колокол забил в моей груди. Рот несовершенно! Рту требуется и жевать, и говорить, смеяться, улыбаться, скалиться. Природа должна была дать человеку минимум два рта! Я одноротый урод. Мой герой — урод. Мы все неполноценные примитивы. Жизнь бессмысленна!

Месяц размышлений о двух ртах. Голову до костного хруста сжимали ржавые обручи. Височные артерии трещали от напора крови. Лицо рвали судороги. Не с кем было посоветоваться. Люди вокруг жили в животном неведении о своём несовершенстве.

Разговаривая с кем-нибудь, я на 5% думал о смысле речи и на 95% — о движениях губ. Я строго, по эпизодам, чередовал произношение слов и мимику. Страшно вспомнить случай, когда я имел беседу с одноклассницей Любой Потаниной, высокой, красивой девушкой. Я перусердствовал: кривил и косил рот согласно стадиям эмоциональности речи, мял губы, намекая на их чувствительность, звучно жевал пахнущую дыней жвачку «Turbo» и туго улыбался. С бровей мне в глаза сбежали капельки нервного пота, и я спохватился: а как же содержание зрения?! Экстренно я взялся водить бровями и хитровато шуриться.

Люба стала пятиться от меня. Лицо моё содрогалось, словно обдаваемое электрическими разрядами. Переключив основное внимание на выразительность взгляда, я оставил без присмотра левый угол рта, и оттуда вылилась длинная слюна.

— Дурак! — мигая мультишными глазами, пискнула Люба и убежала.

Глава 3

— Мишк, ты не спи пока! — шепнул мне Паша после команды «Рота, отбой!». — Ты издевался над девчонками? Подвешивал их за ноги?

— Зачем? — шепнул я, приоткрыв пустеющие глаза.

— Бывают, Мишк, извращенцы, а я называл себя изошренцем. Большой обсессивным неврозом, ущербный, я придумал изошренство и нашёл в нём облегчение для себя.

Согласись, с идеальным героем у меня случился кризис, не потянул я идеального героя. В то же время идеальные героини представляли передо мной во плоти изо дня в день. Мне осталось одно: низвергать их.

Действовал я по неизменному и безотказному плану. Смело звал их в гости, обещая видеоманитофон и кассеты с эротикой и мультиками «Том и Джерри».

В богатом родительском доме я их перво-наперво экзаменовал: показывал килограммовую стопу тетрадей с романом и тремя повестями и ненавязчиво спрашивал: «Не хочешь почитать? Я написал». Получая оско-

минный ответ, что да ну, включай лучше видак, я приступал к изошренству. Сразу, скажу тебе, что безобразил я не в одиночку. Мне служил верный помощник, Олег Остаткин, подлейший очаровашка. Тридцатилетний жулик, выдававший себя в компаниях за пятнадцатилетнего, занимавший в долг деньги, бравший «на вечер, завтра принесу» куртки, штаны, кроссовки, наручные часы, одеколаны... Не отнять у него было отчаянного оптимизма, младенческой улыбки и роста 1 м 55 см.

Наблюдая вольготно рассеившуюся на кожаном диване Свету, Лену, Олю, Марину или любую другую, я неохотным движением открывал бар в шкафу и вынимал бутылку молочного, вишнёвого или мандаринового ликёра. Включал на магнитофоне «Филипс» кассету с Крисом Дебургом, приносил с кухни блоки импортных шоколадок.

Девушка, та или иная, торжествующе подрагивала, в ушах её мерцали золотом пластмассовые клипсы. Олег Остаткин во время моих приготовлений расслаблял гостью шутками, изжёванными, наверное, ещё пещерными людьми.

— Девушки-голубушки, у вас четыре губушки! Давайте поговорим о любви! Вы любите пельмени?!

Ахово импозантный, в великоватом, с чужого плеча, белом костюме, Олег заливался над собственными нечистоплотными шутками до того заразительно, что вместе с ним запросто заржали бы кони на Малом театре. Держа пятую рюмку ликёра, девушка закидывала ногу на ногу, поблёскивавшие педикюром, томно прикрывала веками пьянеющие глаза и делала голос мяукающим.

Олег получал неподдельное удовольствие, а я, глядя на развращаемую русалку, осознавал своё несоответствие ей и со стыдом вспоминал, что кусал подушки от любви к Алисе из фильма «Гостья из будущего» и к Маше из «Петрова и Васечкина».

Подвешивание было моим любимым изошренством. Не манерничая, я укладывал жертву на пол в прихожей, надевал ей на ноги канатную петлю, перекидывал канат через перекладину для подтягиваний и тянул. Конец каната завязывал на дверной ручке кладовки. Жертвы не протестовали. Напротив, они одобрительно улыбались, наверное, полагая, что я посвящаю их в модный среди богатых способ любви. Кажется Кристину, да, Кристину, я даже предварительно спросил, подвесить ли её за ноги. Она, тихонько царапнув ноготком по моему носу, ответила: «Делай со мной, что хочешь, бэби».

Подвесив жертву, я облегчённо вздыхал. Голова моя освобождалась от невроза, на время я переставал думать о том, сколько раз в минуту моргать, 15, 20, или глупо не считать морганий. Я садился в комнате и заводил с Олегом медленную беседу о «Мастере и Маргарите», моей любимой книжке.

Периодически я отвлекался от беседы и шёл якобы за чем-нибудь на кухню через прихожую. Если у жертвы ещё не затекли лодыжки и не начало мутить, она ловила момент и напряжённо строила мне глазки, а при очередном моём удалении плаксиво дула губки. Олег пучил рот и выбегал хохотать в другую комнату.

Сообразив, что ни экзотической любви, ни даже изнасилования не будет, жертва начинала бунтовать, извиваться и голосить: «Педики! Импотенты!»

Я приседал на корточки и шептал: «Смотри, как есть плохо на самом деле. У тебя, как у средневековой ведьмы, зрение кверху ногами».

Безобразно я поступил с Викой. Она верила в силу макияжа. Не меньше миллиметра наносила на губы помаду. Румяна она тратила, не задумываясь об их экономии. Глаза чертила под манер Клеопатры, от висков до переносицы. Через граммы грима едва проглядывали нежные котёночьи глаза, торчал вздёрнутый лисий носик.

Придя ко мне в гости, она, увидев чепуховую роскошь, накопленную моей матерью, заурчала, как тигрёнок перед куском пахучего мяса. Я выставил на стол бутылку шампанского, бутылку красного вина и несколько жестяных банок пива «Bavaria».

Вика без малейшего уважения к напиткам, чередовала через глоток шампанское с пивом. Олег увивался перед ней козлоногим сатиром, скалился и сыпал шутками, за которые в серьёзные времена его сожгли бы на костре. Она не усмотрела подлой козни Олега, получив из его рук бокал с мерзкой смесью шампанского, вина и пива.

— Пей, Виктория! — провозгласил он. — Этот коктейль пьют за границей везде! На всех материках, на всём земном шаре! Обезьяны, крокодилы! Попугаи, кашалоты!

Вика сделала три осторожных глотка, судорожно дёрнула головой и высказала:

— Божественно! Паша, сделай меня женщиной! Светской женщиной!

— Очень просто! — пообещал я и глазами указал Олегу на трельяж с материнной косметикой.

Олег понимал меня без слов. Через минуту, нависая над Викторией, он восклицал:

— О макияже я знаю больше, чем надо! Меня приглашают в Америку!

Из Вики получился клоун. Рот до ушей. Целая, до дна, банка румян на щеках. Кончик носа в красной помаде.

Втроём, великосветским львиным прайдом, мы до полуночи танцевали под Майкла Джексона. Олег, глядя на Вика, падал от хохота на пол или вскакивал на стул и, топая ногами, хохотал сверху.

— Где у тебя родичи? — кричала мне Вика, танцуя с бокалом в руке.

— В Турции! — кричал я, нехотя притопывая под музыку ногой.

— Потрясно! — поражалась Вика и снова вздрагивала от коктейля, на шее у неё выступали жилы.

Допив же сильным глотком бокал, Вика скривилась лицом, выставила не по-светски язык, затем прямо-таки опала на ковёр и уснула.

Глава 4

— Мишк! — появился Паша ранним утром. — С Натальей и Катей я перегнул палку.

Паша отвлек меня от философской работы. Я мёл плац. Под шорох хромой метлы в моей голове включались конфиденциальные мысли. Я вспоминал кроваво-бардовый бархат на столе президиума и ораторскую трибуну. За час до поезда я, призывник, пробрался втихую от милиции в актальный зал железнодорожного вокзала, притиснул любимую к трибуне и устроил грешный митинг.

Паша рассказывал:

— Наталью я впервые увидел в свои тринадцать лет. Встретилась на улице девушка старше меня года на четыре или пять. Вела на поводке колли. Короткая майка, голый с пупком животик. Босоножки, рядки пальчиков с бриллиантовыми ноготками. Голову она держала с лебединой гордостью. Космически чёрные волосы обливали её плечи. Лицо от избытка красоты было нечеловеческим. Острый, как лезвие ножа, нос шёл сразу ото лба. Обширные глаза располагались на лице по диагонали в немыслимом раскосе. Губы набухали изнутри жаром адовым.

Тринадцатилетний, я побоялся к ней подходить, но в следующие семь месяцев я написал роман на 389 страницах, героине которого дал её внешность. Я думаю, что до сих пор никто из писателей не написал ничего подобного. По сюжету романа райская душа помогает сбежать из ада трём грешникам. Затем рождаются и живут весёлой дружбой трое парней, а один из них нежно любит девушку с космически чёрными волосами. Является ему чёрт и объясняет, что в нём прячется душа райского преступника, а в его друзьях и подружке — те грешники. Чёрт передаёт ему волю высшего мира — вернуть беглецов назад. Казнить их. Я обрэк своего героя на исполнение приговора, и для понимания страданий невинного убийцы я сам прибегнул к убийству невинных.

У нас жили Тишка, Васька и Лизка, коты и кошка, и Лапка, собака. Я забросал их в капроновый мешок и стал прыгать на нём. Поднявшийся из-под моих ног рёв по силе сравнялся бы с тигриным. В мешке хрустело живыми косточками. Через несколько секунд казни я упал лицом в пол. Позади меня, надо мной, по мне разносилось задумчиво-мучительное урчание, сменившее сокрушительные крики. И из чьего-то одного кошачьего горла испускался стон, отстранённый, ни к чему, и ни к кому, и ни зачем. Сердце моё стучало по полу, и, может быть, соседи снизу слышали его. Но нужно было подниматься и заканчивать. Это казалось однозначным концом света и концу Бога. Я подчинился неотвратимому. С чёрными слезами в глазах продолжил прыгать. Почему я не поседел, не знаю.

Услышав молчание в мешке, я остановился. Развязал мешок и увидел, что Тишка ещё живой. Он смотрел в меня глазами, понимающими больше, чем суждено понимать животному. Я увидел в них скорбь за себя и за меня, за Ваську, Лизку, Лапку, с которыми он играл и мыл их красным языком.

— Тишк! Друг ты мой! Всё уж, надо заканчивать! — сказал я ему и взялся душить.

Несмотря на продавленные рёбра и лопнувший живот, он боролся, полосовал мои руки когтями. Я, не чувствуя боли, сжимал пальцами пушистую шейку.

Умирая, Тишка издал леденящий стон, щёлкнул зубами, и оскаленные его дёсны посинели, глаза заплыли безразличной голубизной.

Я нёс их хоронить в том же мешке. Он быстро нагревался от исходящего, накопленного за жизнь тепла. Закопав их, я дал обещание, что, попав рано или поздно на тот свет, я буду дружить только с Васькой, Лизкой, Тишкой и Лапкой. Как ты знаешь, я не могу следовать своему обещанию.

Я верил, что за роман меня поднимут на руки, объявят юным гением. Получилось, что я, недавно отпраздновавший четырёхдесятителетие,

с тяжестью тетрадей под мышкой, оказался гонимым изо всех редакций.

— Ты кто? Тебе сколько лет? Откуда ты знаешь, что писать? Что и кому ты своей наглостью хочешь показать?

Никто из редакторов так ни строчки моего романа и не прочитал.

— Ладно, давай посмотрю, что ты накарябал. Через месяц приходи, числа восьмого.

Я приходил восьмого.

— Смерти моей добиваешься? У меня кроме тебя работы по самое не хочу. Конечно, ещё не читал я! Приходи через месяц. Или нет. Через два. У меня отпуск будет, прочитаю.

День в день через два месяца я приходил.

— Слушаю внимательно, молодой человек, — поднимал печальные глаза редактор; у него на столе вертелся вентилятор, а за окном свирепствовал февраль.

— Я роман приносил... — чистосердечно признавался я.

— А, писатель! Не забываю тебя, дружище! — громко приветствовал меня редактор, не беспокоясь, что посетитель (в данном случае я) учует алкогольный выхлоп.

— Вы читали? — спрашивал я, видя в вентиляторе отличную солдатскую смекалку редактора.

— Я? Твой роман? Смеёшься надо мной? Мне сорок лет, так я романы не пишу! Ты поживи! Поживи и приходи! Буду ждать тебя. А пока попридержи такие выходки. Роман придумал!

Второй и решающий раз я встретил Наталью спустя пять лет на том же месте, на том же метре дорожки в парке рядом со стадионом «Шинник» в моём родном Ярославле. Я шёл, застёгнутый до подбородка в спортивную олимпийку, тем самым пряча багровый стронгуляционный шрам от петли. Неделю назад я вешался, доведённый болезнью.

Приладил к трубе в ванной ремень и повис на нём. Я предполагал тихий, сладкий конец. Зрение ушло в темноту, лицо раздулось от крови, сознание скоротечно меркло. Но наступила агония. В глазах просветлело, и зашипела ослепительная рябь, как в неисправном телевизоре. Биологический, высвободившийся из древних цепочек ДНК страх заставил мои руки и ноги спасти тело от смерти. Я очнулся вцепившимся по-обезьяньи в изгибы труб. Два дня после этого я не выговаривал букву «р».

Я бывал в поликлинике и психоневрологическом диспансере, рассказывал о болезни, но мне не верили, видимо, считая, что я избавляюсь от армии. Да и немудрено. Врачу в поликлинике я сказал: «Я не сплю уже полгода. Из-за разного. Например, сейчас, я знаю, что биомеханика человека неправильная. У него не должно быть ни рук, ни ног. Он не должен никак двигаться, или — позор ему. Мне это хорошо известно, и поэтому, когда я дома один, то не хожу. Лежу и стыжусь. Посмотрите на себя, вы тоже гад какой-то».

Я догнал её и не здороваясь сказал:

— У меня есть роман про вас.

Она повернула ко мне египетское лицо и жёстко спросила:

— Что ещё у тебя написано?

— Четыре повести, а сколько рассказов — не считал.

— Приходи ко мне и приноси их с собой.

Она возвышалась над землёй на острых копьях-шпильках и омрачала денной воздух зыбким грачиным плащом. Ты, Мишк, отважился бы подойти к такой?

Вечером я пришёл к ней с пятью розами и сумкой рукописей. Квартира её не шла в сравнение с моей. Сказать хотя бы о тигриной шкуре на полу, головах крокодила и акулы на стенах, целиковых лангустах и черепахах.

— У меня папа занимается экзотической охотой, — прокомментировала она интерьер дома. — Сейчас он в Африке, убивает слона. И мама постоянно путешествует. Во Францию, в Германию. Мои две бабушки живут в Израиле. Лучшая подруга — в Нью-Йорке. Два друга, первый и последний, оба в Австралии, вместе живут. Гомосексуалисты, через меня познакомились. Я одна пока осталась здесь среди вас, бандитов и неудачников.

Она плавала передо мной в чёрном шёлковом халате, босая. Мои цветы наглядно швырнула мимо стола. Они, несчастные, попадали на пол, растеряв по несколько листочков.

Замотанный в дурацкий шарф, я сел в красное кожаное кресло. Она подкатила низкий, в восточных бестолковых узорах столик. Выставила на него бутылку иноземного коньяка и два пузатых объёмных бокала, размером с аквариумы.

— Наливай больше, — сказала она.

Я налил. Она подняла за низ свой бокал и, не чокаясь со мной, большими мужскими глотками выпила его до дна.

— Хочется? Да, писатель? — тяжело задышав, спросила она.

Я растерялся. И из головы моей вылетело, что я изошренец.

— Вот я принёс на первое время роман и две повести, — заговорил я о своём, покосившись на сумку с рукописями, которая горестно прислонилась к дверному косяку.

— Не ври мне, мерзавец! Не строй из себя! Ты хочешь зваться писателем, чтоб девки падали на тебя, как снег.

— Ты почитай сначала, дура! — принял я дружественную ноту разговора.

— Прочитаю. Не хвались.

Через ручку кресла она налегла на меня своими чёрными одеждами. Её язык принялся буравить моё ухо, словно пытаюсь добраться до головного мозга. Я невольно вздохнул от дикого, звериного удовольствия.

Она спустилась к моей шее, сняла шарф, задержалась пьяным взглядом на шраме и с вампирской жадностью впила в мою шею губами. Дрожащим голосом я произнёс:

— Засосы делают имеющие жажду до человеческой крови, потому что из кожи действительно можно вытянуть кровяную каплю.

Заражённый её прикосновениями, дыханием и слюной, я попытался распахнуть на ней халат.

— Нет, не так! — отвела она мои руки и, съехав по мне на пол, потянулась лицом ко мне между ног.

На меня накатила зелёная грустная волна. Разом отрезвев от коньяка и роскоши, я затосковал о том, чьего духа не чувствовалось в этой крокодило-акульей квартире. О любви.

Я ладонями поднял её лицо и сказал: «Успокойся». Она секунду изучала мои глаза, потом поднялась на ноги и с внезапностью, на которую

способны только кошки, вспорола ногтями мою щёку. Я хотел вскочить, но ошеломительная пощёчина снова опрокинула меня в кресло.

Не дав мне проморгаться от невольных слёз, она опустила на мою голову бутылку с недопитым коньяком. Тяжёлое стекло не разбилось, но голова моя покатила на пол, орошая мягкий турецкий ковёр свинцово-горячими брызгами. Отдышавшись и протерев глаза от крови, я обнаружил себя лежащим на лопатках, а на моей груди стояла её босая нога. Над моим лицом маячил клинок старинной шпаги с позолотой на рукояти.

Так завязалось моё с Натальей членовредительское знакомство.

С гудящей головой я вернулся домой и не вспомнил, что наметил вечером выстрелить в себя из отцовского ружья 12-го калибра. Но я заметил, что за время встречи с Натальей я не думал о положении рук, ног, губ. Преступный характер Натальи был настолько непосредственным, максимальным, что, присутствуя рядом с ней, невозможно было прятаться ни за какие маски. Так что даже моя психическая болезнь не смела заявить о себе.

— Приходи теперь ты ко мне, — сказал я ей по телефону спустя два дня.

— Я думала, ты быстрее объявишься, — нежно пропела она в трубку, словно недавно и не убивала меня.

Она вступила в мою квартиру с каменным спокойствием на лице и, шествуя по прихожей, распинала в стороны розы, выложенные на её пути. В большой комнате она первым делом подошла к столу, где я приготовил бутылку французского коньяка «Кондор» и два широких просторных стакана. Она плеснула в один стакан и выпила. Затем в тот же стакан плеснула ещё и снова опрокинула в себя. Подошла ко мне. Прильнула губами к моим губам и бурной струёй пустила мне в рот порцию «Кондора».

Не рассоединяя мокрых губ, мы упали на диван. Минута. Минута. Полчаса. Я раздет до плавок, она — до чёрных трусиков.

— Жарче тебя я ещё не встречала, — шепнула она.

Я протянул руки, чтобы пустить их ей под трусики на ягодицы, но от этого моего покушения она содрогнулась, будто ладони мои были двумя раскалёнными утюгами. Она немедленно перевернулась на спину и на лице её показались живой испуг и живой стыд. Прижимаясь спиной к дивану и не отрывая зада, она сняла с себя трусики.

— Подожди, моя героиня, — сказал я ей, лежащей наготове.

Встал с дивана и, воздев по-римски руку, объявил:

— Купидон! Снизойди на неё!

Распахнулась дверь шифоньера, и выбежал Олег Остаткин, измазанный с головы до ног растительным маслом и облепленный клочками туалетной бумаги. На пальцах его рук болтались презервативы, изображающие шупальца марсианина. Разрывая воздух хохотом, он запрыгнул на Наталью и стал елозить по ней, как пёс по тухлятине.

Я, чтоб не убавилось у Олега настроения, не предупредил его о буйном нраве Натальи. Я вполне ожидал, что за веселье он может поплатиться здоровьем. Однако, к удивлению моему, Наталья вместо борьбы предприняла лишь извивания под Олегом, явно боясь перевернуться вверх спиной.

Вдруг она разразилась младенческим плачем, и Олег как ошпаренный соскочил с неё. Выдавая залпы плача, один несчастнее другого, примыкая спиной к предметам и стенам, она оделась и убежала из квартиры.

— Алло! Паша, это ты? Я купила новую люстру. Приходи смотреть, — услышал я спустя неделю её нежный голос.

— Хорошо, приду, — в свою очередь и я ни звуком не помянул «глаз вон» старое.

Поднимаясь по лестнице её подъезда, я чувствовал над собой приговор. Впрочем, ступал я твёрдо, заранее простив Наталье возможные жестокости за тот её плач.

Она встретила меня в прихожей с двумя стаканами шотландского виски. Я не привираю, она боготворила алкоголь. С её приглашения я сел за стол на кухне. Кстати, в доме душно пахло бензином.

— Я прочитала твои рукописи, — сказала она, сама не садясь.

— Что думаешь? — спросил я, замерев.

Она поставила на стол кастрюлю, сняла с неё крышку, а внутри были замаринованы в бензине тетради с моими рукописями. Я ещё зачарованно смотрел в кастрюлю, а Наталья уже чиркнула спичкой. Пламя ударило в потолок, и я едва успел убрать лицо.

Я дальше плохо помню. Сую руки в огонь, Наталья хватает меня за них и их целует, кричит:

— Тише, милый тише! Я пошутила, я всё перепечатала. Не бойся.

Оказалось, что в прошедшую неделю по её заказу несколько машинисток перепечатали мои повести и роман.

Она отвела меня к расстеленной постели, уронила меня на простынь и, шепча, что я золотой талант, снова напала на моё ухо, на шею, заскользила по расхристанной груди. Достигнув моих белых штанов, она порвала на них ширинку и углубилась туда лицом. Меня выгнуло дугой, я заорал:

— Это же любовь насиловать!

Она подняла мутные, окосевшие глаза.

— Что же тебе нужно? — сипло спросила она.

— Любовь, которую можно бы было описывать в книгах.

— Вставай, — проговорила она.

Я поднялся, отвернулся от неё, чтобы осмотреть ширинку, а когда оглянулся сказать, что ухожу, увидел близкий молоток и поплыл в сторону. Щёку мою забрызгало кровью, и над левым глазом, мешая обзору, повисла бровь. Далее она страстно сокрушала меня молотком по плечам и бёдрам.

Шестеро суток я не мог уйти от неё. С окаменелыми перебитыми мышцами передвигался по её квартире со скоростью полуденной тени. Наталья ухаживала за мной, лечила меня, кормила, поила винами и, напиваясь сама, царапалась и кусалась.

За эти «семейные» дни мы с ней помногу беседовали и спорили о литературе. Она перечитала всего Бальзака, а я не осилил из него и страницы, приходя в уныние перед весом брутто его книг. Зато она надменно отводила диагональные глаза, если я начинал перечислять перечитанных мною современных Распутина, Есина, того же Астафьева. Узнав от меня, что они пишут про нашу жизнь, Наталья засмеялась:

— Скоро эта страна никому и нужна-то не будет. Зачем про неё писать и читать?

В чём мы и находили общее, так это в безоглядной, даже остервенелой, любви к Булгакову, к «Мастеру и Маргарите». Иногда беседовали мы с ней о мечтах. Наталья рассказала мне, что мечтает о заграничном доме с оригиналами Дали и Моне на стенах и подлинной греческой скульптурой на террасе. Я не одобрил её мечту и назло предложил ей

кунст-камеру в обеденном зале и египетскую мумию в спальне. Не приняв шутки, Наталья бросила в меня стулом.

Глава 5

— Сказать тебе, Мишк, что она прятала сзади?

Она пришла ко мне уже хмельная. Обошла квартиру, открывая дверцы шкафов и заглядывая под кровати. Искала купидона. Но на балкон выглянуть не догадалась.

Выпили с ней бутылку коньяка. Она успокоилась, поглупела. Встала передо мной, касаясь меня твёрдыми грудями и обдавая едким винным дыханием.

— Я хочу, — шепнула она.

— Пойдём, — кивнул я ей, — но сделай мне так, как хотела.

— Как? — притворилась она.

— Губами, — выдал я, трезвея от позорных слов. — Но ты будешь висеть вниз головой.

Наталья подозрительно сощурилась, видимо, соображая, чем чревата моё изошрённое условие, но тут же и спохватилась, что прогадывает случай, и согласно поцеловала меня в губы.

Я подвесил её и позвал с балкона Олега:

— Фемида!

Олег прибежал обёрнутый через плечо в простыню, будто в римской тоге, и с кривой чёрной повязкой на глазах. Под повязкой едва не рвалась до ушей хищная улыбка, в руке Олег держал безмен.

— Обманул! — ахнула Наталья, её волосы касались пола.

— Фемида! — с лёгким поклоном обратился я к Олегу. — Перед тобой злодейка-прелюбодейка. Велишь ли ты оголить её подлую тайну?

— Да-а-а! — подпрыгнул Олег.

Наталья, попробовав сопротивляться, скоро устала. Я сбросил с неё свитер, бюстгальтер оставил, расстегнул ремешок на джинсах, и она взывала голосом, от которого у Олега спала с лица улыбка. У неё был хвост. Величиной с палец. Помнишь, Мишк, в учебнике для девятого класса по биологии картинки с атавизмами? Помнишь, там люди с заросшими лицами, с несколькими парами сосков и мальчик с хвостиком? Вот и у Натальи был атавизм в виде хвоста. Кроме того, вокруг него по ягодицам росли чёрные густые волосы. Прыгающими пальцами я неосторожно отвязал канат, и Наталья с шумом приземлилась на пол. На четвереньках она поползла к двери, пронизывая наши барабанные перепонки детским плачем.

Глава 6

Через месяц я взял трубку звонко зовущего телефона.

— Пашенька, здравствуй! Приходи. Я новый коврик себе в комнату купила.

— Да я и люстру-то в прошлый раз не рассмотрел.

— Ну ты придёшь?

— Приду.

Она всадила мне в живот нож, лишь поцеловав меня в дверях. К счастью, сделала это неумело. Лезвие вошло в полость живота наи-

скось, не повредив внутренностей. Свернувшись на полу, я сделал Наталье предложение.

Родителям моим был бы повод потратиться на родное дитяtko, на меня. Новость о моём желании жениться они приняли с боевым воодушевлением. К тому же представлялся лучший способ хвастануть деньгами перед друзьями-коммерсантами и перед городом. Родители Натальи были значительно богаче моих, но единственное, на что они раскошелились, это на свадебное платье. Дали дочери в долг.

За годы чёрного караула я постоянно вспоминал Наталью. Мы были с ней людьми вне любви. Она перепутала любовь с чем-то сугубо телесным, вроде пищеварения, а я, благополучный мечтатель, вообще отказался от образа и подобия человеческого и пробежал мимо любви в выдуманное изощренство. Я и Наталья казнили в каждую нашу встречу не друг друга, а любовь, которой были оба недостойны.

Свадьба наша сотрясала стены старинного храма. С советского времени в нём размещался художественно-исторический музей, а родители мои сняли храм под торжество. Хохотали и пели всевозможные начальники, коммерсанты, депутаты и богатыри-рэкетеры, а на арочных сводах, стенах и колоннах грустили голубовато-алые фрески святых. Плясали среди дворцовой мебели, фарфора и серебра, картин Верещагина, Ге, Шишкина. В голове моей вертелась мясорубка. В памяти откладывался фарш. Сбитый с рояля чьим-то локтем бронзовый канделябр был перемолот с чучелом громадного волка, у которого из пасти торчала пустая бутылка из-под шампанского. Блестящие глаза Натальи смешались с масляной пятернёй на лице Сергия Родонежского.

Свидетеля Олега Остаткина распирало от важности. Он ел из деревянной плошки, которую взял в выставочном уголке, изображавшем быт старинный русской избы, а под ноги себе Олег бросил чучело зайца-русака.

Свидетельница Катя не поднимала головы и не откликалась на призывы тамады веселить гостей. С двухсантиметровых её ресниц час за часом падали слезинки. Она не всхлипывала, не вздрагивала и не поднимала руки, чтобы утереть лицо. Неправильно, но — да, свидетельница тоже была с моей стороны. К Наталье пришла только Ева Гутман, негодная к праздникам косая, хромя девушка-поэтесса. Она время от времени без подсказок тамады поднималась и читала свои маниакальные стихи про «злые поцелуи» и про то, что она «подбитая газель ради любви поджигает постель». Мне мерещилось, что во время её чтения взлетают со столов штопоры, ввинчиваются в грудные клетки гостей и выдирают сердца. Очарованный замирал даже рэкетир Паровоз, не знавший жалости к врагам и друзьям.

На брачную ночь мы пошли ко мне. Наталья тяжело дышала, словно армейским штыком раненная в оба лёгкие. Мы посидели на краешке дивана, тихо разговаривая о празднике. Наталье понравились и стол и гости. Она спросила, все ли придут завтра на второй день. Я пожал плечами и ответил:

— Гости-то, может быть, все придут. А мне через полчаса — в военкомат. Ухожу в армию.

Наталья провела себе ладонью по лбу и, спуская руку по щеке, пропорола малиновыми ногтями кожу.

— Уходи, — произнесла она. — Убью тебя, клянусь. Загрызу. Меня стойко ждали у подъезда Катя и охранявший её Олег, спящий на лавочке.

Перед посадкой на поезд я спросил Катю:

— Я как мог сделал тебе плохо. Ты и теперь меня согласна любить? И ждать будешь?

— Да, — ответила она, а в слезах на её ресницах уже брезжило утро.

— Я, Мишк, тебе ещё не рассказывал о Кате? В следующий раз жди, расскажу.

Глава 7

Паша явился во время построения роты на обед. Мы, не огорчаясь, зябли на апрельском ветерке, дожидаясь, когда ротный досмотрит кино. Я вспоминал, как так же мы стояли в кительках в феврале, оплёванные и великие, раздавленные и бессмертные, душами перекрестившие всю Россию, от Москвы до Башкирии, от Петербурга до Новосибирска, от Владимира до неба.

— Катю я нашёл на улице, как находят котят. Под дрянным дождиком сидела на лавочке девочка, боязливо курила сигарету и без увлечения отхлёбывала из бутылки пиво. Скрестила под лавочкой тоненькие ножки и стеснялась себя, курящей и пьющей пиво. С первого взгляда было понятно, что она неумело грустит о любви.

Недалеко работал цветочный киоск, и я притащил в обеих руках розы, гвоздики и тюльпаны и свалил их в лужу под ноги девочки. Не знакомясь с ней, я взял её за руку, и она покорно пошла. С балкона из родительских запасов я взял пять бутылок шампанского, несколько стеклянных баночек с красной икрой и три баночки с чёрной. Родители закупали продукты со складов и держали их ящиками на балконе.

Девочка грелась в ванной. Я ввергся к ней и, громыхая пробками, стал выливать шипящее шампанское в воду.

— Нравится? — спросил её.

Вжимаясь в дно, выставив из воды только бледное, никак не расправляющееся личико, она робко моргнула в согласие.

Катя (её так звали) обладала впавшими в бледные круги, но большими, как у совёнка, глазами и необычайно длинными ресницами. И у неё смешно торчали крупные тонкие уши.

За шампанским я вывалил ей на живот красную и чёрную икру. Потом — банку бразильского кофе. Домывалась Катя в море изобилия, в месиве из шампанского, икры, кофе, какао и земли из цветочного горшка (напоследок мне пришла мысль о грязевой ванне).

После бани я поил Катю водкой «Smirnoff». Она принимала рюмки с рабской покорностью, а я отдыхал своим мерзким сердцем, не вспоминая невроз. Унижая красоту, я мог не беспокоиться о своей безупречности.

Я ждал, когда водка лишит её стыда и осторожности, но Катя не отставала от меня ни на каплю и по-прежнему сутуло жалась на стуле и подрагивала ресницами.

Отлучившись на минуту к зазвеневшему телефону (как раз Наталья звала смотреть люстру), я вернулся к неожиданной ситуации. Катя

лежала под столом и не походила на живую. Из рта у неё расплескалась пена. По-всему, наступило алкогольное отравление.

Она не дышала, пульс не прощупывался. Мишк! Ты своим будущим детям скажи: не будете учить в школе ОБЖ, позову пугать вас Пашку — привидение из Огнегорска!

Я скрёб себе до крови голову, вспоминая правила оказания первой помощи, а на ум лезли противогазы и зоны поражения при ядерном взрыве. Пришлось наугад, без счёта, толкать её в грудь и сколько хватало сил вдвухать ей в лёгкие через рот воздух. По-моему, миновали эпохи, сменилось несколько галактик, пока она не хрипнула. Ещё час я вливал в неё стаканами воду, а потом укладывал животом себе на колено и сжимал ей под рёбрами.

Бессильную, лёгкую, дышащую пьяными парами, я отнёс Катю к себе на кровать, а сам уснул в ногах поверх одеяла.

Катя потом не читала ни одной строчки из моих творений. Она часами находилась при мне, смотрела на меня и одному этому была рада. Без устали она наводила порядок: протирала пыль на моём столе и полках, мыла мои ботинки, стирала и гладила мою одежду.

«Идиотка! — думал я. — Не хочешь ли ты влюбиться в меня, в животное, у которого нет даже второго рта? Ты хуже тех, которые хотели бы добраться через меня к богатству моих родителей. Ты хуже Натали. Ты дура! Хочешь полюбить всё моё несовершенство».

Я изощурялся над Катей, как ни над кем больше. Она висела у меня вниз головой, пока я ходил выгуливать собаку Лорда. По возвращении мне требовалось вспоминать, какая нужна помощь, чтобы предотвратить омертвление тканей. Ступня правой ноги у Кати потеряла всякую чувствительность. Я растирал, мня, кусал её ступню, целовал, плевал и лил на неё слезами.

В другой раз, обкурив Катю гашишем, швырял её по улице, чтоб она падала в лужи, волоком тащил её по грязной жиже и, приведя к себе домой, уложил в чистую постель. Утром она отмывалась, стиралась и плакала на ходу. Я спросил её тогда:

— Чего ты от меня ждёшь? Зачем терпишь?

Она ответила:

— Замуж выйти.

— Я ж тебя вообще со света сживу.

— Нет, — разумно возразила она, — ты всё придумал про себя. Ты очень добрый и из-за этого выставляешься злым.

— Будет тебе свадьба, — пообещал я.

Про эту свадьбу я тебе, Мишк, уже рассказывал.

Только однажды она показала ярость. Я задействовал к розыгрышу непременно Олега. Мы стали поглаживать её, пощипывать, будто намекали о любви на троих. Она, не раздумывая долго, бросилась душисть Олега. Мне потребовалось вывернуть ей до боли ухо, чтобы она опомнилась и пощадила шутника.

Глава 8

— Я, Мишк, выздоровел в первый час армейской службы, — навис Паша над моим двигающимся от работы желваков ухом. — Ты слушаешь?

Он сбил меня с мыслей о пищеварении. Я пришёл к выводу, что в солдатском желудке ежедневно происходит ядерная реакция, в результате которой пища расщепляется до атомов и изотопов. Иначе не объяснить, откуда солдат берёт миллионы килоджоулей энергии на строительство восьмых и восемьдесят восьмых чудес света в виде снежных кубов Кааба или угольных пирамид.

— Храни Бог армию! — говорю, Мишк, я, хотя не мне ли быть озлобленным. Мой абсолютный плюшевый герой сбежал из меня уже тогда, когда я обломал ногти о пуговицы полученной формы.

Заскучал я, представляешь, о покорной и любящей меня девочке Кате. Завыл я в своё пустое сердце беспородным псом. Захотелось схватить девочку Катю и спрятать её от таких, каким был я или ещё хуже.

Я начал писать Кате через день, а то и каждый день. Я уверенно объяснял ей, что выздоровел, не мню себя никаким героем или Генрихом восьмым, губившим жён, и жду, когда создам с ней семью.

Я и вправду изменился очень. Почувствовал себя мужчиной, обычным, простым, готовым без гримас и жестов непотопяемо идти по свирепой жизни, как ледокол «Ленин». Кстати, писательство я бросать не собирался, а, наоборот, думал после армии засесть за гимны о парнях, служивших со мной.

На базу я попал от радости. В декабре 1992-го в дивизии мне вступило в голову урвать свободы поведения до краёв. На одной вечерней прогулке я вызвался быть запевалой и песню «По крутому берегу вдоль села» я спародировал под манер «AC/DC», а когда по требованию замполита я начал её заново, то выдал пение голосом Джо Кокера. Конечно, дурная и дешёвая затея, и я справедливо поехал на базу.

Глава 9

— Мишк, куришь?

— Ага, — ответил я глухо через выпущенный дым, чтобы не слышал Илюха, мой земляк, с которым я после каждого караула курил на прудике за котельной.

Здесь на прудике мне было хорошо, даже не хотелось уходить. С прудика (и больше ниоткуда на базе) было видно небо, уходящее далеко за забор. В той стороне болото совсем не позволяло расти деревьям, а те берёзки, что отражались тянуться станами выше кустов, заболели и, ломаясь в животах, падали. Мы с Илюхой обычно молчали, охваченные любовью к небу и презрением к траве под нашими ногами, обречённой расти на базе всегда.

— Слушай. Прилетел я в Ярославль. Женя и Лёха помогли найти Наталью, а про Катю сказали, что нигде её не видно. Под лестницей в здании железнодорожного вокзала сидела на подоконнике женщина. Рядом с ней маленький магнитофон играл какую-то чушь про девушку Прасковью. Два милиционера возвышались над женщиной, один показывал ей рукой на выход, оба же они виновато улыбались. Она задирала белую кофту и демонстрировала грузные груди. К сожалению, это была Наталья. Только стала тяжелее, лицо опало, хотя одежда на ней была чистой. После милиционеров, которые повинения от Натальи не добились, к ней подошёл я.

— О! Опять ты! — крикнула она. — Хоть один день дай мне без тебя побыть!

— Наташ, ты правда узнала меня?

— Ты, Паш, с ума, наверное, сошёл. Как я тебя, своего сутенёра, не узнаю? Не парь мне мозги! Но знай, теперь у меня будет другой! Это вчерашний клиент. Я ухожу от тебя. Он сейчас заедет за мной на «ферари». Пойдём, подождёшь его вместе со мной.

Она взяла гавкающий магнитофон и, цокая каблуками белых сапог, направилась к выходу из вокзала. Сойдя со ступенек центрального входа, она прошествовала к проезжей части и посередине дороги стянула до сапог джинсы, села на корточки, и из-под неё потекла лужа. Автомобилем стало не проехать. Люди хохотали, ругались, звали милицию. Наталья не понимала причин шума, улыбалась. Её хвост свисал до асфальта.

Она напраказила, ушла с дороги и около ступенек входа, забыв про меня, поправляла джинсы, когда из здания вышли те же милиционеры, и я невидимо остановился рядышком.

— Откуда она взялась? — спросил один у другого.

— Она нормальной была и красивой до ужаса. Её пацан бросил жестоко, прямо со свадьбы срулил. Она потом в Москву проституткой поехала. Попала там в бордель для извращенцев, сидела голая в клетке, есть давали из миски, с ума сошла. Сейчас с родителями богатыми живёт. Видишь, она ведь опрятная, не бомжиха какая-нибудь. Оп-па! Чёрт побери! Что за день! Смотри, Паганел идёт. Друг без друга не могут. Пойдём разгонять их.

С привокзальной площади шагал напролом через чайные кусты воинственный парень. Бритый наголо, в ботинках со шнуровкой до колен, очень худой и сердитый. Завидев его, Наталья вжала голову в плечи и отвела руку с магнитофоном, готовясь бить.

Дальнейшие действия милиции мне показались нелепыми. Вместо того чтобы оградить Наталью от внезапного хулигана и задержать его, пока он не натворил худого, милиционеры встали между ним и Натальей и терпеливо и нудно уговаривали обоих не ссориться. Когда же парень и Наталья послушались и убрались с вокзала разными дорогами, между милиционерами произошёл следующий разговор:

— На кладбище, наверное, пошли.

— На кладбище?

— Да, будет опять друг в друга камнями кидать, могилу пацана своего делить. Паганел тоже ведь девка, тоже на голову нездоровая.

— Девка?

— Да, Катькой вроде зовут. У них с Наташкой один пацан был. Убили его в армии, кажется, лет десять назад. Катька замуж вышла за деревенского опойку. В деревнях сейчас знаешь, наверное, что творится. Он её по домам за самогонку продавал. Она и тронулась. Вообразила себя тем пацаном погибшим, назвалась Пашкой. Её уже на вокзале Паганелом окрестили. Дерётся постоянно, без зубов почти. Больше всего над Наташкой издевается.

Не веря в услышанное, я полетел на кладбище. Ты был, Мишк, в Ярославле? Нет? У нас там кладбище через площадь от вокзала. Я раньше любил ходить на него. Забирался к старинным могилам и без присмотра людей сочинял своего нежизнеспособного героя.

Прилетев, я поразился, какое кладбище теперь пышное. На входе со стороны вокзала громадная мраморная усыпальница с церковной

купольной крышей, а рядом с центральным входом внутри могильной ограды вообще храмовая часовня. Это что, Мишк, святых столько сейчас? Как думаешь?

— Я же не был в Ярославле, — ответил я Паше. — Не видел тех могил. Наверное, в них бандиты и коммерсанты.

— Надо же. Хотя когда я нашёл свою могилу, то тоже опешил. Родители поставили мне могучее мраморное надгробие, как если бы я был купцом 1-й гильдии или дворянским сыном.

На своей могиле я действительно застал Наталью с выключенным магнитофоном. Она нетерпеливо оглядывалась по сторонам и сжимала в руке увесистый камень. Вскоре из-за чьего-то гранитного монумента вышел Паганел. Приглядевшись, я, к страху своему, узнал за шрамами и грязью кукольное личико Кати.

— Наташка, псина несчастная! — выпалила на ходу Катя. — Как работа? Сколько клиентов?

— Ты не Паша... — осекающим голосом вымолвила Наталья.

— Что?!

— Ты не Паша. Я видела его сегодня. Он такой же, какой был. А ты не Паша.

— Понятно! Взбунтовалась против хозяина?!

В момент, когда Катя перепрыгивала ограду, а Наталья метилась в неё камнем, я зримо встал между ними.

Земля задумчиво переваривала человеческие кости, надгробные камни глубокомысленно поглощали температуру весеннего дня, а я стоял между двумя безумными женщинами.

— Не враждуйте, девчонки. Я даже ада не удостоился, — произнёс я, предполагая, что они сейчас упадут передо мной и приникнут к моим ногам.

Я ошибся. Вместо того чтобы счесть меня за доброго ангела, преклониться передо мной и усмирить свои мятежные души, они схватили меня за руки и принялись тянуть каждая на себя. Было похоже на то, что две малышки с истеричной жадностью вцепились в тряпичного арлекина. Странно, но я не мог освободиться от них, и получилось, что мои руки оторвались. В воздухе ослепительно вспыхнуло, и в следующую секунду я увидел, что Наталья и Катя закованы в невидимые для них самих кандалы. На головах их оказались широкие обручи, запершие глаза и уши. Руки сковали якорные цепи с подвешенными гирями. Наталья и Катя потеряли друг друга из виду и, ругаясь, друг друга не слышали. Отныне и до определённого часа они не встретятся и ни разу не подерутся.

Родителей потом видел. Полюбил их. Живут в другой, гнилой квартире. Обеднели. Видимо, бизнес их постиг крах. Заглянул в холодильник. Полбутылки подсолнечного масла, всё.

Теперь я самовольно отправляюсь на небо. Пойду по нему странствовать вниз головой. Ноги есть. Я уже попробовал так ходить, огромная радость. Идёшь, а над тобой Родина твоя. Тебе, если что нужно будет, зови. Захочешь что-нибудь написать — помогу, подскажу.

Окончание читайте в следующем выпуске журнала

Е. С. Роговер

ЛЮДИ И КНИГИ, ДОСТОЙНЫЕ ВОСХИЩЕНИЯ

(О новом романе Валерия Попова.
К 70-летию со дня рождения писателя)

Книга «Горящий рукав...» воспроизводит прежде всего жизнь самого автора, точнее, первую её половину. Начатая с передачи «первого интереса» и «первой победы», она заключает в себе поразительный по своей увлекательности спектр последующих, достаточно многообразных интересов главного героя и цепь его очередных побед, чередуемых с неизбежными ошибками и неудачами. Ритм обретаемых жизненных опытов и умений достаточно интенсивен, он адекватно отражает стремительный темп самой нашей жизни. Иногда это блуждания по любимым местам, порой — неожиданный «прыжок в ширину», как называется одна из главок книги, а в исключительных случаях — «путь наверх», с неизбежностью ведущий даже к «власти», которая — увы! — на поверку оказывается совсем «не сладью». Следить за перипетиями этого жизненного сюжета очень увлекательно, тем более что о них рассказано сочно, крупно, с живым неистощимым юмором.

Для автора книги это жизнеописание интересно в первую очередь потому, что каждый зигзаг и узор художественной автобиографии таят в себе бесконечно поучительные наблюдения и рождают новые сюжеты, которые так необходимы для неустанного пополнения писательского багажа, поскольку чревататы развёрнутыми сюжетами последующих книг. Цепко воспринял и запомнил герой повествования историю ремонта на ахматовской даче, и вот спустя какое-то время является

рассказ «Золотое клеймо неудачи» в книге «Избранные», а затем на его основе возникает родственный эпизод в жизнеописании. Каждой красноречивой деталью, встреченной в пути, каждой живой подробностью дорожит Попов и властно побуждает самого себя: «Запомни и опиши». И на требование этого категорического императива он обязательно отвечает делом. Вот почему в ткани характеризуемой книги так много ярких, светящихся точек, великолепных жанровых зарисовок.

Однако Попова привлекает не только *своя* биография, хотя она сама по себе полна поучительного смысла, но и сопряженные с нею судьбы многих других людей, чьи литературные портреты введены в структуру книги и чередуются с вехами жизненного пути автора. Как правило, это портреты писателей — прозаиков, драматургов, поэтов, что вполне естественно, поскольку это люди, с кем Попову довелось выстраивать литературный процесс в писательской организации нашего города, с кем рядом — плечом к плечу — приходилось отстаивать честь ленинградско-петербургской школы и её высокие нравственные и художественные принципы.

Литературный портрет — это достаточно широкое жанровое обозначение. Если попытаться найти видовую определённость каждого из произведений этого типа, то приходится всякий раз подыскивать для себя новое определение: то это очерк, то краткая зарисов-

ка, то эссе, то промелькнувшая судьба, то развёрнутая биография.

В рассказе о Владимире Марамзине определяющим мотивом становится «излишняя виртуозность», словосочетание, из которого родился самостоятельный рассказ, вошедший в книгу «Избранные». Отсутствие снобизма и неприязнительность — вот ведущие краски в портрете Вольфа. В характеристике Андрея Битова выделяются его боевитость, точность писательских попаданий и внутренняя сила. «Сверхмания» — вот доминанта очерка, посвященного Глебу Горышину, «последнему пешеходу русской литературы». В обрисовке Александра Житинского запоминается весёлость этого баловня музыки и судьбы. Фёдор Абрамов — это, конечно же, непримиримость, властные повадки, обретенные в Смерше, на партийной работе и в должности завкафедрой университета, весомость каждого слова. В портрете Владимира Арро подчёркнуты его успешность, готовность совершать один прыжок за другим, хмурая деловитость и совершенство в руководстве писательским Союзом, раскалённым, «как штаб революции». Это очень точная характеристика, и мы можем подтвердить её меткость своим свидетельством, поскольку долго и хорошо знали этого литератора. Эссе, посвящённое Иосифу Бродскому, лаконично и вдумчиво, как и подобает этому жанру. Попов отмечает в выдающемся поэте поразительное психологическое свойство — мучительную стеснительность, переходящую в высокомерие и дерзость. Этот феномен проявлялся уже тогда, когда он юношей глядел на город с балкона прославленного дома Мурузи. С жадным увлечением читается очерк о Довлатове, памятном для многих «городском сумасшедшем», уверенно шагнувшем в классики. В зарисовке, посвящённой Виктору Конецкому, захватывает его напор, смелость и безрассудство. Портрет недавно ушедшего от нас Юрия Рытхэу написан с таким художествен-

ным блеском, что мы неоднократно перечитывали его, дивясь адекватности изображения писателя и тому юмору, который был свойствен и покойному чукотскому писателю, и автору, сказавшему о нём своё «слово», не ведая, что оно будет прощальным. Трогательна зарисовка скромного и бесконечно талантливого Александра Володина. В эссе, посвящённом Илье Штемлеру, подчёркнуты брызжущая энергия писателя и его дар делать людям добро. А в лаконичном портрете Уфлянда воссоздан облик добродушного и вечно невезучего человека. Упоминание этих ярких портретов можно продолжить...

Валерий Попов пишет обо всех этих достойных людях не только потому, что хорошо их знает и вместе с ними создавал литературу последних десятилетий, но ещё и потому, что за каждым из этих портретов стоит особый человеческий мир. Когда-то А. И. Герцен, предваряя роман «Кто виноват?», говорил о том, что каждая личность — это вселенная, рождённая с нею и с нею прекращающая своё существование. Именно поэтому Герцен строил повествование на жизнеописании отдельных людей, судьбы которых сложно пересекались и сталкивались в ходе движения сюжета. Этого принципа, очевидно, придерживается и В. Попов, открывая в каждом портретном очерке целые миры, бесконечные и неповторимые. Поэтому с таким интересом читаешь и о загадочном Чулаки, и об обаятельном басовитом Фоякове, и о Семёнове-Спасском, книги которого «сделаны из жизни, и жизнью за них заплачены». В силу названного эстетического принципа судьбы всех этих людей, запечатлённых в книге, неизменно переплетаются, например, биография Попова и Арро, Штемлера и Рытхэу, Попова и Житинского. К тому же это люди одной профессии, одного дела, которому они служили и служат.

Выстраивая свои очерки, автор книги с причудливым названием «Горящий рукав...» очень внимателен к

внешности своих героев. Он замечает «маленькие глазки» Марамзина, его деловитую походку, широкое размахивание локтями, целеустремлённо выставленную вперёд челюсть и острый нос уточкой. Попов передаёт тяжёлый взгляд Битова, мрачную усмешку Глеба Горбовского, вытянутую вверх фигуру Горышина и низкорослую — А. Прокофьева с его «огромной головой, налитой кровью и белёсой щетиной»; автор рисует «замороженного» Холопова, похожего как две капли воды на знаменитого французского комика Луи де Фюнеса; набрасывает портрет обитателя Кавалерийской улицы, с присущими ему ногами колесом, чудно вписывающимися в овал улицы, и треугом с торчащими ушами на голове.

Столь же метко и выразительно Попов передаёт речь своих героев: «простодушно-виртуозные обороты» языка Марамзина, сипловатую, медленную и безжизненную речь Чулаки; громогласный говор Фонякова; резкую, отрывистую, категорическую интонацию отца; слова, похожие на крик утки, у Бахтина.

Но более всего автор книги чуток к внутреннему миру писателей, своих друзей и родных. Он передаёт колебания этих людей, отчаяние, сомнение, твердую решимость, целеустремлённость, непреклонность, внутреннее ликование, надломленность, блаженное или подавленное состояние, одержимость. Это целый спектр различных психологических переживаний, редкостное богатство душевной жизни. При этом каждому персонажу соответствует своя среда, свой пейзаж, интерьер и даже мир вещей, как в случае с Вольфом и его домашним голландским натюрмортом.

Книга Попова повествует о человечности, преданности, взлётах творческого духа, озарениях, рождении примечательных книг. В то же время она не гнушается грубой изнанки действительности, низменных сторон бытия. Не случайно её подзаголовок на-

поминает о «прозе жизни». В ней немало будничных, повседневных мелочей существования и даже натуралистических картин. Автор замечает: «Утонуть в болоте» реальной жизни «обязательно нужно», но при этом добавляет: «но желательно не насовсем и не навсегда. Одна, по крайней мере, рука должна торчать снаружи...» Писатель так и поступает. Он показывает, как за повседневным, обыденным кроется значительное, как из «груды дел» вырастает крупный Союз писателей нового типа, его петербургское отделение. Поэтому в структуре книги такую важную роль играют главы «Дом писателей», «Дом творчества», «Пенклуб». Их функционирование отвечает на зов эпохи, вбирает в себя — с трудом и издержками — ветер перемен, и оттого одна из глав так и называется: «Новые времена». Их живое ощущение — самое примечательное, самое волнующее в этой книге.

Для поэтики «Горящего рукава...» характерна подлинная языковая роскошь. То это ёмкие и меткие афоризмы («одна дурь другой не мешает»; «творить прекрасное надо не из красоты, а из грязи»; «чем горше жизнь, тем финиш слаще»). То это выношенные сентенции («Ужасы жизни, чрезмерно накапливаясь, переходят в гротеск»; «власть языка всесильна и безгранична»). Иногда автор устраивает игру со словом (например, «оставляю», «Мин и Минчковский», «бездонность»). Нередко писатель использует выразительнейший эпитет («булькающая вещица», «перламутровый коридор», «уютные люди») и столь же яркую метафору («повисло молчание», «микроб вольномыслия», «холодное сияние политкорректности», «укачавшись свободой», «вприсядку подошел автобус», «застонать от счастья»). В тексте книги можно встретить неожиданный оксюморон («нестерпимая красота», «элегантно-небритый», «восторг отчаяния», «вежливое хамство», «бедные богатые») или сознательный повтор знакового слова («хму-

рый человек», «хмурой мордой», «хмуро взял»). Иногда используется метонимия или синекдоха: «поношенные свитера», «клочкованные бороды».

Попов часто и мастерски вводит в свой текст «чужое слово», обогащая рассказ внутренними цитатами и аллюзиями. Приведём примеры: «Вот надо делать жизнь с кого»; «С кем мы, мастера культуры, — это ясно и так»; «Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне!»; «Процесс пошел»; «Дом творчества уплыл по волнам»; «Ну не ходи ты так часто на дорогу!»

Писатель нередко приглашает читателей включиться в происходящее и предлагает, например, сравнение «подобрать каждому своё» или оставляет соучастникам общей игры «поле для творческой деятельности». Такой контакт привносит в изображаемое новый ракурс и расширяет художественное пространство текста.

Восприятие того, о чем повествуется в книге, значительно обогащается введением разнообразных шумов и звуков («Щелк!», «бодрая утренняя музыка звонка мобильных», «стук пишущих машинок»), а также разнообразных запахов (рыболовецкой сети, морских звёзд, прежнего квартирного быта, едкой вьетнамской мази, палёного дерева, приближающейся весны, курочки и солёных огурцов, горько-душистой полыни, холода шинели). Иногда о запахе говорится в переносном смысле: «аромат неведомой нам

жизни»; «запахом абсолютной подлинности повеяло на меня».

Текст неизменно оживляется юмором и иронией. В одних случаях воспроизводятся комичные ситуации (эпизод с тремя любовями сразу); в других — используется остроумное слово («зам. по наслаждениям»; «уполномоченный по дружбе народов»). Часто передаётся комизм повтора, дублирования, глупости или неожиданности («состязались в интеллектуальной выносливости — выпили литра два»).

Но о чём бы ни рассказывал писатель, он неизменно присутствует в книге сам как повествователь и действующее лицо. Он передаёт свою внутреннюю речь, воспроизводит ход своих размышлений, определяет свою позицию, иногда подтрунивает и иронизирует над собой («выход я нашел самый иррациональный, что вообще свойственно мне»). Автор вычленяет из прозы жизни возможные поэтические сюжеты, которые кристаллизуются на наших глазах, и мы их с радостью находим в книгах Валерия Попова «Избранные» и «Комар живёт, пока поёт».

Перед нами предстаёт яркий, обаятельный человек, который, несмотря на цепь превратностей, передраг и сложных зигзагов новой действительности, исполнен веры в светлые начала бытия и неизменно восклицает: «Есть ещё ж-изнь на земле!»

Татьяна Крыжановская

* * *

Средь образов волнующих и странных,
Среди полуттенков, полуфраз
Коралловую мудрость океанов
Пытаюсь рассмотреть в который раз.

И, вглядываясь в собственные строки,
Я вижу, что рифмую вновь и вновь
Рассвет моих мечтаний светлооких
С надеждой, озаряющей любовь.

Загадочные грёзы белоснежны.
Рисую их красиво, не спеша.
Я в цвет небес раскрашиваю нежность,
И в негу окунается душа.

Из образов, волнующих до боли,
Моих стихов родится полотно.
В них снова оживут мечты Ассоли...
В них сбудется всё то, что суждено...

Зову я вас в неведомые дали.
Искрятся чудо-россыпью слова.
В них то, что вы себе недосказали.
В них моря отразилась синева!

Живёт в них нескончаемое лето
И небом упоённая мечта.
Не зря же ведь отмерено поэтам
Сказать, что означает красота.

* * *

Напишите судьбу на листке
И поставьте автограф неспешно.
Над Землёю паря налегке,
Не судите её делом грешным.
Вы запейте бокалом вина
Всё, что горечью вашу стало.
И картинки вчерашнего сна
Разбредутся по жизни устало.
Вы придумайте новые сны.
Напишите симфонию взлёта.
На пороге грядущей весны
Вы себя проиграйте по нотам.
А потом отыщите вопрос,
На который не в силах ответить.
Многоотъем из множества звёзд
Отзовутся миры и столетья.

Валерий Чарторийский
(г. Заозерск)

Бахчисарай

Крутой грядой изрытых скал
Чуфут-Кале меня встречал,
И только тучи в вышине
Напоминали грустно мне
О той земле холодных стран,
Где обнимал я тонкий стан
Прелестниц ветренных... И той,
Что подарила мне покой
В краю буранов и снегов,
Где твердь — не прах известняков.
Но зноем мучил Крымский рай
И среди скал Бахчисарай
Упрятал ханский свой дворец,
Как драгоценностей ларец.
Сюда!.. несла добычу сталь,
Вселявших ужас ханских стай!
Здесь!.. заседал татар диван!..
И вынимал свой ятаган
Владелец суш, хан двух морей
И сын степи Девлет-Гирей!
Но есть величию конец:
В веках померк его венец,
И нынче знатный город-сад
Лишь блеск побед и боль утрат.
Здесь всё, как сказка или миф!
Здесь был и я на час калиф!
Здесь... ощущаешь жизнь всерьёз,
Лишь только у фонтана слёз...

* * *

Серый бархат северных туч
Нет да нет, да метнет метель
В дикую стаю древних круч,
Где одиноко мёрзнет апрель.

Корнем еле вцепилась ель
В стылый гранит. Окропил снег
Пьяной ягоды алый хмель.
Тают тени. Стремятся вверх.

Зябко. Близость весенних вех
Смята грузом свинца — могуч
Переминает березовый мех
Серый бархат северных туч.

25 апреля 2009 года
(Канун Пасхи в Заозерске)

Вновь буран по весне пропахал!
Свежим снегом спеленаты сопки...
Неподвижны, пленительно робки
Мотыльки облаков-опахал.

В тихой святости чистых снегов
Нити тропок струятся по склонам,
Разрезают пушистый покров
Сетью трещин на древних иконах

И на белом лице покрывал
Остаются отчётливым бликом,
Даже солнца слепящий овал
Так подобен сияющим ликам.

В белом всё! Как пасхальный пирог!
Торжество — новогодним канонам!..
Не спешит к нам весна на порог
По суровым полярным законам.

Россия конца XX века

Не то чтоб дьявол в горницах Кремля,
Но где держава? В мрачном подземелье
Погребена огромная земля,
Покрыта рабством, мраком и терпением.

Разврат. Лакейство. Высший апогей
Ничтожества. Духовное паденье
И скудость мысли наших главарей
Свергают в Лету лучшие стремленья.

Изранены своими же штыками,
Отброшены своею же рукой
В глубь континента, времени годами
Стоим с протянутой для милостынь
сумой.

Мне больно! Лучшие из нас давно
почили.

Оставшимся жестокий выпал рок...
Но выучен преподаанный урок
И сызнава мы начинаем ныне!

Ирина Титаренко
Веронике

Есть люди, как праздник —
В них радость и лёгкость,
И ярких фантазий
Скользкий набросок.

Листок акварели
С налётом каприза,
Немножечко лени
И море сюрпризов.

Они словно лучик
Всем светят и греют.
Они среди лучших —
Не просят, но смеют.

Как сказочный остров —
Всё прочь то, что ложно.
Влюбиться в них просто,
Любить их так сложно!

И мы выбираем
Надёжных, но скучных.
И мы забываем
Про солнечный лучик.

Как мир несуразен —
В нём разные люди.
Есть люди, как праздник.
Есть люди — как будни...

Москва — Санкт-Петербург

Извечная ирония судьбы:
Москва — Санкт-Петербург —
дорога жизни —
Другой, нездешней, чуждой укоризны,
Без слёз, страданий, грусти и мольбы.

Прости, Москва, — я не люблю тебя,
Я — Питера беспечное созданье,
Но — при противоречии сознания —
Живу, твоё создание любя.

Заснеженный, завьюженный перрон —
И я через стекло целую губы
Твои и сквозь метельные раструбы
Спешу домой, чтоб взяться за перо.

Сложу стихи, чтоб рифма сберегла
То золото, что мы с тобой намыли.
И ноет сердце, где прошла навывлет
Умчавшаяся «Красная стрела».

Вернисаж любви

Руки коснулись чужие губы
Легко, прохладно.
И проще нежным быть, чем грубым.
Но — безотраднo.

Глаза смотрели, как из картины,
Но не с портрета.
Как будто Рерих свои вершины
В них спрятал где-то.

И Айвазовский девятым валом
Стремясь на сушу,
Из глаз, грозящих ещё обвалом,
Выплёскивал душу.

Я так устала быть амазонкой,
Мне сила — в тягость.
После грозы подышать озоном —
Уже не в радость.

Душа не хочет быть горной речкой,
В ущелья падать.
Давно в равнине пора бы течь ей,
Дышать прохладой.

И я ищу в тех глазах острожных,
Пейзажных, тайных,
Кусочек поля со спелой рожью
Да птичью стаю...

Владимир Вронский

Вид из портика на холме старого Петровского парка

Сквозь белый ряд колонн сочится синева.
Зеленоватый дым на треснувших ступенях.
Кружится и шуршит кленовая листва
В пустынном зале, где Гермес и тени.

Ночной экспресс по мосту громыхнёт;
Рыбак на лодке с острогой плывёт,
Прощупывая дно лучистой фарой.
То женский смех, то плач под звон гитары...

Костер, костер... Над ним церквушка спит...
Река смолистыми чешуйками рябит.
А там, вдали, над сыростью полей
Тревожный ветер влажно шелестит

Листвой упрямой лопоухих тополей.
И яркая, как смерть, луна стоит
Над маленькой деревней моей.

* * *

Вот и кончилось лето,
Словно деньги в кармане.
На прощанье одеты
Разноцветною рванью
И деревья, и люди,
И мечты прошуршат...
Ворохами иллюзий
Под ногами душа.
Скоро в поле закружит
Голубая позёмка,
И запьем и затужим
В беспробудных потемках,
А над синим перроном
Золотая плотвица
Поплывет за вагоном,
За последним в столицу...
И лишь маленький лыжник
В ледяных рукавицах
Будет прыгать, я вижу,
Над замёрзшей криницей,
Над забором зубастым,
Над берёзкою голой,
Над бенгальскою астрой
За уснувшую школой...
И заплачешь, и снова
Запоешь о любви,
Запорошенным словом
Пламенея в крови.

Айсберг

Седой Океан. Край луны. Скоро солнце
Сосну над скалой обласкает,
И ветер проснетя, и гоном чаек
Наполнится воздух морозный, и Айсберг,
Как белый корабль, проплывает под ними

Туда... где весна, где в зелёных проталинах тундры
Подснежники в россыпях клюквы смеются,
Туда... где над вечным прибором улыбка прекрасного Будды
Сияет мартышкам, резвящимся в зарослях джунглей,

Туда, где жара, где под влажным тропическим солнцем
Качаются пальмы, и юная чёрная леди,
Беспечно болтая, играет с дурашкой дельфином,
Туда, где, как зубы дракона, торчат над землей небоскрёбы,

Где ритм рок-н-ролла сплетается с воем сирены,
Где Айсберг всего лишь малыш в океане огней и машин;
Туда... где растает он в теплом прибрежном течении,
То храм Афродиты, то луковки церкви листая...

И мальчик кудрявый с глазами, как белые ночи,
Янтарь золотой собирающий в пасмурных дюнах,
Коснётся воды и замрёт над своим отраженьем.

Египет

Ряд стройных пирамид, шагающих к востоку.
Пустыня. Сфинксы. Тишина. Века...
Безмерность времени, беспамятность, жестокость
И гордый вызов, брошенный пескам
И звездам!

Так же как и встарь, покачиваясь мерно,
Надменные верблюды под пальмами бредут
Вдоль Нила. Что мы помним? Амун, Иштар, Мардук.
Ваш прах клубится над асфальтом серым.

В поселке у подножия плотины Асуанской
Курносая медичка, читая Ибн Сину,
Вздыхая о сугробах, о Рождестве, о санках,
Выписывает капли суровым бедуинам.

Какое дело ей до Царства Мертвых,
Когда бутончик губ так розово набух...
Когда турист французик, в любовных играх тертый,
Бормочет ей, осклабясь: «Я вас любить...»
— Лопух!

Что знаешь о любви ты, о печали нежной,
Восток, Египет... — свиток белоснежный.

Пикник у рухнувшего моста

Кишат опарыши в скелете сгнившей щуки
На берегу июльской Волги. Клонит в сон.
Я вижу твои ласковые руки,
Весну груди с загаром вокруг сосцов

И серебро от ив на нежный мускус кожи
Струящееся... милый звон ручья.
А комары лениво, осторожно
Зудят над ухом... Закипает чай,

Звенят кузнечики, дрова трещат;
Река лоснится в солнечной истоме,
Пыхтит колесник губошлёпый. Плеск волны.
Как пахнет скошенной травой! Мы дома! Дома!

Мы облака... Мы в зной погружены...
Мы вечны! Пусть опарыши считают
Себя правей. А мы левей, мы знаем...
Дай поцелую крепко... Спой, родная...

«На теплоходе музыка играет,
А я стою, смотрю на берегу.
Машу платком, а сердце замирает
И ничего поделать не могу!»

Вечнее нас нет ничего на свете.
А звезды по сравненью с нами — дети.
Ты возразишь: — Ага! Но нет нас и моложе!
Я чуть постарше. Ты... — чуть-чуть построже.

Елена Назарова (*г. Заозерск*)

* * *

Закружила зима белый вальс в ледяном хороводе,
Тканью шёлковой выстелив свой белоснежный наряд.
И танцуют снежинки, в меха завернувшись по моде.
И от бархата ночи, хмелея, созвездья горят.

А метель появилась, как будто в фате подвенечной,
Вновь сияние радугой красок взорвалось вокруг.
И застыла природа, внимая красе бесконечной,
Снова сделав во времени года отчаянный круг.

* * *

Как просто женщине сказать «прости»,
Что означает всё-таки «прощай».
Остатки чувства, плотно сжав в горсти,
Оставь себе, а ей не обещай:

Удачи в жизни, радости в судьбе,
Букет цветов чарующего сада,
Что можешь знать ты о её мольбе?
О сердце раненом в объятьях снегопада?

И о душе, что надломилась вдруг,
Как в роднике, затерянном в трясине.
Как нет ей сил — порвать порочный круг
И песни петь под этим небом синим.

Мечту и жизнь её, ты отпусти,
На пепле вновь родится Иван-чай.
Как просто женщине сказать «прости»,
Что означает всё-таки «прощай».

* * *

Не выпитой любви наполненный сосуд
Манил к себе и звал, и в переливах граней,
Как будто кожу сняв и больно сердце
ранив,
Я отдала себя на твой жестокий суд.

И всё испив до дна, смогу ли я забыть,
Как чувствам вопреки, на перекрестке судеб,
Боясь, когда твой лёд огонь любви остудит,
Ждала души моей натянутая нить.

* * *

Ох, эти петербургские дожди,
Как кисти штрих, увязший в акварели,
Как неподвластный понимаю миг,
Как трепетный и нежный вздох свирели.

И словно небо зарыдало вдруг,
Укутав всех истлевшей, серой шалью,
В ней разговор уставших двух подруг
И блеск реки, подёрнутый вуалью.

Парят мосты в полёте над водой,
Размыв границы вечности и света.
Окутав город млечной пеленой,
Туман с Невою обвенчались где-то.

Проспектов ширь, округлость площадей
В штрихе карандаша, в мазке пастели
...Размытый контур вымокших людей.
...На набережной сфинксы онемели.

Все погрузилось в капельки росы...
В игру теней и первый крик младенца...
И город, вновь рожденный из грозы,
Мосты раскинул, словно полотенца.

А первый луч, пронзивший небосвод,
Ворвался вихрем красок в бесконечность...
Страхнув с себя печаль ушедших вод,
Парит мой город, обретая вечность...

Вера Муравская

Талая вода

В движении быстром и прозрачном,
Как пульс, под тонкой коркой льда,
В ажурном кружеве прекрасном
Под снегом — талая вода.

Журчит и пенится, клокочет,
С лучом весенним пробудясь.
И вырваться наружу хочет,
От зимних пут освободясь.

И сбросив снега покрывало,
И оболочку изо льда,
Всегда берёт своё начало
Из снега талая вода.

Я помню...

Я помню... Разбитый бомбёжкой дом.
Рояль одинокий в окошке пустом.
Где не было стёкол и не было рам,
Где девочка с куклой прижалась к дверям.

Я помню... На улицах трупы лежали.
О них спотыкаясь, живые шагали.
И не было сил, чтобы трупы убрать
И каждый, кто падал, не мог уже встать.

Я помню... Гостиный в дыму и в огне.
Осколки снарядов на снежном ковре.
Людей, измождённых блокадной зимой,
Не помню в то время картины иной.

Я помню... Как Ладогой нас отправляли.
Как ночью по детям фашисты стреляли.
Как много машин уходило... под лёд...
Как много в то время осталось сирот.

Я помню... А может, не помнить? Не знать?
А может, то прошлое не вспоминать?
Живые! Давайте мы встанем стеной
И мир отстоим, как ребенка покой!

Баллада о могучем Дубе

Могучий Дуб! О-о! Как его пытали!
Огнём войны его ствол, ветви опаляли...
Но крепки были корни в нём.
И каждый раз он снова распрямлялся.
Он ни грозы, ни бури не боялся
И крепче становился с каждым днём.
Он много пережил и многое он видел:
Роскошный двор царей,
Парады Павла, пруд.
Всех осенял. Любил и ненавидел.
Но самое святое — видел пруд.
Средь парка поросли стоит
Израненный, больной,
Хотя в душе совсем ещё молодой.
Могучими ветвями он кивает.
И всех, кто рядом с ним,
Под крону собирает.
О днях былых рассказывает Он,
И каждый путник шлёт ему поклон.
Могучий Дуб! Тебе стоять вовеки!
Ты в самом слабом, скромном человеке
Не зря свою частицу заронил,
Чтоб, как и ты, он тоже сильным был.

Кастальский ключ (Павловск)

Кастальский ключ едва журчал,
Свои выбрасывая воды.
Природа чудо здесь творит
В минуты грозной непогоды.

И ей спасибо, что гроза
Разрушила сие творенье.
Сюда приходим мы, сюда,
Когда душа полна смятенья.

И среди ласковой природы,
Где все растёт, цветёт, шумит,
С души слетает непогода
И в жилах кровь опять кипит.

Виталий Летушев

Дети блокадного Ленинграда

Пред войной рождённые дети,
Много лет нам уже сейчас.
Мы не все уцелели на свете —
Ведь блокада растила нас.

Колыбельные — вой сирены,
Взрывы, дым, огонь — не в кино.
Отлетали и падали стены —
Выживали мы всё равно.

Мы росли, как живые тени, —
Голод с нами в прятки играл,
Создавая в то жуткое время
Пискаревский мемориал.

Мы покорно несли страданья,
Нам казалось, эта война —
Нескончаемое состоянье,
Что была и будет она.

Вечно ждать будем маму с хлебом,
Письма редкие от отца,
В страхе жить под пылающим небом,
И не будет войне конца...

Оттремели грозные годы,
Но тревожат память они.
Дети, внуки цветами природы
Вырастают в мирные дни.

Им привычно чистое небо
И красивые города,
Много света, тепла, вдоволь хлеба,
Будто так и было всегда.

Пусть повсюду вот так и будет —
Мир и счастье детям Земли!
Только сердце уже не забудет,
Как в блокаду тогда мы росли.

Мамин подарок

Мне не помнится смех мой детский —
Сразу голод и смерть кругом.
А однажды снаряд немецкий
Прилетел и разбил наш дом.

Мы остались тогда без крова,
По блокадному городу шли;
Накалялось небо сурово
Да скелеты домов росли.

Надрываясь, сирены выли,
Плыл по улицам горький дым.
Люди добрые приютили,
Поделились теплом своим.

Я очнулся — лежу в постели,
Мама к сердцу прижала меня,
От голодной спасая метели
И от вражеского огня.

Как мы выжили — непонятно,
Но мы вынесли этот ад.
Нам отец написал: «Беспощадно
Бъём фашистов за Ленинград».

Наконец-то снята блокада,
Скоро хлеба больше дадут.
Стихла страшная канонада,
А по улицам пленных везут.

Мне игрушечный домик мама
Подарила на Новый год
И с улыбкой доброй сказала,
Что Победа скоро придёт.

Я не знал тогда — за игрушку
Мама хлеб свой тому отдала,
Кто недавно грозную пушку
Наводил на наши дома.

Вспоминая сейчас всё это,
Я гляжу на игрушечный дом —
Вестник мира, тепла и света
И Победы добра над злом.

На Дороге жизни

Наш теплоход почти закончил
Круиз. По Ладоге идём.
Остановились, время к ночи,
Луны не видно, тьма кругом.

Затихло двигателей пенье,
В руках у каждого — цветы.
Стоим на палубе в волненье
И в окруженье темноты.

Вдруг над холодными волнами
Взошла огромная луна.
И засветилась перед нами
Дорога, ею зажжена.

Как много звёзд! — Они без счёта.
А чайки — будто на лету
Нам рассказать хотят о чём-то,
Но исчезают в темноту...

Вода — ни памятной колонны,
Ни обелиска, ни плиты.
Как капли красные, на волны
Живые падают цветы.

Здесь о бессмертном героизме
Не скажет горестный гранит.
Но вот она — ДОРОГА ЖИЗНИ,
На волнах Ладоги горит.

Тетрадь

Много лет пролежала тетрадь,
В ней суровое время хранится.
Не могу без волненья читать
Пожелтевшие эти страницы.

Здесь отец рассказал о войне,
Что подобна кромешному аду.
Вот — о маме, а вот — обо мне,
О братишке, погибшем в блокаду.

За Россию, за Родину-мать
Миллионы легли — не представить, —
Чтоб не смог иноземец топтать
Нашу землю, хозяйничать, грабить.

Но другие пришли времена —
Нечисть предала всё, разорила,
Нарядилась святошей война —
Эйфорию в народ запустила.

Мы, конечно, виним сатану
Да кудахчем, подобно наседке.
Только нас за родную страну
Не простят ни потомки, ни предки.

...Я читаю и слышу: «Вперёд!»
Эти строки огнём обжигают.
И пехота на танки идёт,
И убитые вновь оживают.

Нина Романова

На «Литераторских мостках»

Памяти О. Ф. Берггольца

Зимы дыханье на ветвях.
Волнуется осенний ветер.
На «Литераторских мостках»
Ваш взгляд с портрета
Вновь нас встретил.

А Вы уж были не одни,
В молчанье школьники стояли.
Лежали свежие цветы,
Любимые при жизни Вами.
И мы глядим не без волненья
На немигающий Ваш взгляд.
О время, ставшее мгновеньем,
Неужто десять лет назад...
Когда сюда Вас провожали
В последний путь, где боль на всех,
Когда мы здесь стихи читали
Свои — для Вас под первый снег.
Зимы дыханье на ветвях.
Волнуется осенний ветер.
На «Литераторских мостках»
Проводит взгляд Ваш нас до встречи.

* * *

Я боюсь ожесточиться
И, устав, уйти от веры.
Недоверие сочится
И рвёт растянутые нервы.
Боюсь, что мне не хватит сил
Для надежды и терпенья,
И я уйду без воскресенья.
О Боже мой! Не сотвори!
Искры последней не гаси.
В той вере, что ещё осталась.
Она мне дорого досталась,
Спаси её и сохрани.

Зори тихие

Не долюбив своих любимых
Под соловьиною луной,
Стояли вы в шинелях длинных
Перед кровавою войной.
А вам бы книжки — не винтовки,
И туфельки — не сапоги,
И платица — не гимнастерки,
Свидания, а не бои.
А вам бы слушать зори тихие
Под трель шального соловья,
А не своры вопли дикие,
Что шли, живое все губя.
И вам, наверно, говорили:
«Мужское дело-то война».
И вам, наверно, говорили:
«Берегли бы вы себя».
Но вы, упрямые и дерзкие,
Пошли к пылавшему огню.

И вам не дали пули меткие
Дослушать тихую зарю.
Войной зарытые, затихшие,
Вы все же думали о нас,
О тех, кто после зори тихие
Придет дослушивать за вас...

Гибель птицы

Звенят нагруженно трамваи,
Под солнцем город веселится...
А на асфальте, на асфальте
Бьётся раненая птица!
А вокруг неё машины...
Сумасшедшие машины!
— Это вы сломали птицу,
Словно спицу!
Я взяла её на руки,
Кровь мне в руки,
Кровь на брюки...
Как же так могло случиться,
Голубь-птица?!
Голубь-птица смотрит немощно...
Ах, как хочется ей в небо!
Не взлететь ей,
Крылья — крюки,
Это муки!
Голубь клювом жизнь хватает,
А она все тает, тает.
Птица-голубь просит неба
Вместо хлеба.
Ну а небо? Что же небо?...
Небо тучи нагоняет...
И рыдает...

Не косите траву

Не косите траву,
я с нее поутру
Свежей влагой с ладони
зарю напою.
Заблужусь и забудусь
в ее высоте,
Умру и воскресну
цветком на стебле.
Я по ней свою даль
искать убегу,
Где вольность ветров
всей грудью вдохну.
А надо мною свои берега
Будут искать корабли-облака.

Е. Т. Дмитриева

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ И ВОСПИТАНИИ

*Народ сей ослепил глаза свои
и окаменил сердце свое,
да не видят глазами,
и не уразумеют сердцем...*

Евангелие от Иоанна, 12:40

Классическое системное концептуальное образование в настоящее время переживает глубокий кризис, как и вся христианская цивилизация в целом, ведь система образования — плоть от плоти часть ее. Это связано с внедрением в общественное сознание стратегии пользования уже готовыми ресурсами («общество потребления») и вытеснением принципа творческого поиска на основе христианской доктрины «Ищите и обрящите!». Человек потребляющий идет на смену человеку созидающему, свидетельством чего является «качественное снижение способности современной западной культуры к генерированию больших фундаментальных научных идей»¹.

Какова же принципиальная структура классического европейского образования, берущего свое начало от античной школы, в которой зародились фундаментальная наука и гуманитарные знания? Отличительная особенность античной мысли (а впоследствии и европейской) заключалась в способности воспринимать мир как некую

целостную иерархию отношений различных сторон человеческого бытия. Иерархичность, системность, целостность, стабильность, универсальность были основой сознания и образа жизни европейца. В связи с этим можно выделить три типа мышления, которые формировала классическая школа на основе проблемного обучения: исследования, анализа и синтеза, обобщения, выявления причинно-следственных связей, развития абстрактного мышления.

Тип первый: эмпирическое, механическое, линейное мышление, когда обучающийся исполняет определенные действия в одном ряду на основе заданных стереотипов.

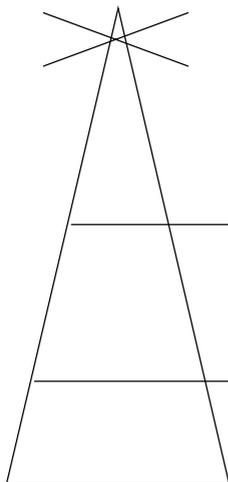
Тип второй: комбинаторно-логическое, планиметрическое мышление, когда обучающийся с помощью логических приемов на основе уже готовых идей выстраивает определенные комбинации в условиях, ограниченных плоскостью пространства. Эффект шахматной доски.

Тип третий: концептуальное, объемное, стереометрическое мышление, способное исследовать проблему в пространстве и во времени, рождать идеи и совершать открытия.

¹ Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2004. С. 41.

Этой проблеме посвящены социально-философские исследования О. Шпенглера «Закат Европы» и П. Бьюкенена «Смерть Запада».

Условно обозначим эти уровни в форме пирамиды:

3. Концептуальное, объемное, стереометрическое мышление.

Мыслитель, первооткрыватель, творец новых «формул жизни».

Фундаментальная наука.

2. Комбинаторно-логическое, планиметрическое мышление.

Человек — управленец и изобретатель. Прикладная наука.

1. Эмпирическое, механическое, линейное мышление.

Человек — исполнитель. Ремесло.

Все три типа мышления до недавнего времени формировало российское образование в рамках единой школы. Наш букварь давал зачатки концептуальных и универсальных знаний! Единая общеобразовательная школа ставила перед собой задачу в процессе системного обучения на основе высокой степени организованности и ответственности учебного процесса максимально развить творческие способности учащихся и произвести естественный отбор и естественное распределение обучаемых в сфере выполнения ими различных социальных задач².

Реформы современного российского системного образования (а на Западе это уже произошло³) сводятся к разрушению этой целостной пирамиды, в первую очередь «снятию ее верха»: утилизация школьных программ (мозаичность вместо системности), в проекте — изъятие гуманитарной общеобразовательной составляющей из вузовского обучения, трансформация специалиста в ремесленника (бакалавра) и самое опасное — коммерциализация науки (научные гранты), что неизбежно приведет к погоне за конъюнктурой (взять здесь и сей-

² Подробнее см.: *Дмитриева Е. Т.* Во что трансформируется российское системное образование // Президент. Парламент. Правительство. Вып. I. М., 2005.

³ *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. С. 246–257.

час!), угасанию фундаментальной науки и утилизации прикладной.

Все реформы, касающиеся образовательного процесса, с моей точки зрения, сводятся к следующему: это движение от концептуальности, системности, целостности, универсальности к утилитарности, ремесленничеству, примитивизму.

С этой целью на образовательном пространстве сейчас действуют методики, дезинтегрирующие, расщепляющие сознание учащихся: всевозможные тесты с ложными посылами, задания с установкой «Найдите!», а не «Объясните!», случайный подбор фактического материала по принципу «что? где? когда?», произвольность формулировок, то есть разрушается научный подход к овладению знаниями.

Хаотичность вместо системности — вот принцип современного подхода к составлению учебников начиная с букваря и кончая учебниками по физике и математике. Так, из учебников математики изымаются системы доказательств теорем, которые обучали логическому мышлению, и предлагаются только их формулировки, своего рода талмудическое заучивание. Из учебников физики изъяты некоторые разделы, что разрушает целостное представление о развитии естественнонаучной мысли и устройстве естественной среды в целом. Разрушается историко-хронологический принцип изучения литературы, учебники истории избивают множеством исторических фактов и подробностей, затемняющих главный смысл и суть исторического процесса, который также в отдельных случаях освещается как цепь стихийных событий.

В отличие от классической школы, которая давала системные знания в формах проблемного обучения, цель современной школы — занять учащихся наиболее экономным и приятным для них образом. Это несистемные знания, обилие авторских программ, так называемое «клиповое» мышление, в основе учебной деятельности — описание разнородных явлений, в то время как классическая школа в процессе обучения постоянно обращала учащихся

ся к вопросам: откуда это? почему так? зачем это? Принципы обучения современной школы: наблюдение, игра, особенно игры сейчас в ходу, настолько, что слово «урок» уже вытесняется словом «мастерская», а учеба сводится к запоминанию и развлечению. Этой школе путь к научной деятельности закрыт. Принципы же обучения классической школы основывались на совершенно другом: это анализ структуры, исследование, обобщение, развитие абстрактного мышления, формирование целостного восприятия мира на основе научного знания. Был открыт путь к научной деятельности. В этой школе учили работать с книгой, самостоятельно добывать знания, в то время как в современной школе уже почти не пользуются учебниками. Преподаватель предлагает готовый конспект или ориентирует на поиск в Интернете готовых решений. Школа классического типа демонстрировала преемственность знаний, верность традиции, рост интеллектуального потенциала нации и эволюцию знаний. Современная школа удовлетворяет сиюминутным интересам рынка. Никаких долгосрочных задач она не решает.

У разного типа школ — разные психолого-педагогические установки и цели. Те, кто закончил советскую школу, помнят, как важна была дисциплина, как высока была степень организованности и ответственности учащихся, степень требований. Это была педагогика напряженных умственных и духовных усилий. Творческий труд должен был стать основой жизнедеятельности выпускника такой школы. Традиционная школа формировала человека мыслящего и созидющего. Выпускник вуза не был узким специалистом. Он мог выбирать профессию, мог перейти в смежную сферу деятельности, мог вообще поменять род занятий и самостоятельно приобрести новую специальность, потому что были сформированы навыки интеллектуальной творческой деятельности.

Что же мы видим в школе сегодня? Торжествует педагогика лени и вседозволенности, методы обучения поощря-

ют беспорядок, раскованность учащихся, расслабляют их, авторитет учителя весьма невысок или отсутствует вовсе. Удача, сиюминутный успех, удовольствие становятся основой жизнедеятельности такого школяра или студента. Это человек исполняющий и потребляющий. Он не способен самостоятельно мыслить, напротив — способен видеть только свой интерес и заботиться только о личном успехе. Никакими гражданскими чувствами он не обременен и весьма аполитичен, что и требуется современной элите, дабы манипулировать обществом потребителей, то есть толпой. Классическая же школа всегда формировала прежде всего личность, индивидуальное мироощущение, способность осмысленно воспринимать происходящее в стране и в мире, гражданское сознание и на этой основе — гражданское общество.

Что касается вузов, то преподаватели высшей школы уже сейчас сталкиваются с проблемой понижения базового образовательного уровня студентов и вынуждены приспособливаться к этой реальности, то есть корректировать программы, исключая из них наиболее сложные разделы. А это неизбежный путь к деградации высшего образования и исчезновению фундаментальной науки, вытеснение ее суеверием и в конечном счете — интеллектуальная и духовная пустыня.

Но свято место пусто не бывает. Что же взамен? Не случайно в современном «цивилизованном мире» набирают силу оккультные науки. Они легко легализуются в условиях так называемой демократии, уже проникают в систему школьного обучения⁴, и тенденция такова, что научные системные знания будут постепенно вытесняться суеверием, мистикой, каббалистикой⁵.

⁴ Т. Акбашев. Педагогика эволюции жизни.

В Госдуме готовится закон «Об энергоинформационной защите населения», который поставит на поток подготовку «спецов» в области раскрытия энергосистемы человека.

⁵ Каббала в Академии наук // Русский вестник. № 2. 2005. С. 9.

Это неоязычество рискует стать линией государства и окончательно поставить точку в развитии интеллектуального и духовного потенциала нации.

В газете «Русский вестник» № 2 за 2005 год на с. 9 читаем: «Итак, каббала добралась до постсоветских академиков <...> Наукообразная абракадабра претендует на полное и окончательное описание всей физической реальности». В московском Доме ученых даже состоялся круглый стол, посвященный путям взаимодействия науки и каббалы. Что такое каббала? «Словарь иностранных слов» дает следующее толкование этому явлению: «мистическое учение в иудаистской религии, основанное на символическом толковании чисел и слов в Ветхом Завете». «Каббалу никак нельзя назвать наукой, как бы этого ни хотелось ее апологетам, — считает академик РАЕН, доктор физико-математических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Вадим Сперанский. — Используемые в каббале обозначения — это заклинания, несущие некую мистическую информацию». В настоящее время Российский еврейский конгресс переходит к более активным действиям по расширению пропаганды каббалы среди политической элиты России под эгидой заполнения вакуума в идеологической (концептуальной) сфере⁶.

Новые идеологемы требуют новой системы воспитания. Система воспитания, основанная на христианских ценностях, на традициях классической культуры, не удовлетворяет современную элиту.

⁶ Под маркой так называемого вхождения в единое европейское образовательное пространство (Болонские соглашения) будут «откорректированы» не только наши образовательные программы, но и кадровое обеспечение: наши специалисты рискуют быть вытесненными на обочину всевозможными «французиками из Бордо», которые хлынут в наши школы и вузы со своими сомнительными дипломами, как хлынули к нам генно-модифицированные продукты взамен отечественных, настоящих. И все под эгидой свободного рынка!

Христианская цивилизация создавалась подвижниками. Христианину духовно принадлежит весь мир. Его щедрая, благородная, отзывчивая, открытая, творческая натура стремится к решению мировых вопросов бытия, и он с присущим ему вселенским размахом создает науки, искусство, философию, промышленность, совершенствует социальные формы жизни, не обозначая границ использования своих достижений, щедро делится ими с другими народами. Подвижничество, служение, проповедь добра и долга заложили основы мировоззрения, которое одухотворено идеей поиска истины во имя общественного блага. «Ищите и обрящите» — это правило духовного напутствия Христа ученикам стало моральным критерием и величайшим импульсом развития классической школы, европейского образования, русского в том числе, в основание которого положены принципы преодоления низменного, эгоистичного ради творческого порыва к открытию, откровению, духовному подвигу.

На рубеже XXI века классическое системное образование, ориентированное на творческий поиск, рискует быть уничтоженным. Эгоистичный, низменный человек вступает в решающую стадию борьбы с Христом и Крестом; ему, алчущему не правды и истины, а плотских удовольствий, мешает мораль жертвенной любви. На наших глазах рождается новая педагогика, новая система образования, лишенная духовного смысла и творческой перспективы. Ибо сказал Христос, что «без меня не можете делать ничего». С одной стороны, разрушение целостного, системного, объемного мышления, которое позволяло человеку прошлых веков воспринимать мир как целостную систему бытия, что делало его жизнь устойчивой и осмысленной; с другой стороны, укоренение в новых воспитательных доктринах принципа сочетания приятного с полезным во благо личных узкопрактических интересов.

Еще до недавнего времени педагог должен был ориентировать учащихся на высокие, подвижнические цели,

развивать в них творческое начало, укрощать эгоизм и поощрять самоотверженное служение делу, а это все христианские ценности. Вспомним, что говорил Христос ученикам: *«Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. Вы — свет мира... Да светит свет ваш пред людьми, чтоб они видели ваши добрые дела»* (Мф., 5:13). В них, в своих учениках, Христос видел провозвестников новой эры, в которой человеческая личность становится мощным двигателем творческого созидания, обновления обветшавшего мира, воплощением идеи бессмертия.

В Евангелии заложен и прообраз нашей европейской классической школы. Даны целевые установки: «Я есть путь, истина, жизнь», «ищите и обрящете», «стучите, и вам откроют», «вы — соль земли», «светите людям». «Сейте разумное, доброе, вечное!» — иными словами, но эту же мысль выразил выдающийся русский поэт Н. А. Некрасов. В Евангелии апостолы называют Христа Учителем. Он же — духовный наставник. Он философ и поэт, он обращает пылкий ум учеников к решению глубоких, нравственно-философских задач, заложенных в притчах. О чем говорят? О том, как строить жизнь, и в сущем, преходящем пытаются узреть вечное. Авторитет Учителя высок, он может и наказывать: «Кого люблю, того наказываю», а «наказывать», «наказание» и «наказ» — в русском языке однокоренные слова. Наказ — это тоже путь. Учитель строг, но строгость его справедливая, а поощрение не расслабляет. Ученики с напряженным вниманием слушают его. Никто никого не перебивает, к месту и вовремя задают вопросы, налицо дисциплина серьезнейшего труда, учебного процесса. Вот почему, когда Учителя не стало, именно на них, его учеников, снизошел Дух Святой. Они умели слушать, они хотели и умели учиться. Они стали его преемниками, создали церковь, и этот свет знаний, практику апостольского служения дали всему миру. В каждом на-

стоящем учителе всегда живет частица души апостола.

В свете современных педагогических воззрений всякое напряжение ума, воли, души ученика, такие понятия, как «служение», «исполнение долга», «самоотверженный труд» считаются архаичными и даже репрессивными, ибо они требуют, обязывают, ограничивают. А жить надо в духе каббалы: наслаждайся — ты этого достоин! Не поисками своего места в жизни обременен современный человек, ибо сама жизнь представляется ему хаотичной и случайной, а поисками своего «местечка», ниши для себя, любимого. «Очень хорошо устроился» — так говорят сейчас об успешном человеке. Идеология личного устройства на самом деле проистекает из «местечкового» сознания, которое формирует своеобразное «гетто» в жизни современного человека, не созидającego, а потребляющего; все усилия его сконцентрированы на узкопрактических целях и сведены к языческому примитивизму: еда, совокупление, вещи, которые забавляют его, как цапки примитивного туземца. Он их меняет, как бусы или перья, и рад такому разнообразию в жизни. Ни во что глубокое, настоящее, идеальное, вечное он не вникает. Живет почти как животное, отправляя свои естественные потребности. Но человек тем и отличается от животного, что ему, человеку, в отличие от животного нужен высокий мотив для жизни. Человек-потребитель не способен к саморазвитию, а «общество потребления» имеет только одну стратегию — **вырождение**.

Классическая школа не нужна современной элите, она борется с ней, как и со всем христианским, хотя именно этой школе обязана своими интеллектуальными успехами, поскольку сама вышла из нее. Почему же такая школа ей не нужна? Потому что она воспитывает мыслящую и духовно не зависимую от них личность. А нужно послушное стадо, которое было бы легко обольстить и поработить.

Обольщать и поработать — основная задача фарисеев от политики, от

экономики, от образования, о которых предупреждал нас Христос: «Лицемеры!», «Волки в овечьей шкуре», «По плодам их узнаете их».

Итак, как же оболъщают современного ученика? Современная педагогика, во-первых, рекомендует внушать ему, что он изначально умен, у него масса достоинств, учитель всегда с улыбкой, поздравляет с успехом, хвалит и ни в коем случае не травмирует его нежную психику своими замечаниями и требованиями.

Второй способ оболъщения — позволить ученику свободно самовыражаться: хочешь разговаривать на уроке — разговаривай. Это рабочий шум. Перебиваешь учителя — самовыражаешься. Дошли до того, что всерьез «методисты» стали обсуждать вопрос: если ученик не расположен усваивать тот или иной материал, нельзя его заставлять, так как это репрессивная педагогика. Уходит в прошлое эпоха, когда учитель бился за каждого ученика, тратил свое время на дополнительные занятия, убеждал, шел подчас на конфликт с учеником ради него же самого...

От учебы современный ученик желает получать в первую очередь удовольствие. Это третий способ оболъщения. Игра. Играют сейчас все. Игры на телеэкране, любовные игры, политические игры. Какое-то сплошное казино! Контрольные работы в форме игры, урок как игра, мастерская-игра⁷, играми сегодня пронизан весь учебный процесс. Что же на выходе? Невеже-

⁷ Учащиеся приносят лоскутки, пропитанные духами, или флаконы с пахучими веществами, приятными участнику игры, и т. д., благодаря чему в классе создают «ароматические букеты». Делают их путем прикрепления лоскутков, пузырьков, мешочков и других носителей запаха на куски холста» (см.: *Ермолаева М. Г.* Игра в образовательном процессе. СПб., 2007. С. 56). Идея данного пособия — освободить учащихся от необходимости грызть гранит науки и доставить «райское наслаждение». Нет, это не урок труда, не группа продленного дня. Это для учащихся 7–8 классов! Одни названия игр чего стоят: «Букет», «Традиционер» (?), «Бинго» (?), «Зебра», «МММ» («Мнемоническая матрица») — см. там же.

ство, неспособность логически мыслить и самое главное — неспособность мыслить концептуально. Концептуальность мышления формировалась в народах веками, благодаря этому совершались великие открытия, прорывы в иные цивилизации и миры. Напряженные умственных и духовных усилий, а не игра были основными психолого-педагогическими установками классической европейской школы на протяжении веков. Именно этот подход выкристаллизовывал гениев, которые были маяками для человечества, а посредственность знала свое место, и никто ее не «раскручивал», выдавая за гениальность. В обществе существовали правильные ценностные ориентиры, оно адекватно отвечало на проблемки гениальности и укрощало бездарность. В современном учебном процессе мы не можем выявить ничего подобного. Но зато это великолепное поле для всякого рода проходимцев от педагогики и самовлюбленной посредственности.

Вторая цель современной либеральной педагогики — поработать сознание ученика. С этой целью и внедряются, как я уже сказала, модели, дезинтегрирующие, расщепляющие его сознание, превращающие в хаос, искажающие суть вещей, извращающие сами формы бытия.

Примером такого рода технологий является «система» Р. Н. Бунеева и Е. В. Бунеевой «Школа-2100. Свободный ум». Выскажемся подробно о ней, так как авторы претендуют на трансформацию всей области образования и воспитания.

В этой «системе» речь идет об отказе от фундаментальных базовых знаний и преемственности духовно-нравственного и гражданского развития всех коренных народов России. «Система» разрушает целостное мировосприятие с помощью мозаичного и хаотичного подбора учебного материала, искажает исторические реалии, смещает приоритеты, выводит логическое мышление за пределы учебного процесса, анализ явлений и событий подменяет разгадыванием по типу кроссворда (совсем в духе каббалы!), формали-

зует, упрощает полноценные сферы человеческого бытия⁸.

В части русского языка и литературы (а именно анализом этой части я и занималась) составители «системы» программируют детское и юношеское сознание на презрение к традиции, отношение к миру как к театру абсурда, гипертрофию одиночества, страха, тяготение к пороку, антиэстетике, провоцируется асоциальное поведение (наркомания), закладываются основы психопатологии личности, беспомощной — с одной стороны, агрессивной и циничной — с другой. Это не что иное, как **сознательное внедрение дегенерации**.

Проблема духовной безопасности детей всегда была едва ли не главной воспитательной задачей всех учителей во все времена. Данная «система» навязывает учащемуся неадекватные его возрасту поведенческие стереотипы через постановку невыполнимых задач и преждевременное приобщение... к взрослому опыту жизни.

Выстраивание определенного разного ряда через **соответствующую** подборку литературных произведений, демонические иллюстрации к ним в духе американских комиксов и блокбастеров, манипулятивные сцепления тем, идей, образов, воздействие на подсознание с помощью словесной и цветовой символики — все это свидетельствует о **нейролингвистическом программировании** на существование человека вне родины, природы, семьи, друзей, идеалов, гражданского долга.

Инициатором, куратором данного проекта в Министерстве народного образования является **Исаак Иосифович Калина**, директор Департамента государственной политики в области образования Министерства образования и науки России. Источник финансирования — Всемирный банк реконструкции и развития. Идеологическое обеспечение осуществляется согласно следующему документу: «Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь и ресурсы на **оболва-**

нивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв в России **хаос**, мы незаметно подменим их ценности на **фальшивые...** Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться трагедия гибели самого свободолюбивого и непокорного на земле народа, окончательного **угасания его самосознания**. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино — все будет изображать и прославлять самые **низменные** человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой **безнравственности...**

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... Мы будем драться за людей с **детских, юношеских** лет, будем всегда главную ставку делать на **молодежь**, станем **разлагать, развращать, растлевать** ее. Мы сделаем из них **космополитов**⁹.

Мистика, оккультизм (каббала!), разрыв с реальной действительностью, традицией, хаос, извращенность, аморальность — вот системообразующие принципы новой бунеевской педагогики, обесценивающей в конечном счете человеческую жизнь.

В газете «Новый Петербург» (№ 25 от 14.06.2007. С. 5) читаю: «Лечение фетальными материалами, поступающими из абортариев, стало весьма прибыльным делом <...> Вывоз материалов из мяса и крови только что абортированных детишек оказался рентабельным настолько, что возможно **оплачивать** проживающую в Москве **“человекоматку”**, ежегодно зачинающую детей

⁸ Комплект учебников, тетрадей, методических пособий для учителя. М.: БАЛАСС, 2001.

⁹ Директива Совета национальной безопасности США № 20 / 1 от 18.08.1948 года (версия автора. — *Ред.*).

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

для того лишь, чтобы их абортить (в столице есть фирмы, подпольно практикующие этот бизнес), пока хватит здоровья на ежегодные абортыв».

Что же это за «человекоматки»? Откуда они возьмутся? А это недавние школьницы, воспитанные новой либеральной (нерепрессивной), толерантной педагогией бунеевского «свободного ума», прошедшие через образы пауков, домовых, пиратов, мумми-троллей, колдунов, Кады-Мады (?), слонокотов (?), ужастики Толкина (в начальной школе)¹⁰, эротикку Мопассана (в 6 и 8 классах)¹¹, дневник 15-летней наркоманки А. Франк «Синяя трава» (в 7 классе)¹², дневник Адриана Моула (циничное отношение к родителям — тоже 7 класс)¹³, «сны» А. и Б. Стругацких, хохмы М. Веллера и «вредные советы» Г. Остера¹⁴, иллюстрации С. Дали (в учебнике 7 класса)¹⁵, через хэллоуины, фестивали пива, уроки так называемого «полового просвещения» — все сделала школа, чтобы эту «человекоматку» вырастить и направить на...

В чем смысл и ценность человеческой жизни? В чем истинная красота человека? Что есть настоящая любовь и дружба, в чем радость, тепло человеческих отношений, счастье и долг замужества, материнства, что такое любовь к родине, подвиг, служение, самопожертвование? Нет! Ничего такого не предусмотрели Бунеевы в своей новой педагогике-2100, из которой так и выглядывает циничный оскал лукавого, хохмача, дегенерата:

Жирный паук
Взгромоздился на сук
И не видит меня
Среди белого дня.
Эй, старый дурак,
Я подам тебе знак,

¹⁰ Бунеев Р. Н., Бунеева Е. В. Маленькая дверь в большой мир. Ч. 1 и 2 (Учебно-методический комплект по чтению для начальной школы). М.: БАЛАСС, 2001.

¹¹ Комплект Бунеевых.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Паутину бросай
И меня догоняй!

Паутины вьется нить,
Мне готовят сети,
Но меня им не скрутить
Ни за что на свете.
Вот я, вот! Вам везет,
Слушайте, глядите!
Пауки, дураки,
Ну-ка, догоните!

Джон Р. Р. Толкин. Хоббит¹⁶

Каков же субъект, продукт, выпускник современной школы в будущем? В лучшем случае, это работник офиса, который, конечно, составит сводку цен на древесину, но диссертации он уже никогда не напишет.

Итак, чтобы не блуждать в потемках догадок, недоумений, бесплодных поисков суперэлитных школ, лицеев, гимназий и т. д., нам надо увидеть и понять главное: трансформация системы российского образования и воспитания происходит не в рамках так называемого прогресса, а в соответствии с определенными целевыми установками на положение нашей страны в системе глобального проекта. Его, нашего школьника, сознательно опускают до уровня исполнителя, робота, услуги, в перспективе — поставщика биоматериалов.

Вполне мы уже созрели для школы колониального типа в малоразвитой, малокультурной стране, не имеющей перспективы развития. Этакий северный Таиланд!

Возраст добровольного согласия для вступления в половые отношения составляет 16 лет¹⁷. Ниже планка только в Таиланде. На очереди — принятие Госдумой закона о легализации проституции.

На самый низший уровень пирамиды (см. рис. в начале статьи) перемещают российский народ. Человек — тупой исполнитель, общество — толпа люмпенов.

¹⁶ Бунеев Р. Н., Бунеева Е. В. Маленькая дверь в большой мир. Ч. 1. С. 116–117.

¹⁷ Из поправок в Уголовный кодекс от 20 июня 2003 года. Принят на заседании Госдумы.

Владимир Василик

РАЗГОВОР О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

ЧАСТЬ 1

При взгляде на заглавие, у просвещенного читателя может возникнуть аллюзия с мандельштамовским «Разговором о Данте». Действительно, заманчиво: ГУЛАГ — дантовский Ад. Но, увы, у Солженицына нет ни своего «Чистилища», ни «Рая». Может быть, и есть рай, но потерянный — старая Россия до 1914 г. Да и вчитываясь в «Красное колесо», не чувствуешь в нем райской жизни, райского настроения, как, скажем, в «Лете Господнем» Ивана Шмелева. Тут, скорее, блоковское: «А жить и путано, и трудно». Для разговора о Солженицыне подошла бы скорее другая мандельштамовская цитата:

Мне кажется, мы говорить должны
О будущем советской старины.

Действительно, недавно почивший Александр Исаевич Солженицын — неотъемлемая часть советского периода нашей истории. Могут возразить: после крушения СССР он переехал в Россию, написал много книг, много выступал и поэтому в равной степени является достоянием новой России. Все это так, и все же он не стал «властителем дум» послеперестроечной России, ее духовным вождем. И дело здесь не только в том, что «после революции встает вопрос о революционерах», что русская действительность отводит диссидентов от власти, но и в том, что не только новая Россия до конца не приняла Солженицына, но и он до конца не принял ее. С известным ужасом и недоумением он наблюдал за построением нового общества, во многом не соответствующим его нравственным понятиям, надеждам и пре-

дыдушим прогнозам. Судя по его выступлениям и книгам, в особенности «Россия в обвале», результат явно не соответствовал ожиданиям. Поэтому правильнее было бы рассматривать Солженицына прежде всего в контексте советского периода.

Для многих А. И. Солженицын — фигура двойственная: с одной стороны, участник войны, страдалец лагерей, православный человек, почвенник, критик Запада, с другой стороны, явный игрок в холодной войне против СССР, а значит, и против России.

В великую заслугу ему можно поставить то, что он дал масштабное, эпическое описание ГУЛАГа. Однако многое в этом описании настораживает: эпос часто переходит в публицистику, честное отражение реальности сменяется политическим манипулированием и подменой смыслов. И напротив, как справедливо писал В. В. Есинов¹, для Варлама Шаламова главным являлась «та невоплощенная, трагически оборванная правда, которую олицетворяли сотни тысяч погибших от сталинских репрессий, — он признавал и за ними бесспорное право на незримое участие в спорах о судьбе времени». Шаламову очень близко то высокое, этически ответственное отношение к истории, которое выражено в словах М. Я. Гефтера: «История — это диалог живых с мертвыми». Он так же убежден, что этот диалог должен быть честным, без высокомерия и подтасовок. Все это обусловило органический историзм его прозы, ее глубокую художественную объективность.

¹ Есинов В. В. Варлам Шаламов и его современники. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 124.

Пожалуй, наиболее выразительно эти черты проступают в рассказе «Надгробное слово», написанном в 1960 г. и вошедшем в сборник «Левый берег». Сама его интонация — скорбная, реквиемная — является как бы камертоном «Колымских рассказов»:

«Все умерли...

Умер Николай Казимирович Барбэ, один из организаторов российского комсомола, товарищ, помогавший мне вытащить большой камень из узкого шурфа, расстрелян за невыполнение плана участком...

Умер Дмитрий Николаевич Орлов, бывший референт Кирова, с ним мы пилили дрова в ночной смене на прииске...

Умер экономист Семен Алексеевич Шейнин, добрый человек...

Умер Иван Яковлевич Федяхин, философ, волоколамский крестьянин, организатор первого в России колхоза...

Умер Фриц Давид. Это был голландский коммунист, работник Коминтерна, обвинявшийся в шпионаже. У него были прекрасные вьющиеся волосы...»

Далее Есипов продолжает: «Этот рассказ — о тех, кто был рядом с Шаламовым в самую страшную колымскую пору — в предвоенные годы. Писатель дает своего рода социологический срез жертв сталинского террора и показывает, кем были люди, объявленные “врагами народа”. Мы видим, что сама мысль о разделении этих людей на “чистых” и “нечистых” по политическому, идеологическому, национальному или иному признаку для Шаламова кощунственна, что ему совершенно чужд тот грубо-политизированный, злорадно-мстительный взгляд на людей, принявших коммунистическую (социалистическую) идею и погибших в годы сталинщины, — взгляд, который развивался Солженицыным в его “Архипелаге”. Они — те, кто у Солженицына огульно и высокомерно зачислены в разряды “благонамеренных” или “придурков”, — вызывают у Шаламова только сострадание. Вряд ли можно сомневаться, что Шаламов

в данном случае имеет огромное нравственное преимущество — в его не отягощенном никакими пристрастиями взгляде на трагедию времени заключена истинная человечность»².

И здесь нельзя не вспомнить другого замечательного лагерного писателя, с которым Бог судил Есипову встретиться на заре юности — Серафимом Ильичом Четверухиным. Кстати, он упомянут в «Архипелаге ГУЛАГе» Солженицына. Там есть слова: «У любителя старины Четверухина отобрали рескрипт императора Александра об объявлении войны 1812 года в качестве вещественного доказательства». Серафим Ильич Четверухин был сыном московского протоиерея Ильи Николаевича Четверухина, последнего настоятеля Николо-Толмачевской церкви, которая сейчас, слава Богу, восстановлена и находится на территории Третьяковской галереи. В 1990-е годы была опубликована его повесть «Толмачи», в которой Серафим Ильич рассказывает о своем отце протоиерее Илье Николаевиче Четверухине. Его отец был действительно человеком необыкновенным, сочетал в себе высокую культуру духа с такой удивительной евангельской простотой и несомненным пастырским и проповедническим даром. В 1929 году его арестовали, храм закрыли, а его самого бросили в лагерь в Малой Вишере. В предсмертной встрече со своей матушкой Евгенией Леонидовной он говорил: «Нет краше Господа, нет Его милее. Я так люблю Господа, что готов за него пойти в огонь». И эти слова оказались пророческими, он сгорел в бараке вместе с заключенными в пожаре. Серафима Ильича арестовали в 1936 году, семь лет он провел в лагерях, еще лет 13 — в ссылке. Меня поразило, насколько при всех своих страданиях и испытаниях, он был незлобивым и добрым человеком. Этот дар сердечности, доброты притягивал к нему очень и очень многих. Кстати, многие, я бы сказал, многие десятки русских интеллигентов

² Есипов В. В. Варлам Шаламов и его современники. С. 126.

под его влиянием возвращались к вере отцов и совершенно нерелигиозные люди под влиянием красоты и обаяния его души принимали православие. Для них он раскрыл религиозный смысл истории как пути Бога в мире и смысл русской трагедии XX века. Один из его рассказов называется «Сквозь ночь идущие», где он говорит о том внутреннем свете, который двигал, который жил в душах многих заключенных: «Вам этого не понять, слепые, и вам, видящие и зажавшие рты от страха, и вам, торгующие судьбами человеческими. Мы верим в рассвет». Вспоминается еще один его рассказ — «Портрет». Когда он на краткое время смог вернуться из ссылки в Москву, где дома на стене увидел портрет своего отца, написанный в лагере. И вот портрет отца, как бы говорит ему: «Скажи: “Слава Богу за все”, сын мой, прости обиды, причиненные тебе, чтобы и ты был прощен. Но прощай только за себя, за других прощать никто не имеет права. Я не был так молод, как ты, мне многое было трудно, но я хранил веру, она помогла мне, будучи искалеченным телесно, остаться неискалеченным духовно, и лагерь стал для меня второй духовной академией»³. Характерно, как Серафим Ильич писал о времени Великой Отечественной войны: «Началась война. Мы носили кличку врагов. Напали враги. Что с нами делать? Никто не знал. Кое-кого ликвидировали. Оставшихся прекратили освобождать. Прекратили переписку.. И в это время наши страдания растворились в чаше страдания народного. Хриплый репродуктор оповещал об оставленных городах, селах, и у многих из нас там оставались близкие. Многие из нас стремились на фронт. Я и сам хотел погибнуть за Отечество, но там, среди вольных людей, а не в этом нечистом месте...»

Серафиму Ильичу предлагали публиковаться за рубежом, но он этого не сделал. И здесь — фундаментальное расхождение с Солженицыным. Сол-

женицын предлагал ему печататься за рубежом, принять участие в диссидентском движении. Серафим Ильич категорически отказался. Он ответил: «Я дождусь своей публикации в России». К сожалению, он не дождался: скончался в 1983 г. Но его отказ участвовать в диссидентстве был отнюдь не страха ради иудейска. Просто он понимал, что на политическом уровне проблемы коммунизма не решить, она может быть разрешена только на уровне религиозного возрождения, в которое он и вложил всю свою душу.

Сходную позицию занял Варлаам Шаламов. Он был категорическим противником «тамиздата». И не случайно позднее он кинет Солженицыну горький, но справедливый упрек: «Я знаю точно, что Пастернак был жертвой холодной войны, Вы — ее орудием».

Подобную же позицию относительно «тамиздата» заняли и Ахматова и Твардовский.

Что касается Солженицына, то он с известного момента стал участником и, отчасти заложником большой политической игры, направленной внешне против Советского Союза, а на самом деле — против России. Вольно или невольно, но А. И. Солженицын оказался участником целого ряда информационных акций. Одна из них — реабилитация власовского движения. Именно Солженицын запустил в умы читателей ядовитую мысль: не власовцы изменили Родине, а Родина трижды изменила им. Вот перл солженицынской мысли: «Иногда мы хотим солгать, а Язык нам не дает. Этих людей объявляли изменниками, но в языке примечательно ошибались — и судьи, и прокуроры, и следователи. И сами осужденные, и весь народ, и газеты повторили и закрепили эту ошибку, невольно выдавая правду, их хотели объявить изменниками Родины, но никто не говорил и не писал даже в судебных материалах иначе, как “изменники Родины”».

Ты сказал! Это были не изменники ей, а ее изменники. Не они, несчаст-

³ См.: Четверухин С. И. Слава Богу за все. М., 1998. С. 123.

ные, изменили Родине, но расчетливая Родина изменила им, и притом ТРИЖДЫ.

Первый раз бездарно она предала их на поле сражения — когда правительство, излюбленное Родиной, сделало все, что могло, для проигрыша войны: уничтожило линии укреплений, подставило авиацию на разгром, разобрало танки и артиллерию, лишило толковых генералов и запретило армиям сопротивляться. Военнопленные — это и были именно те, чьими телами был принят удар и остановлен вермахт.

Второй раз бессердечно предала их Родина, покидая подохнуть в плену.

И теперь третий раз бессовестно она их предала, заманив материнской любовью («Родина простила! Родина зовет!») и накинув удавку уже на границу».

Мысль эта чрезвычайно вредная и не христианская. Вспоминаются слова Евгения Евтушенко:

Но русские среди трудов и битв,
хотя порой с отчаянья немеют,
обида на Россию не имеют:
она для них превыше всех обид.

Оставим, однако, эмоции и возмущение. Будем разбираться по порядку.

Во-первых, объем понятия «Родина», что под ним понимать? Тогдашних руководителей СССР? Или тех русских людей, которых власовцы убивали?.. Тех женщин и детей, которых истребляли каратели, шедшие под власовскими знамёнами, с власовскими листовками в кармане и с нашивкой РОА на рукаве?

Если А. И. Солженицын ставит знак равенства между народом и сталинским правительством, то тем самым он считает русский народ бездарным, бессердечным, бессовестным (привожу только цитату), возлюбившим репрессивный режим и предавшим своих защитников. Но тогда это именуется одним словом — русофобия, инструмент информационной войны против собственного Отечества.

Если же под понятием «Родина» здесь Александр Исаевич имеет в виду ложный концепт Родины, ошибочно ассоциируемый со сталинским режимом, то так надо и выражаться. Иначе для чего писателю дан дар точного слова?

Будем разбираться дальше: «Первый раз бездарно она предала их на поле сражения — когда правительство, излюбленное Родиной, сделало все, что могло, для проигрыша войны: уничтожило линии укреплений, подставило авиацию на разгром, разобрало танки и артиллерию, лишило толковых генералов и запретило армиям сопротивляться». Как и предвидел Солженицын, умножились честные книги о войне и от хрущевского мифа о предвоенном периоде и начале войны мало что осталось. Во-первых, «Линию Сталина» никто не уничтожил и не взрывал, а, напротив, с напряженной скоростью строилась на новых границах «Линия Молотова». Во-вторых, те самолеты, которые погибли на аэродромах 22 июня, составляли лишь малую часть от общего потенциала ВВС, и разгром авиации был связан не с подставой, а с поспешным отступлением, в немалой степени связанным с пораженческими настроениями и среди генералитета, и среди армии⁴. Насчет разбора танков и артиллерии... Благодаря работам Армена Мартиросяна и других известно, что Сталин приказал привести войска в боевую готовность еще 18 июня 1941 г., но по неизвестным причинам в ряде случаев отдавались приказы противоположного свойства, в т. ч. об отпусках офицеров, о плановом ремонте техники, о снятии боекомплектов с самолетов и т. д. Централизованного приказа о разборе танков и артиллерии не было, не зная об этом Солженицын не мог. Насчет толковых генералов... Сам Солженицын со злорадством пишет о казни победителя тамбовских крестьян Тухачевского, единственный враг, которого ему удалось победить, были

⁴Солонин М. 22 июня 1941 г.: Анатомия катастрофы. — М., 2009. Гл. «Глупость или измена».

собственные сограждане. Даже ярый антисоветчик Виктор Суворов в своей книжке «Очищение» был вынужден признать тот факт, что если бы не очищение армии от «героев Гражданской войны» в 1937 г., то Великую Отечественную мы проиграли бы наверняка.

Далее — второй тезис о предательстве. Родина-де оставила подыхать своих защитников в плену. На самом деле, Солженицын, увы, повторяет тезисы геббельсовской пропаганды для военнопленных. Трагедия плена — то, на чем нельзя спекулировать. Она очень сложна: в ней сплелась и предвоенная и военная история, преступления коммунизма и нацизма. Но было бы пропагандистским упрощением возлагать равную вину за трагедию плена и на Сталина, и на Гитлера. Относительно пленных *существует целый ряд мифов*. Миф номер один: Сталин не подписал Гагскую и Женевскую конвенции, отказался сотрудничать с Красным Крестом и тем самым кинул миллионы военнопленных в погибель: законопослушным немцам-де ничего не оставалось делать, как расстреливать военнопленных и вымаривать их голодом.

На самом деле, в свое время Россия подписала Гагскую конвенцию. С признанием правового наследия Российской империи у СССР действительно существовали проблемы (в основном из-за царских долгов). Однако в течение двадцатых-тридцатых годов происходило постепенное вхождение в поле международного права и была частичная рецепция правового наследия царской России. Это относилось и к Гагской конвенции. В предвоенных конфликтах и с Японией, и с Финляндией СССР Гагскую конвенцию *de facto* соблюдал и тем самым рассчитывал на соответствующее отношение к себе. В свою очередь Финляндия в войне 1939—1940 г. также соблюдала Гагскую конвенцию и, в отличие от Германии, не вымаривала голодом русских военнопленных, ссылаясь на то, что-де СССР не подписал Гагскую конвен-

цию⁵. Никогда НКВД СССР не заявлял, в отличие от проблемы царских долгов, что он не принимает Гагского соглашения. Тем самым СССР молчаливо к нему присоединялся.

В 1929 г. была заключена новая. Женевская конвенция об обращении с военнопленными, обеспечивавшая последним еще большую защиту. Германия, как и большинство европейских стран, подписала эту конвенцию. Советский Союз конвенцию не подписал, так как был против разделения военнопленных по национальному признаку, однако ратифицировал заключенную одновременно конвенцию об обращении с ранеными и больными на войне. 25 августа 1931 г. НКВД СССР продекларировал о присоединении СССР к конвенции 1929 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»:

«Нижеподписавшийся народный комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик настоящим объявляет, что Союз Советских Социалистических Республик присоединяется к конвенции об улучшении участи военнопленных, раненых и больных в действующих армиях, заключенной в Женеве 27 июля 1929 г. В удостоверение чего народный комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик, должным образом уполномоченный для этой цели, подписал настоящую декларацию о присоединении. Согласно постановлению Центрального исполнительного коми-

⁵ См.: Д. Д. Фролов. Советские и финские военнопленные 1939—1944 гг. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона (Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН). Петрозаводск, 2005. Следует отметить, что и во время Великой Отечественной войны, несмотря на недостаток продовольствия и другие трудности, и Финляндия и СССР старались проявлять сравнительную гуманность по отношению к военнопленным противника и следование принципам Женевской конвенции.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

тета Союза Советских Социалистических Республик от 12 мая 1930 г. настоящее присоединение является окончательным и не нуждается в дальнейшей ратификации.

Учинено в Москве 25 августа 1931 г. (подпись) Литвинов»⁶.

Обратим ваше внимание на то, что **в соответствии с нормами международного права присоединение к международным правовым актам возможно как путем прямого подписания, так и путем ратификации или же направления специальных документов, удостоверяющих желание какой-либо страны присоединиться к тому или иному международному акту. Конвенция последнюю возможность предусматривала, чем и воспользовался СССР в 1931 г.** Сразу же отметим, что немцы во время войны по большей части пристреливали раненых и больных советских пленных.

Кроме того, подписавшие Женевскую конвенцию государства принимали на себя обязательства нормально обращаться с военнопленными **вне зависимости** от того, подписали ли их страны конвенцию или нет⁷. И в этом случае попавшие в плен красноармейцы могли быть спокойны за свою судьбу.

Кроме того, как отмечает историк Кристиан Штрайт, тогда существовали общие международные правовые нормы ведения войны, имевшие обязывающую силу для всех государств независимо от того, присоединились они к соответствующим соглашениям или нет. Эти нормы, естественно, не определены во всех деталях, однако основные совпадающие положения Гагской и Женевской конвенций являются не чем иным, как кодификацией международно-правовых норм по общим вопросам ведения войны⁸. Иными словами, даже без всяких конвен-

ций уничтожать военнопленных, как это активно делали нацисты, было недопустимо. И согласие или отказ Москвы ратифицировать Женевскую конвенцию положения не менял.

Пытаясь обеспечить своим пленным солдатам максимально надежную защиту, советское правительство сразу после немецкого вторжения сделало недвусмысленный жест. Уже на четвертый день войны, 27 июня, Советский Союз выразил желание сотрудничать с Международным комитетом Красного Креста. Еще через несколько дней, 1 июля, было утверждено «Положение о военнопленных», которое строго соответствовало положениям как Гагской, так и Женевской конвенциям. Немецким военнопленным гарантировались достойное обращение, безопасность и медицинская помощь. Это «Положение» действовало всю войну, причем его нарушения преследовались в дисциплинарном и уголовном порядке⁹.

Отметим, что за время войны в немецком плену погибло 57 % советских военнопленных. В советском плену из 3576,3 тысячи немецких военнопленных умерло 442,1 тысячи (12,4 %), из 800 тысяч военнопленных стран-союзниц Германии (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, Словакии) — 137,8 тысячи (17,2 %).

Председатель Международного комитета Красного Креста Марсель Юнод сразу с началом войны, 22 июня, предложил правительствам СССР, Германии, Румынии и Финляндии совершать обмены списками убитых, раненых и попавших в плен. Сам Красный Крест должен был заботиться обо всех пострадавших на фронте. В попытке исправить ситуацию с военнопленными 27 июня 1941 года нарком иностранных дел В. М. Молотов телеграфировал председателю МККК о готовности СССР осуществлять обмены списками военнопленных и о готовно-

⁶ ЦГАОР СССР. ф. 9501, оп. 5, ед. хр. 7, л. 22)

⁷ <http://army.armor.kiev.ua/hist/zenev-konvencia.shtml>

⁸ Штрайт К. Солдатами их не считать: Вермахт и советские военнопленные в 1941—1945 гг. / Сокр. пер. с нем. — М.: Прогресс, 1979. С. 28.

⁹ См.: Дюков А. Р. Интерлюдия (3): Кто на самом деле предал советских военнопленных // За что сражались советские люди: «Русский не должен умереть». — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — С. 345—357.

сти исполнять Гагскую конвенцию «О законах и обычаях сухопутной войны». Одновременно СССР утвердил постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. «Положение о военнопленных», основанное на этой конвенции и содержащее документальное подтверждение заявления о соблюдении международно-правовых норм ведения войны. В дополнение к Положению были выпущены приказы НКВД СССР «О порядке содержания и учёта военнопленных в лагерях НКВД» от 7 августа 1941 г. и «О состоянии лагерей военнопленных» от 15 августа 1941 г.¹⁰

17 июля 1941 г. В. М. Молотов официальной нотой через посольство и Красный Крест Швеции довёл до сведения Германии и её союзников согласие СССР выполнять требования Гагской конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны». В документе подчёркивалось, что Советское правительство будет соблюдать требования конвенции в отношении Германии «лишь постольку, поскольку эта конвенция будет соблюдаться самой Германией». Вопреки ожиданиям Советского правительства положительного ответа руководство нацистской Германии оставило ноту советского правительства без внимания.

В этом вхождении СССР в международное правовое поле была своя логика: союзники не стали бы сотрудничать со Сталиным, если бы он не соблюдал международные соглашения. Поэтому ему приходилось волей-неволей в меру сил соблюдать международные соглашения о военнопленных и ждать, правда безрезультатно, такого же отношения к советским пленным. Уже в силу этого он не мог возвестить *urbi et orbi*: у нас нет военнопленных, а есть предатели.

Напротив, в «тотальной» идеологической войне на Востоке немцы поставили себя вне правового поля. Более того, временами они нарушали международные правила и по отношению

к союзником: характерен приказ 1944 г. о расстреле летчиков, сбитых над Германией, или расстрелы военнопленных союзников во время операции в Арденнах. Гитлер оказался в международной изоляции и поэтому не считал себя особо связанным международным правом.

Признавая Женевскую и Гагскую конвенции, Советское правительство совершенно очевидно надеялось на адекватную позицию Берлина. Однако нацисты не собирались применять к советским военнопленным ни Женевскую, ни Гагскую конвенции, ни даже элементарные международные нормы. Для них пленные красноармейцы были не людьми, а недочеловеками, которых следовало как можно скорее уничтожить.

Лапидарнее всего эту позицию сформулировал оставшийся безмянным немецкий солдат, захваченный в плен летом 1942 г. Английский корреспондент Александр Верт спросил его: «Как вам не стыдно так зверски обращаться с пленными красноармейцами?» — на что получил спокойный ответ: «На то они русские...»¹¹

Полноценного сотрудничества с Красным Крестом не получилось именно потому, что немцы с самого начала войны расстреливали поезда и машины с красными крестами, убивали раненых, расстреливали санитаров. Это показало Сталину, что обращение к Красному Кресту — бесполезно, он в случае СССР — не авторитет для немцев.

Следует отметить, что нацисты не соблюдали ни Гагскую, ни Женевскую конвенции в Польше, в Югославии и в других странах. Так, Гагская конвенция запрещает практику заложничества, массовых наказаний, насильственную мобилизацию жителей оккупированных территорий и насильственное привлечение их к оборонным работам. Между тем все это проделывалось на территории и Польши и Югославии. В Югославии за одного убитого немца регулярно расстреливалось от пятидесяти до ста

¹⁰ Золотарёв В. А. Пленных войн XX века разыскивают в веке XXI. Независимое военное обозрение (8 октября 2004).

¹¹ См.: Верт А. Россия в войне 1941–1945 г.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

заложников, это же времена-ми проделывалось и в Польше, и в Чехии. Поляков немцы насильно заставляли воевать на Восточном фронте, хотя и Польша, и Чехословакия, и Югославия во время оно подписали все договоренности.

Основной причиной жестокого отношения к советским военнопленным в плену являлась нацистская теория о расовой неполноценности славян, в частности русских, которые воспринимались нацистами как «масса расово-неполноценных, тупых людей». Расовая ненависть гитлеровцев усугублялась идеологическим неприятием коммунизма. Фюрер на совещании высшего командного состава вермахта 30 марта 1941 г. заявил: «Политические комиссары являются основой большевизма в Красной Армии, носителями идеологии, враждебной национал-социализму, и не могут быть признаны солдатами. Поэтому, после пленения, их надо расстреливать»¹².

Семнадцатого июля 1941 г. был подписан и вступил в силу приказ гестапо, предусматривавший уничтожение «всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма». В то время как советское командование делало все возможное для налаживания работы по приёму военнопленных и их обеспечению, немецкое правительство предпринимало шаги в противоположном направлении. 8 августа 1941 г. Управление по делам военнопленных при ОКВ выпустило новые правила, ещё более ужесточившие обращение с советскими военнопленными во всех лагерях.

Распоряжение верховного командования вермахта «Приказ о комиссарах» от 8 сентября 1941 г. гласило: «Большевизм — смертельный враг национал-

социалистической Германии. Впервые перед немецким солдатом стоит противник, обученный не только в солдатском, но и политическом смысле в духе большевизма. Борьба против национал-социализма вошла ему в плоть и кровь. Он ведёт её, используя любые средства: саботаж, подрывную пропаганду, поджог, убийство. Поэтому большевистский солдат потерял право на обращение с ним, как с истинным солдатом по Женевскому соглашению»¹³. В распоряжении верховного командования вооружённых сил секретного отдела по делам военнопленных «Об охране советских военнопленных» от 08 сентября 1941 г. говорится о применении оружия для подавления сопротивления, а также о том, что необходимо «немедленно стрелять в убегающего военнопленного», «всякие переговоры с военнопленными запрещаются». Также в этом распоряжении указывается, что советские военнопленные не имеют права на обращение согласно положениям Женевской конвенции¹⁴.

Отмечу, что **меня глубоко ранили слова публициста В. Грановского в его публикации «НЕТРАДИЦИОННОЕ ТРЕЗВОМЫСЛИЕ ПРОТ. ГЕОРГИЯ МИТРОФАНОВА»**¹⁵:

«И разве не изрёк грубую правду наш враг немецкий генерал Рейнеке, после стремительного пленения сотен тысяч советских бойцов в “котлах” 1941-го пришедший к выводу: “Большевистский солдат потерял право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником” (цит. на с. 112)? Объявившая своих окруженцев изменниками и отказавшись от международной помощи Красного Креста, сталинская власть демонстративно лишила защитников России этого права». Вот о какой «за-

¹³ См.: Советские военнопленные...

¹⁴ Немецкие документы цитируются по сборнику «Обеспечение немецкого господства и политика истребления. Советские военнопленные до весны 1942 г.». См. также сборник «Преступные цели — преступные средства». М.: 1985. Опубликованы в электронном виде на сайте «Восточный Фронт».

¹⁵ <http://www.kiev-orthodox.org/site/bookshelf/1962/>

¹² Советские военнопленные до весны 1942 г. // Война Германии против Советского Союза, 1941—1945: Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз: каталог выставки / Рейнгард Юруп. Изд. 2-е. М.: Б/и; Берлин: Б/и. 1994. С. 287.

претной» теме тоже позабыли, а отец Георгий Митрофанов — напоминает.

Во-первых, принципиальные решения о военнопленных, каковых ожидалось множество, принимались еще до котлов (см. приказ о комиссарах) и «грубая правда Рейнеке» четко согласована с приказом от 08.09.1941. Во-вторых, никакая власть не может лишить воина неотъемлемых международных человеческих прав, конечно, если другая сторона не рассматривает его как унтерменша. В-третьих, Виктор Грановский, как и протоиерей Георгий Митрофанов, русские люди, просто повторяют тезисы немецкой пропаганды, и военной, и политической, когда для страшной гуманитарной катастрофы, а лучше сказать — геноцида, потребовались оправдания, и козлом отпущения избрали Сталина. Отметим, что этот аргумент осужден на Нюрнбергском процессе, где защита нацистских преступников выступила с заявлением о том, что Женевская конвенция якобы не распространяется на советских военнопленных на том основании, что СССР не является участником этой Конвенции. Однако Международный военный трибунал отклонил довод защиты как несостоятельный. Он указал при этом, что всегда и во всех случаях при обращении с военнопленными должны быть применены общие принципы международного права: содержание в плену должно преследовать лишь одну цель — воспрепятствовать военнопленному принимать участие в военных действиях. Убивать беззащитных людей или даже наносить им какой-то вред из мести — противоречит военной традиции¹⁶.

На самом деле, ничто не препятствовало германской стороне обойтись по-человечески с русскими именно потому, что Сталин их бросил, да еще использовать это для пропаганды: «Сталин-де вас предал, а мы вас спасаем». В таком случае успех немцам был бы обеспечен. Но немцы впустую,

презрительно растранили ценнейший для них человеческий материал, во-первых, по причине человеконенавистнической идеологии и желания истреблять «унтерменшей», а во-вторых, из элементарного потребительства и жадности, нежелания снижать высокий потребительский уровень в Германии: «Лишнего хлеба для недочеловеков у нас нет». Хоть бы поделились тем, что награбили на Украине! Но нет, хотелось посытнее жрать (извините за «грубую правду»), да еще на виду у голодающих людей. Об этой идеологии человеконенавистнического потребительского империализма хорошо писал святитель Николай Велимирович: «А всем нам известна их философская теория насчет пространства и освоения его: чтобы продвинуться и захватить сады, виноградники, огороды, поля, луга, леса, реки, горы и так далее. Но вы, сербы, вместе с Богом воскликните в ужасе: “Как же это вы сделаете, если там живут тысячи и тысячи людей, братьев ваших, которые признают того же Единого Творца и Отца — своего и вашего? Как?!

Легко сделаем — отвечают они. Со всем легко. Людей мы огнем повыжигаем, а их леса, поля и виноградники себе заберем. Людей покосим, а их капусту себе оставим, чтобы росла для нас. Людей повылавливаем, поснимаем с них одежду, а их голыми потопим в воде. Людей уничтожим, как гусениц, а их добро и золото заберем себе. Людей потравим ядовитыми газами, а их зерно, вино и елей оставим себе. Людей изгоним в пустыню, пусть вымирают там от голода, а сами сядем за их столы, будем есть, пить и веселиться»¹⁷. Вот это «сядем за их столы, будем есть, пить и веселиться» — ключевой момент в трагедии плена.

При этом есть еще один аспект, «запретный» для Солженицына и его последователей: во время наступления немцы развернули массовую пропаганду, сыпали тысячи листовок, призывая

¹⁶ Краснов В. В. К суду истории: записки военного прокурора. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. С. 33.

¹⁷ Николай Велимирович. Из окна темницы. Минск, 2004. С. 361.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

сдаваться в плен, переходить на другую сторону, затем доверившихся им морили голодом под открытым небом осенью и зимой, сваливая все на Сталина, а потом вербовали их в hiwi под угрозой голодной смерти. И в этом отношении к пленным заключалась тройная подлость немцев.

Вот как это было в реальности. Приведем также фрагмент из воспоминаний Василия Ивановича Камардина, записанных его сыном: «В плену отец был в Германии и о своей лагерной жизни рассказывал так. Сначала у них был хороший начальник, заботливый. До того заботливый, что каждое утро без перерыва приходил в барак с конвойными и солдатами и, чтобы ускорить подъем, укладывал заключенных на длинные столы вдоль барака и приказывал пороть плетью в кровь. Следы этой “заботливости” остались на теле отца на всю жизнь. Когда после войны мы ходили с отцом в баню, я видел на его спине и ягодицах шрамы от вырванных кусков мяса.

В другом лагере начальник был “совсем хороший”. Он их жалел, никого не бил. Только раз в неделю, по воскресеньям, выстраивал всех на плацу и приказывал рассчитаться на первый-седьмой. Каждого седьмого тут же расстреливали. Отцу часто доводилось быть шестым. От такой “хорошей жизни” да еще и “хорошей еды” (а едой была только брюква и кусочки черного, как уголь, хлеба) отец приготовился уже помирать, так как начал ходить одной кровью.

Многие из его товарищей не выдерживали и накладывали на себя руки. Не было, вспоминал отец, ни одного подъема, чтобы кого-нибудь, а то и нескольких сразу не находили повешенными на крючьях, которые “благодетели” немцы специально для этого вбивали в стены барачков. Каждый желающий имел возможность сам себя повесить, не утруждая лишний раз “заботливых” хозяев. Но мой отец твердо знал, что самоубийство — смертный грех, и, предавая себя воле Божьей, все терпел до конца.

Много раз при построении на плацу представители Русской освободительной армии (РОА) предлагали им вступить в ее ряды, обещая все благо, лишь бы только они пошли убивать своих братьев. “Слава Богу, — как вспоминал отец, — почти никто никогда не выходил из строя. Несмотря на невыносимую жизнь, иуд были единицы”¹⁸.

В самой идее hiwi, находящейся в вопиющем противоречии с Гаагской и Женевской конвенциями, запрещающей насильственно использовать военнопленных с оружием в руках против их государства, стоит расовое презрение немцев к славянам, в особенности к русским: пусть одни унтерменши истребляют других. Не случайно их использовали чаще всего в качестве охранников и палачей. И после этого подлую немецкую провокацию воспевать как попытку освобождения России от большевизма, как «единственную гражданскую»!

Кивают на свирепый приказ Сталина от 16 августа 1941 г. № 270¹⁹. Но дух и смысл его в другом: он направлен не против тех, кто попал в плен при невозможности дальнейшей борьбы или выхода к своим, а кто сдавался без всякого сопротивления. И для него были объективные основания. Органы НКВД только за вторую половину 1941 г. задержали 657 000 дезертиров. Соотношение убитых к пропавшим без вести в 1941 г. было 1 : 8, если не более. В общей сложности в немецком плену оказалось не менее трех с половиной миллионов человек при потерях всего в 557 000 человек за весь 1941 г. Западная группировка войск просто растаяла. Да, многие героически сражались до последнего патрона, как защитники Брестской крепости, «в Ленинград пробирались болотами, горло сжимая врагу», другие, к сожалению,

¹⁸ См.: *Прот. Александр Ильешенко*. Безнравственный облик генерала Власова // *Правда о генерале Власове*. СПб., 2009. С. 129.

¹⁹ Приказ № 270 Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии. *ХРОНОС*. Новое зеркало Хроноса (16 августа 1941). Проверено 16 августа 2008.

при первой возможности бросали оружие и сдавались немцам, при крике «окружают» разбегались целые батальоны и даже полки.

Да, известные психологические мотивации были и для бегства, и дезертирства, и для сдачи в плен без сопротивления, и перехода на сторону врага: многие, особенно крестьяне из раскулаченных семей, мстили режиму за предвоенные репрессии — за коллективизацию и террор 1937–1938-х: это была своего рода сидячая забастовка. Известно, к чему она привела ее участников. Другие были брошены своими сбежавшими начальниками или подставлены ими под удар. Особая тема — предательство и вредительство генералитета перед войной: для нее набралось достаточно исторического материала²⁰. Но разбираться было некогда и каяться — тоже. Режим не мог измениться в одночасье, а открытое признание в преступлениях и ошибках означало для него одно — немедленную гибель, но вместе с ним, подчеркнем, и гибель страны. И Сталин действовал единственно доступным ему способом — террором. Этот приказ был губителен для многих из попавших в плен и их семей, ибо ставил их вне закона. Он был спасителем для тех, кто оставался по ту сторону фронта, ибо придавал им волю сражаться до конца, не попадать в погибельный для них немецкий плен и защитить свои семьи.

Не нам судить — были ли у Сталина другие способы остановить бегство и дезертирство в тех условиях. Он, как мог, спасал режим, а с ним спасал и Россию. Но подчеркнем вместе с Солженицыным, что «не рабами расправлялись в красноармейской шинелке», перелом в войне был достигнут все же не репрессиями (обезумевшие беглецы сметут любой заградотряд), а подъемом народного духа, пробуждением «скрытой теплоты патриотизма» и твердым сознанием того, что при Гит-

лере никакой жизни не будет и «за Москвой для нас земли нет». Восторжествовал народный здравый смысл и инстинкт самосохранения, если хотите. Русский народ понял то, чего не желают понять некоторые диссиденты, что Гитлер бесконечно хуже Сталина, и проще: Гитлер — это смерть.

Следует упомянуть и то, что приказ № 270 на практике применялся крайне нерегулярно, ибо учет попавших в плен не производился, а в ряде случаев не применялся вовсе. Уже в ноябре 1941 г. НКВД возобновил хлопоты о советских военнопленных. Видимо, в Кремле осознали отрицательные пропагандистские последствия этого приказа и, по сути, спустили его на тормозах.

И наконец, третий тезис Солженицына: «И теперь третий раз бессовестно она их предала, заманив материнской любовью (“Родина простила! Родина зовет!”) и накиннув удавку уже на границе». Солженицын соучаствовал в создании мифа о том, что все наши военнопленные «из плена в плен под гром победы с клеймом последовали двойным». А что было на деле?

При освобождении из немецкого плена военнопленных направляли в спецлагеря НКВД для проверки. С октября 1941 по март 1944 г. через проверку прошло 320 тысяч бывших военнопленных, подавляющее большинство которых вскоре было направлено в армию, войска НКВД или оборонную промышленность. Арестовано было лишь 4 % от общего числа подвергнутых проверке²¹.

Советский и российский военный историк Г. Ф. Кривошеев указывает следующие цифры, основывающиеся на данных НКВД: из 1 836 562 солдат, вернувшихся домой из плена, 233 400 человек были осуждены в связи с обвинением в сотрудничестве с противником и отбывали наказание в системе ГУЛАГа²².

²¹ См.: http://militera.lib.ru/research/dukov_ar/15.html

²² Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. М.: 2001. С. 460.

²⁰ См., в частности: Солонин М. 22 июня. Анатомия катастрофы. М., 2008. Глава «Глупость или измена».

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Да, многие из них были осуждены несправедливо, но некоторые — обоснованно, в особенности бывшие участники коллаборационистских формирований. Кроме того, нельзя забывать про амнистию 7 июля 1945 г. Указ «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» подразумевал помилование даже попадавших под статьи довоенного советского законодательства (то есть те, кто сдавался в плен без серьезных на то оснований).

Та история Власова, которую излагает Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», в значительной степени списана с книги прот. Александра Киселева «Духовный облик генерала Власова». Именно с этой книги списан целый ряд мифов: связи с немецким Сопротивлением, желанием соединиться с Михайловичем, отказ от самолета в Испанию и т. д. Но рассмотрим историческую ценность книги прот. Александра Киселева.

При всем уважении к его памяти, перечитывая его книгу «Духовный облик генерала Власова», можно найти целый ряд кричащих несоответствий исторической действительности. Возьмем, например, рассказ о его приеме у Гимmlера, где вчерашний военнопленный поучает всесильного рейхсфюрера, а тот лебезит перед «унтерменшем». Если мы примем во внимание, сколько усилий Власов предпринял, чтобы прорваться к Гимmlеру хотя бы на 10 минут, то разговор (кстати, по Киселеву, он прошел 6 часов!) выглядит анекдотичным, да еще при предыдущем отношении Гимmlера к Власову. Есть и прямо фантастические эпизоды. Власов обещает Гимmlеру: «Я дошел бы до Москвы и закончил бы войну, поговорив по телефону с моими товарищами»²³. Фантастика хотя бы потому, что в Горьком существовал дублирующий узел правительственной связи. Да и зачем, дойдя до Москвы, говорить по телефону, можно просто вызвать их всех в Кремль, на ковер.

²³ Прот. Александр Киселев. Духовный облик генерала Власова...

Другой эпизод — во время обеда (будто бы бывшего) рейхсфюрера с Власовым. Гимmlер спрашивает его о причинах гибели Тухачевского, а Власов, не моргнув и глазом, говорит: «Тухачевский совершил ту же ошибку, что и ваши противники 20 июля, они не знали психологии масс». Эта глупая дерзость — сравнение Тухачевского с заговорщиками, покушавшимися на Гитлера, — могла испортить Власову все его дело, если не погубить его лично, тем более, что из мемуаров Штрик-Штрикфельда и Сергея Фрелиха явствует, что Власов постарался побыстрее забыть своих друзей 20 июля²⁴.

Картина пленения Власова, где он предает себя как жертву за своих солдат американцам, которые его коварно выдают со словами: «Вы выбрали не того господина» и получают патетический ответ: «Я всегда служил одному господину — русскому народу»²⁵, также не соответствует действительности: на эти речи просто не было времени, поскольку Власова просто выкрал из американской зоны капитан Якушев. Поэтому о. Александр Киселев — не очень надежный источник, подлежащий проверке. Эту оценку разделяет такой серьезный исследователь, как Юрий Финкельштейн, только он опровергает о. Александра Киселева в куда более серьезных вещах, чем

²⁴ Когда Штрикфельдт через несколько недель в разговоре коротко упомянул о трагическом конце барона Фрейтаг-Лорингхофена, который был вынужден застрелиться, Власов удивленно сказал: «Дорогой Вильфрид Карлович, вам еще многому надо поучиться. О таких вещах вообще не говорят, это железное правило. О таких людях не думают, и их никто не знал». Штрик-Штрикфельд Вильфрид. Против Сталина и Гитлера... //Посев, 1993 г. Репр. с изд. 1981. См. таже свидетельство Фрелиха: узнав о взрыве 20 июля, едва не уничтожившем Гитлера и его штаб, услышав о начавшихся арестах и казнях, Власов, как сообщает Фрелих, поспешил заявить: «Меня лично это не касается. Это ваше немецкое дело...» См.: Фрелих С. Генерал Власов. Кельн, 1990. Сведения взяты с сайта. <http://www.vestnik.com/issues/1999/0525/koi/finkel.htm>

²⁵ Прот. Александр Киселев. Духовный облик генерала Власова...

застольные беседы и высокопарные фразы перед выдачей. Так, о. Александр, исходя из идеи «Третьей силы», заявляет: «Хотя его [Власова] никогда не посвящали в тайны заговора 20 июля, он достаточно хорошо знал о той самостоятельной и активной роли, которая в связи с этим предназначалась РОА в деле освобождения России... Согласно плану предусматривался немедленный мир на западе... а на востоке продолжение войны с превращением ее в гражданскую. Для этого была нужна хорошо подготовленная и мощная власовская армия».

А вот свидетельство Сергея Фрелиха, по словам Финкельштейна, честно и сурового коменданта власовского штаба, о его единственном контакте с членами группы немецкого Сопротивления. Случилось это в начале 1944 г.:

«...Я подробно описал планы Власовского движения — как свергнуть большевистский режим и воссоздать вновь национальную Россию. Меня внимательно выслушали, но в конце концов мой собеседник заявил: “Мы не будем вас поддерживать!” На мой вопрос — почему же? — последовал ответ: “Потому что ваши действия могут вызвать победу нацистской Германии, а этого мы не хотим ни при каких условиях...” Я помню еще мое возражение: “То есть вы придерживаетесь того взгляда, что прикончить кишечного червя (солитера), который угнездился в больном, можно только убив самого больного?” — “Да, — ответил мой оппонент, — это наше убеждение”»²⁶.

И Финкельштейн делает справедливый вывод: «немецкие друзья» поняли, что осуществление власовских планов невозможно путем ликвидации всего лишь «Сталина и его энкаведешников», хотя именно к этому с деланной наивностью призывали пропагандисты при помощи радиоусилителей и листовок, щедро разбрасываемых с самолетов. Требуется куда больше: «убить больного», то есть уничтожить государство, в желудке которого этот «соли-

тер» угнездился. Поражение СССР — это победа Гитлера и торжество нацизма, причем не только в Европе. Этого немцы-оппозиционеры допустить не могли. А «команда Власова»?

Именно поэтому Власов не хотел победы заговорщиков 20 июля. Вот свидетельство Фрелиха: «Я спросил у генерала, что произошло бы с нами, если бы покушение достигло своей цели, и Власов спокойно сказал, что нас выдали бы Сталину... [так как] новым представителям Германии пришлось бы принять любые условия победителей для начала переговоров. А раз до того дошло, Сталин не преминул бы потребовать нашей выдачи... Кто стал бы нас отстаивать, когда на карту поставлена судьба Германии и ее народа?»²⁷

И Финкельштейн выводит суровое, но безупречное заключение:

«Выходит, победа “друзей и единомышленников” грозила гибелью Власову и его Движению! Но поражение “друзей” грозило тем же, если вовремя от них не отречься. И Власов спешил, понимая, что только с нацистами, чья победа над Россией вела к ликвидации ее государственности и значительной части населения, можно достичь главной и такой естественной цели — выжить! Но беда в том, что “естественная цель” достигалась лишь противоестественным путем — и третьего не дано»²⁸.

Общая оценка текста о. Александра Киселева такова: «Рядом с серьезными книгами С. Фрелиха, К. Кромиди, В. Штрик-Штрикфельдта, Е. Андреевой, Ст. Ауски, А. Нерянина и некоторых других авторов сочинение о. Александра Киселева выглядит бездоказательным и порой наивным. Его вера в готовность союзников, едва добившись капитуляции Германии и не закончив войну с Японией, ввязаться в драку со Сталиным лишена оснований. Эта вера продиктована сознанием обреченности Движения при любом

²⁷ Там же.

²⁸ <http://www.vestnik.com/issues/1999/0525/koi/finkel.htm>

²⁶ Фрелих С. Генерал Власов...

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

другом развитии событий, но именно эту веру поддерживал Власов».

Временами Солженицын опускается до прямого лжесвидетельства и полной подтасовки фактов: «А приходилось же немцам иногда и правосудие вершить — например, над доносчиками советского времени — как расстрел дьякона Набережно-Никольской церкви в Киеве»²⁹. А вот что было на самом деле: «За чтение в храмах послания митрополита Сергия (Страгородского) в Киеве были расстреляны настоятель Николо-Набережной церкви архимандрит Александр (Вишняков) и протоиерей Павел Остренский»³⁰. Солженицын восторгается каминцами, считая их всенародным движением: «Мы не забыли и всенародное движение и Локтя Брянского: создание автономного русского самоуправления еще до прихода немцев и независимо от них, устойчивая процветающая область из 8 районов, более миллиона жителей. Требования локотян были совершенно отчетливы: русское национальное правительство, русское самоуправление во всех занятых областях, декларация о независимости России в границах 1938 г. и создание освободительной армии под русским командованием».

Возникает законный вопрос: откуда Солженицын это все взял? Или он не знал, что в июле 1944 г. бригада Каминского была официально включена в войска СС как «штурмовая бригада РОНА». Одновременно Каминский получил звание бригаденфюрера СС (при этом он не был членом НСДАП). Или он не знал о том, что творили каминцы и на территории России, и в Польше? О злодеяниях,

²⁹ Архипелаг ГУЛАГ. Часть 4. гл. 1.

³⁰ Псковский синодик пострадавших за веру Христову в годину гонений священноцерковнослужителей, монашествующих и мирян Псковской епархии XX столетия/Автор-составитель инокиня Валерия (Мельничук). Под общей редакций архимандрита Ермогена (Муртазова). Москва — Псков: Учреждение культуры, искусства, науки и образования «Духовное преображение», 2005. С. 4.

совершенных ими на Брянщине, достаточно говорит тот факт, что у них работала единственная в мире женщина-палач, Антонина Макарова, расстрелявшая 1500 человек из пулемета. А в июле 1944 г. каминцы подавляли восстание в Варшаве, о чем Солженицын пишет очень осторожно и трепетно. И понятно почему. Известно, что творилось во время этого подавления: жители домов выжигались огнем, раненых немцы пристреливали, детей привязывали к танкам в качестве живых щитов. Даже на этом фоне бригада Каминского отличалась особой жестокостью. Только за один день они уничтожили 15 000 человек. В результате 19 августа 1944 г. Каминский и его штаб были расстреляны немцами без суда и следствия. Причиной послужило сообщение о том, что бойцы дивизии изнасиловали и убили двух немецких девушек. Позже немцы объявили, что Каминский был убит польскими партизанами³¹.

Временами доходит до конфузов. Солженицын с восторгом пишет о 1000 человек ленинградской молодежи во главе с неким студентом Рутченко, которая подалась в леса под Гатчиной встречать немцев, чтобы бороться с ними вместе против большевизма.

А вот небольшая цитата из статьи Владимира Рудинского «Неполная биография» в газете «Наша страна» № 2037 от 19 июля 2003 г.: «Мы уже имели случай упоминать, что у известного публициста и политического деятеля Н. Н. Рутченко, члена НТС, есть налицо несколько вариантов его жизнеописания. “Новый мир” № 3 от с. г. дает ему новую версию, пером Д. Шеварова: Сын офицера — “дроздовца”, закончил исторический факультет Ленинградского университета, где учился на одном курсе с Львов Гумилевым. Участник финской войны, командир роты в начале Отечественной. Узник Заксенхаузена и Дахау. После освобождения союзными войсками попал

³¹ Добровольческое движение: историческая справка. — Цит. по материалам сайта стран Оси: <http://country-osi.narod.ru/roa.html>

в англо-американский лагерь, откуда сбежал. С 1948 года живет в Париже». А где же упоминается Байдалаковым в его воспоминаниях служба г-на Рутченко, Рутыча тож, чекистом в Прибалтике во время первой советской оккупации? И описанная там же служба в германских «войсках СД»? И пребывание в Италии, о котором когда-то писал Сукачев в «Новом русском слове»? И служба там в английской армии в период насильственных репатриаций казаков и кавказских горцев? Да и в Париже он появился вроде бы в 1942 г., а не в 1947 г., о чем он тогда же писал в журнале «Знамя России» в Нью-Йорке. Солженицыну он же рассказывал ещё по-другому: «А группа ленинградского молодежи свыше 1000 человек (студент Рутченко) вышла в леса под Гатчину, чтоб дожидаться немцев и бороться против “сталинского режима”». Позвольте! А как же он тогда «командовал ротой» в советской армии? И ужасно хотелось бы уточнений: за что и почему он сидел «в Заксенхаузене и Дахау»? Решительно, г-н Рутченко, есть Протей, непрерывно меняющий формы! не порадует ли он нас в дальнейшем еще какой-либо новой историей своей жизни?

Так что не поймешь, кто у него борец с нацизмом или большевизмом, узник Дахау или палач? Скорее всего, изрядная часть героев «антибольшевистской борьбы» были просто прохвосты, для которых важна была власть — портфель и пост. Это — активисты, прекрасно изображенные Иваном Солоневичем: «Рядовые винтики, оставшиеся у немцев, очень скоро убедились в том, что при немцах даже и воровать гораздо проще. Рядовым винтикам было бы все равно: чи Сталин, чи Гитлер, только бы власть, портфель и пост... На “молодую сволочь”, у которой никакой идеи и в заводе нет, ставили свою ставку и на ОГПУ, и на гестапо: это самый подходящий человеческий материал. Единственный человеческий материал, готовый жечь, вешать и пытаться во имя портфеля, все равно какого — гитлеровского или сталинского... Какие

были бы шансы у русского мужика справиться с аппаратом ОГПУ и гестапо, спаянными в один кулак?»³²

Так что с исторической точки зрения солженицыновские тезисы критики не выдерживают. А с нравственной? Рассмотрим следующий пассаж Солженицына: «Возьму на себя сказать: да ничего бы не стоил наш народ, был бы народом безнадёжных холопов, если б в эту войну упустил хоть издали потрясти винтовкой сталинскому правительству, упустил бы хоть замахнуть-ся да матюгнуться на [Отца родного]. У немцев был генеральский заговор — а у нас? Наши генеральские верхи были (и остались посегодня) ничтожны, растлены партийной идеологией и корыстью и не сохранили в себе национального духа, как это бывает в других странах. И только [[низы]] солдатско-мужицко-казацкие замахнулись и ударили. Это были сплошь — [[низы]], там исчезающе мало было участие бывшего дворянства из эмиграции или бывших богатых слоёв, или интеллигенции. И если бы дан был этому движению свободный размах, как он потёк с первых недель войны — то это стало бы некой новой пугачёвщиной: по широте и уровню захваченных слоёв, по поддержке населения, по казачьему участию, по духу — расчитаться с вельможными злодеями, по стихийности напора при слабости руководства. Во всяком случае, движение это было куда более народным, [простонародным], чем всё интеллигентское “освободительное движение” с начала XX века и до февраля 17 г. с его мнимо-народными целями и с его октябрьскими плодами. Но не суждено было ему развернуться, а погибнуть позорно с клеймом: [[измена]]»³³.

Отметим, что именно отсюда вырастают такие опусы, как «Трагедия России» прот. Георгия Митрофанова, где

³² Солоневич И. Л. Акция генерала Власова // И. Л. Солоневич Коммунизм, национал социализм и европейская демократия. М., 2003. С. 35.

³³ Архипелаг ГУЛАГ.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

почти дословно воспроизводится этот тезис Солженицына о том, что «власовцам не дано было стать героями, но они могли ими стать».

Ложью является тезис Солженицына о том, что власовское движение было низовым, народным. Организовывали его те же советские генералы, под присмотром СС и СД. Образовался какой-то противоестественный нацистско-коммунистический симбиоз.

Иван Солоневич справедливо замечает: «Нельзя же объяснить простой случайностью тот факт, что к руководству власовской армии были допущены одни коммунисты, которые в 1943 и в 1948 годах называли себя “бывшими коммунистами”. Я не верю в “бывших коммунистов”, ибо принадлежность к коммунистической партии вовсе не ограничивается наличием партийного билета, она определяется наличием “партийных навыков”, от которых отвязаться не так-то просто»³⁴. Солоневичу неведомо было модное ныне слово «ментальность», но в своей работе он показывает потрясающий пример коммунистической ментальности власовских вождей: «Мою книжку “Большевизм и крестьянство”, которую я не под своим именем пытался выпустить в Праге, власовская цензура запретила за критику “ликвидации кулака как класса”. Об этой ликвидации русского мужика мне Жиленков рассказывал в тонах искреннего партийного энтузиазма...»³⁵ И конечный вывод Солоневича строг, но неопровержим: «Никто не стал бы рекомендовать нести в Россию знамя монархии под прикрытием Гитлера и Гиммлера, Власова и Жиленкова. Все эти четверо были людьми одного и того же порядка: Власову была предоставлена только показательно-строевая часть “армии”, а политику этой

армии проводил Гиммлер руками Жиленкова. Как бы мог я, монархист, стать под управление такого двуглавого орла, одна голова которого состояла бы из гестапо, а другая — из ГПУ»³⁶. И как раз коммунистическая ментальность неудержимо прорастает из Солженицына. Он восторгается «несостоявшейся пугачевщиной», прямо в духе коммунистических историков типа Покровского, забывая и о возможных заграничных пружинах этого мятежа и жестокостях, мерзостях и свинствах, которые сотворили пугачевцы³⁷. Так и хочется сказать: с кем вы, мастера культуры? Определитесь! Либо вы против классовой борьбы во всех случаях, либо за нее. А то, получается, есть свои бунтовщики и разбойники и не свои. Как сейчас: у Америки есть свои террористы, хорошие, скажем чеченцы, и не свои, злые талибы...

С одной стороны, Солженицын ненавидит Ленина и ленинскую идею превращения «империалистической войны в гражданскую», но охотно приемлет ее для власовцев. А почему — потому что против Сталина.

Подобная концепция связана с ненавистью к советскому строю, которая, может независимо от воли автора, переходит на историческую Россию. Но ненависть глушит разум. А сон разума рождает чудовищ. К сожалению, солженицыновская концепция власовского движения нашла продолжателей и в наши дни. Это — книга прот. Георгия Митрофанова «Трагедия России», это и работы Кирилла Александра, Г. Х. Попова. Названные авторы — отчасти жертвы холодной войны. Но отчасти и ее же орудия.

Разговор о Солженицыне на самом деле требует отдельной книги. Будем считать, что первая глава написана. Продолжение следует...

³⁶ Там же. С. 94.

³⁷ Вот один лишь из эпизодов. Пугачев вошел в алтарь, сел на церковный престол и сказал: «Как давно я не сидел на престоле»... Церковь Георгиевская была осквернена даже калом — лошадиным и человеческим.

³⁴ Солоневич И. Л. Акция генерала Власова. С. 33.

³⁵ Там же.

Реставратор — Андрей Павлов-Арбенин

Глава из рукописи Б. В. Асафьева
«Музыка моей Родины»:

РУССКИЙ НАРОД, РУССКИЕ ЛЮДИ — ХАРАКТЕРЫ, БЫТ

(окончание, начало в предыдущем выпуске журнала)

«Полна, полна чудес могучая природа» или как Похвала пустыне, то есть поклонения природе в «Китеже» Римского-Корсакова и «Волшебном озере» Лядова, где симфоническое — размышление о красоте природы и созерцание здесь отчетливо довлеет над просто звукописью, — почти единичны. Но быт и природа в их совместимости, как и быт народной жизни — и сельский и городской — находятся в живой переключке с человеческими образами и взаимно друг друга характеризуют. Например, в русских исторических и бытовых операх изобретения тех или иных ситуаций, как то: народная сцена в начале II акта в «Царской невесте» (под вечер...) Римского-Корсакова.

Народные сцены («Любо над за Окой») в «Чародейке» Чайковского, инструментальный ноктюрн (интермеццо ночи) в «Дубровском» Направника, затем часто встречающаяся музыка циров — «Руслан», «Рогнеда», «Царская невеста», а в симфониях — состояние праздничности, веселья. И в операх и симфониях — народные игрища и гулянья, эпизоды и финалы славнения, торжественные встречи и радостные события. Тут и музыка крупных картинно развитых форм (например, Воскресная увертюра Римского-Корсакова), и характерные лирические сцены небольшого протяжения, лаконичные и емкие: например, во «Временах года» Чайковского — «Масляница» (февраль), Песня Косаря (июль), Жатва (август), На тройке (ноябрь). В них и сочная мелодическая волна, удаль, раздолье и задорная ритмика. Любопытно сравнить деревенские сцены Мусоргского и Чайковского для фортепиано. У Мусоргского В деревне (Un Village, Quasi Fantasia, соч., по-видимому, 1800 г.), у Чайковского «Думка», русская сельская сценка (1886) и предшествующая ей на восемь лет пьеса «В деревне» (1878) из популярной серии 12 пьес средней трудности.

Особенное место в лирике русского быта занимает музыка вечерних настроений. Тут и ряд ноктюрнов Чайковского, Глазунова, Бородина, и вокальные эпизоды. Например, среди романсов Чайковского — тишайший ласковый Вечер: «Вишневы садик возле хаты» (1875), «На землю сумрак пал» (1880), «Уж гасли в комнатах огни» (1887), «Закатилось солнце», «Мы сидели с тобой» (1893) — прекрасные своим тонким сочетанием личных переживаний с акварелями окружающего быта и природы в сумерках. К ним можно присоединить дуэт «Вечер, солнце утомилось» (1880) и «Ночь», вокальный квартет на музыку из четвертой фортепианной фантазии Моцарта (1893).

Нельзя тут же не выделить цикл, хотя и из разных романсовых опусов Чайковского, его «Ночи», русские ночи, по колориту только

взаимоотличные, а по нюансам чувства — тонко перекликающиеся друг с другом, образующие нить размышлений и звено за звеном — цель «ночных часов». Если слушать эти романсы, сближая их, действительно переживаешь, словно час за часом, смены душевных забот и восторгов, высоких помыслов и тоски одиночества: Вчерашняя ночь, Ночи безумные, Ночь: «Отчего я люблю тебя, тихая ночь», «Нам звезды кроткие сияли» — 1886 г.; Ночь: «Меркнет слабый свет свечи», «В эту лунную ночь» — 1893 г. Начинать этот цикл хорошо майским ноктюрном Белые ночи (из однажды упомянутого фортепианного цикла 1875–1876 гг. «Времена года»), а чтобы выйти из данного круга, можно вспомнить о дуэте «Рассвет»: «Занялася заря» (1880, шесть дуэтов). В целом — в тишине запечатлевается страница за страницей, эпизод за эпизодом мир родных чувствований, дорогих сердцу поэтических звуков. Это, конечно, не обыденно бытовая музыка и не ответственные раздумья, за которыми пустота в сердце и вокруг, но музыка настороженной русской души и биения личной жизни в тесном соприкосновении с бытовым окружением*.

В контрасте этому строю сумеречных вечерних и ночных часов и звукописи ночи находится сфера русского танца — от характерных оркестровых сцен народного веселья до музыки камерного танца и танца семейно-бытового, особенно области вальса. И тут опять впереди — Чайковский. Он добился от вальсового ритма такой гибкости, что подчинял его любимым желанным ему лирическим метаморфозам (это и в балетах, и в симфониях, и в камерной области, вплоть до вальсовых романсов; стоит только назвать «Средь шумного бала»). Никто из русских композиторов не умел так совершенно выразить свое и родное окружающее в глубоком ритмо-интонационном содержании вальса, поведать свои думы, и людей, и быт эпохи с таким широким диапазоном душевности⁹⁾.

Чайковский превратил вальс в одну из восприимчивых и чутких форм русской музыки и придал этому танцу симфоническое значение. Вальс-элегия, вальс-интимное признание, вальс-легкая шутка или беспечная игра, вальс-веселье домашнего круга (в опере «Евгений Онегин» и декабрьский святочный вальс из «Времен года»), вальс-полька зимнего сказочного леса в «Щелкунчике», вальс многообразных романтических видений и жутких образов и все же очень русский симфонический вальс из Третьей сюиты.

Вот вальс праздничной придворной пасторали («Спящая красавица») и почти аналогичный, но с оттенками романтической баллады вальс «Лебединого озера», а наряду с ними вальс балдного пошиба, но переведенный в сказочный счастливого миража — финал «Щелкунчика». И вновь серия интимных, то сумеречных, то светлых вальсов: балладно-лирический фа-диез минорный из 12 фортепианных пьес (ор. 40) и там же элегантный вальс ля-бемоль мажор, наконец, Ната-вальс, вальс девического флирта капризно-кокетливой ритмикой (из шести ф.-п. пьес, ор. 51, 1882 г.). Там же Сентиментальный вальс и салонный вальс: три аспекта вальсовой лирики в одной небольшой серии, где есть два танца-польки и менуэт и в качестве лирического сосредоточения — романс. Серия эта любопытна ясным стремлением к общительности, желанием оставить по себе любезную память в кругу знакомых. Отсюда ее салонно-лирический стиль приятных встреч и мимолетных бесед.

* К очень чуткому виду раздумий отношу цикл лаконичных «встреч с жизнью»: «Мимолетности» С. Прокофьева (пьесы для ф.-п.).

И все-таки лириком безразличного «общего» чувства Чайковский никогда не остается и в такого рода вальсах, ибо и здесь «в музыке среди салонных разговоров», есть мгновения задушевных высказываний — лирика «Памяти сердца».

Не обо всех вальсах Чайковского здесь рассказано, да и как о них вызвать представление словами. В них столько доступных лишь очень чуткому слуху зыбких интонационных оборотов! Они принадлежат только музыке. Впрочем, в классической русской поэзии и литературе — множество лирических моментов, которые невольно ассоциируются с вальсовой лирикой Чайковского.

Лермонтов — не поэт Чайковского, но в его замечательной психологической поэме-отрывке («Сказка для детей») о расцветающей в одиночестве девушке («Тихий дом казался пуст»):

Она росла, как ландыш под стеклом,
Или скорей, как бледный цвет подснежный... —

в этой поэме есть три момента, которые хорошо передают некоторые образные черты вальсовой поэзии Чайковского и указывают на родники русской вальсовости первых балов:

Тогда она сходила в длинный зал.
Не бегать ей в нем как-то страшно было,
И как-то странно детский шаг звучал
Между колонн...
Ее смущали странные мечты,
Порой она среди пустого зала
Сиянье, роскошь, музыку, цветы,
Толпу гостей и шум воображала;
Кипела кровь от душной тесноты.
На платянице чудесные узоры
Виднелись ей — и вот гремели шпоры:
К ней кавалер незримый подходил
И в мнимый вальс с собою уносил...
...И с бледностью печальной на лице
Вступала в залу. Станный шепот встретил
Ее явление — свет ее заметил.
Кипел, сиял уж в полном блеске бал.
Тут было все, что называют светом...
Не я ему названье это дал,
Хоть смысл глубокий есть в названье этом.

Если сюда присоединить несколько фрагментов из «Русских ночей» — новелл и размышлений В. Ф. Одоевского, если освежить память чудесными стихами из поэм Баратынского: Бал (уже самое начало поэмы) и Цыганка, и из лермонтовского Маскарада, если вспомнить, как насыщена была ритмами вальсовых вращений русская классическая поэзия ямбов и амфибрахий, особенно в романтическом периоде своем, начиная с Батюшкова («О, память сердца»), Пушкина («Я вас люблю — хоть я бешусь»), Баратынского («Разлука»:

Расстались мы, на миг очарованьем
На краткий миг была мне жизнь моя...

и т. д., включая Фета «Давно под волшебные звуки» — романс Аренского, в зеркале задушевной мимолетной лирики, которой отражено не одно жемчужное ожерелье из стихов русских поэтов-лириков, А. Толстого

(«Средь шумного бала») и Полонского (Маска: «В пестроте, в многолюдстве собранья»)*, то вальсовость Чайковского во всех ее просторных душевных далях и глубинах сердца не покажется неожиданной.

Наличие вальсовых ритмических возможностей в стихе не означает обязательности вальсовой ритмо-формулы для композиторов. Нельзя, однако, не считаться тут с возможным взаимодействием лирических интонаций поэзии и музыки в эпоху, когда вокруг образа: *Бал* и в жизни, и в литературе возникало, так психологически естественно, бесчисленное множество «памятей сердца» и поэтических ассоциаций. Первый, кто в музыке запечатлел своим вальсом обобщенный образ русской вальсовости, был, конечно, Глинка с его *Valse fantaisit* (Вальс-фантазия, 253), и потому прав был Глазунов, когда в свою очередь в музыку к «Маскараду» включил отзвуки именного глинкинского вальса.

Впрочем, и сам Глазунов продолжал в сфере вальсовости достигнутое Чайковским и Глинкой, склоняясь, однако, более всего к вальсу ярко-пышному, виртуозному, блестящему. Глазунов — композитор своего рода русского барокко последних империй. Он тяготел к реставрационным празднествам былого барства, в новой оболочке и во многом, как теперь в его музыке слышно, был близок к тому, что *видится* в живописи эпохи «Мира искусства», хотя при его манере звукового письма — письма тяжелых драпрей и веских тканей — его вальсы уже потеряли романсовую напевность мелодий Чайковского и ощущение воздуха, дыхания и аромата русских усадебных парков с их пушкинской природой!

Задумчивость ее подруга
От самых колыбельных дней,
Течение сельского досуга
Мечтами украшала ей... —

так словами Пушкина о Татьяне можно сказать о русском вальсе и особенно о лирических вальсах Чайковского потому, что он совсем почти лишил вальсовость ее чужеземных черт, наделив мелодику вальса напевностью русских песен-романсов.

В пышности глазуновских вальсов и светлой их пасторальности есть, однако, черта, очень для композитора характерная и очень глинкинская: блеск русского артистизма, неподдельность искреннего, не вызванного какими-либо искусственными наигранными влияниями. Артистизм Глазунова — его душа, его мироощущение. В нем жизненный сок и родник его восхитительной фантазии. Отсюда и мог возникнуть неповторимо прекрасный вальс — фантастический вальс в «Раймонде», опровергающий все плоские представления о русской фантазии как о чем-то болезненном, надрывном. В таких произведениях Глазунова, как и в музыке глинкинского Ратмира, *искрится* радость — жить. Редко кто в такой цельности умеет передать это в искусстве, передать не отражение, не надуманно: «Вот моя природа, вот моя артистическая доля и чувство жизни». Фантастический вальс в «Раймонде» смыкается и с трактовкой Глазуновым пушкинского гимна солнцу-разуму (Вакхическая песнь) и с *Осенью* — вакханалией одержимости радостью из «Времен года» — праздником плодородо-

* Этот один из вальсовых романсов принадлежит С. И. Танееву и обнаруживает плененность его созерцательнейшего мудрого сознания романтической лирикой. Впрочем, данный романс не единственный пример такого пленения и не одинокий у Танеева.

дия и с финалами некоторых его симфоний, с их музыкой шествий, венчаний, массового одушевления... Но дальше среди всего этого фантастический вальс остается особенным, «самим собою», словно о нем говорит за себя красота естественного права человека на радость воображения, источника изобретений ума и великих предчувствий сердца, а вовсе не напитка забвения. К жизни, а не от жизни — такова сущность артистизма и художественного воображения Глинки, нашедшие в Глазунове живой отклик!..

Очень трудно, говоря о значении танца в русской музыке, разделить эту сферу на четкие границы: народная танцевальная музыка, танец городского домашнего и общественного быта и театральные и симфонические танцы, — редко не питаются не родными источниками или непосредственно или сквозь призму композиторской фантазии. Чайковский начинает уже с первых своих сочинений идти по пути симфонизации народного характерного танца (Характерные танцы 1865 г. переключаются им в 1868 г. в Танцы сенных девушек в опере «Воевода»). Эта линия идет через все творчество композитора то в сторону большей лиричности, то в большую динамичность: задор, сила, удадь, лихость. Образуются даже «типовые варианты» общих стилевых отраслей различного рода танцевальных жанров. В финале второй симфонии (1872) Чайковский через искусство вариантности достигает большого размаха музыки из плясово-развиваемого напева (украинская тема: «Журавель»). Такой финал являлся выдающимся событием в эволюции симфонии в России на народно-песенном танцевальном фундаменте. Энергия, а не элегическое размышление, становится главным содержанием симфонического действия.

Что касается эпизодических опорных русских характерных танцев, то тут Чайковский, конечно, вместе с Даргомыжским, Серовым, Римским-Корсаковым (оргиастическая пляска скоморохов в «Снегурочке») искал через элементы народной хороводной плясовой лирики и ее динамики способа внести в строй и ритмику оперности — яркость, стройность, удадь русской поступи. Тут и обрядовые хождения. Такие сцены — игровые и плясовые — как Яр-хмель в «Царской невесте» Римского-Корсакова, у него же пляс подводного царства в «Садко», затем древнерусские весенние обрядовые хороводы: «Ой, дид ладо, сеяли...» («Майская ночь», «Снегурочка»), великолепные зимние колядки в «Ночи перед рождеством» и «Черевичках» (Римский-Корсаков и Чайковский), упомянутые сцены во «Вражьей силе» Серова — все это русская быль!

Наконец, во множестве обработок народных русских песен, начиная с Балакирева, затем Чайковского, Римского-Корсакова, Лядова — и у него особенно остроумно-образно, — постоянно включаются хороводные и плясовые песни народно-обрядового и семейно-бытового уклада. В них так рельефно слышна русская жизнь и в ней — образы русских людей. И за всем тем, что записано классиками русской музыки, давно уже вошло в жизнь музыки многое-многое, внесенное трудами собирателей и композиторов — наших современников. Вошло уже не в качестве отдельных эпизодических явлений, а как живая ткань музыки СССР. Главное, фольклор в музыке перестает восприниматься только как объект обработок. Как народное творчество формы фольклора равноправны формам индивидуального художественного сочинения. Фольклор обнаруживает своих мастеров, так как является художественным творчеством народного ума и сердца и входит равноправной струей в общую жизнь советской музыкальной культуры.

Это невольное отклонение делается из необходимости подчеркнуть, как были глубоко правы русские композиторы-классики, упор-

но обосновываясь на народных интонациях и ритмах во всех формах и жанрах музыки, не избегая ни городской общепонятной лирики народных слоев, ни обширнейшей области танца с его жизнерадостностью, что внесла музыка народного русского танца в то художественное отражение, какое накапливалось классической музыкой. Конечно, красование удалю, поступью смелой и мужественной, и красование девичьей пластикой и плавной лебединой повадкой*. На этом основывается ритм музыки? и из него и на нем возникают мелодии, гибкие и тоже словно собою любующиеся, как лебеди в зеркале вод. Недаром эпитет лебединый является одним из любимых в русских представлениях о плавности, о степенной красоте женских образов**.

Что касается песен-плясок мужских, то и ритмика и пластика народных напевов подсказывали композиторам прежде всего яркие картины красования национальной силой и выдержкой, переходящий в «смены смен» душевных состояний, как у Пушкина:

То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Все это так понятно: русская опера как национальное явление возникла и укрепилась, когда еще был цел крестьянский быт с его обстоятельными обрядами и таким замечательнейшим из них, как свадьба, являвшая собой всю полноту народного художественного действия.

Песня жила в любом быту. Взять середину 30-х годов прошлого века, переломный и решительный момент в развитии русского музыкального театра. Глинка, как в свое время Петр I, пересоздавший государство, перенес русский музыкальный национальный театр на новый путь. Тогда, рядом с культурой музыки русского народа — уже «петровского питомца», — цвела еще полным цветом во всех своих жанрах устная традиция музыки — и сельская, и на посадах же в поместных и городских усадьбах. Песня была равно слышна и в концерте, и в людской, и в хорах, и в трактире, и в пути (ямщицкие песни), и на завалянках.

В Москве был тогда (30–40-е годы) любимец публики — певец Бантышев. Он пел в концертах русские песни и романсы. У него был голос чистый и мягкий тенор с приятным тембром. Он пел живо и с увлечением. Его исполнение романсов вызывало в театре взрыв аплодисментов. Особенно же нравилось, как он пел русские песни, в них слышались удаль и грусть***.

* Мы имеем гирлянду танцевально «плавной поступи» или светлых и ясных девичьих красований в ряде русских опер: славянских танцев в «Русалке» Даргомыжского, несколько раздумчивый танец девушек в «Рогнеде» Серова. Русский танец в «Черевичках» Чайковского — элегического характера, «Яр-хмель» в «Царской невесте» Римского-Корсакова. Все это примеры задушевнейшей песенной пластики. Пластичность ритма и интонаций доводится тут до портретности, до живописности обликов русских девушек и женщин.

** Весьма вероятно, что столь широкая популярность балета Чайковского «Лебединое озеро», где нет ни народно-русской сказочности, ни песенности, все-таки живет русскими народными представлениями о лебединости женской красоты. Такая красота видится сквозь всю сложную символику балетной классики и его насквозь овевана и музыка Чайковского. В своих интонациях «Лебединого озера» она звучит глубоко по-русски, хотя в них дает знать ассимиляция западноевропейского романтического звукового материала.

*** Воспоминания Александры Владимировны Щепкиной (М., 1915). В доме сестры Станкевичей. Сестра Маша (С. III).

Очень важно иметь в виду, что в годы, в которые началось решительное развитие русской оперы, интонации былой народной музыки звучали повсеместно. Они жили в воздухе. Они составляли некий устный интонационный словарь, из которого у многих людей были на памяти не только сотни народных напевов, но даже различные их варианты.

Песнями, плясовыми народными напевами была насыщена вся атмосфера домашнего музицирования. Слух композитора с детства питался сверх других музыкальных впечатлений песенным языком народа.

Свадебный народный обряд составлял, естественно, вершину стариннейших крестьянских обрядов-действ. Вполне понятно поэтому его частое включение в драматургию русского музыкального театра, что и можно наблюдать с «Ивана Сусанина» (приготовление к девичнику) и «Руслана и Людмилы» (свадебный пир) Глинки. В «Русалке» Даргомыжского и в «Опричнике» Чайковского свадебный пир вклинивается в драму. Тематика несостоявшейся или прерванной свадьбы становится одной из привлекательных для драматических оперных ситуаций, дожив в том или ином варианте до современной эпохи (С. Прокофьев — опера «Семен Котко»)*.

Свадебный обряд в своей древне-стадиальной родовой сущности, в облике крестьянского быта превратился в объект драматического действия в «Свадебке» Стравинского, произведении исключительной художественной смелости в отношении теснейшего приближения к комплексным звучаниям быта, при полном включении «оперности». И тут же — совершеннейшее художественное мастерство, абсолютная дисциплина творчества, острый наблюдательный слух, изощреннейшая запись интонаций, лаконизм языка и формы. Только то, что необходимо и как необходимо услышать впечатления — столько композитором и отмерено. Типичное бытовое становится здесь человеческим исконным действием вымалывания плодородия, ничего чувственного, никакого эстетского любования эротическим в «Свадебке» нет, как нет и любящих героев. Жених, невеста — вообще люди. Впереди для них — семья. Века собрались и отпечатались в этом великом обряде¹⁰).

Само собой разумеется, что хоры, получившие в русской музыке столь громадное значение, участвуют в действии не только в качестве пассивных наблюдателей.

Народ бунтующий, пирующий, страдающий, радующийся, восторженный, народ в отдельных группах или персонажах отображен свежо и мощно едва ли не у каждого из русских классиков музыки. Но они же поднялись и выше: народ-деятель, народ — хранитель государства, а иногда, словно поднявшись и над собой, народ — судья и мысль. Замечательно это нашел и почувствовал Глинка еще в интродукции «Сусанина»: «В бурю, во грозу».

Кончилась увертюра. Поднимается занавес. Звучит могучий голос хора. Очень трудно услышать в интродукции, в крестьянах на сцене, только бытовых крестьян, которые будут вскоре встречать ратников, а дальше сочувствовать молодым, желающим ускорить свадьбу. Словом, на какой-то момент хор выключается как фигуры из народа, а воспринимается как властный голос народа и образ-понятие. Так же и в финале оперы в гимне «Славься» опять народ — могучий образ. Безусловно, тут могла в Глинке говорить ораториальная логика. Он любил и

* Примеры: «Млада» и «Китеж», «Царская невеста» и «Золотой Петушок» (саркастическое свадебное шествие!), да, в сущности, и «Садко» (с импровизированной свадьбой у «ракитова куста» в подводном царстве).

глубоко понимал Генделя. Но последовательность такого рода оперных переключений хора и хоров народа в идею-образ Народа — и это не у одного только Глинки — указывает на перерастания оперно-бытовых картин и сцен в ораториально-симфоническое действие.

Возьмем «Хованщину» Мусоргского. Чем так волнует и вызывает даже требования повторения хора в заключительной сцене в стрелецкой слободе? Неужели так волнует сама драматическая ситуация со стрельцами? Они в своем сюжетном жизнеповедении вовсе не отличались привлекательностью, чтобы так им соболезновать. Произошло переключение смысла: стрельцы уже не бытовые персонажи. В них зазвучал голос народа, образ высоких помыслов, ибо данный момент — момент расставания не с Хованским: его уже нет, он обречен историей, хотя и стоит еще перед стрельцами, а прощание со старым укладом жизни (жизни своей же, родной, русской!) на грани новых времен. Мусоргский — великий музыкальный драматург. И он глубоко и точно разгадал момент, когда люди, изображавшие на сцене быт, превращаются в судей самих себя, в голос истории.

Вот почему и в русской симфонической музыке оказалось возможным одно творческое явление, которое изумляет своей почвенностью, коренастостью и неповторимой красотой внутреннего величия, раскрывающегося через импозантную внешность. В мысли у меня, конечно, вторая богатырская (действительно метко названа!) симфония Бородин, произведение величайшей значимости.

Если подойти к нему с бытовых позиций, как делали не раз, то не только можно, но и естественно увидеть в симфонии и пиршество, и певца на пиру, и старинные костюмы, и поступь пирующих, словом, весь княжеский быт древнего ли Киева или Тмутаракани. Бородин пишет так сочно и ярко-изобразительно, что по его звукописи можно мозаики восстановить. Но ведь все эти реставрации живописного из звукописи всего скорее либо дань восхищения поразившей нас музыке, либо одно из средств рассказать о ней. На самом же деле, мы всегда хорошо знаем: музыка носит в себе больше и глубже, чем удалось выразить словами.

Бытовая выразительность бородинской симфонии несомненно ей присуща, ее массивы, ее светотени, динамика и ритмика действительно соответствуют не только нашим представлениям о богатырском, но и чувству богатырства как совершенной степени мужества и красоты, силы и энергии. Мощностъ, величие, энергия предельно стянутой спирали — вот начало, заставка симфонии. В этой всепокоряющей унисонной фразе слышится былина о Святогоре: никому не сдвинуть русского народа с родной земли! Слышится, как чей-то на дальние просторы прокатившийся суровый, грозный глас.

Невольно вспоминаются лучшие стороны державинских од, пушкинских стихов из Корана или его же Пророка. Не хочется раскрывать поэтические образы один за другим с того мига, как ринулся в воздух порыв музыки торжествующего *allegro*. Важна выразительность и убедительность симфонии в целом.

Взяв тон, интонацию непоколебимой уверенности и раскидав ее в звучаниях удали и любования, словно в блеске струй, взвившихся струй тютчевского фонтана, Бородин уже на всем пространстве симфонии этого тона не опускает. Меняются темпы, размеры, нюансы, формы каждой из частей симфонии. Меняются состояния, движения. Скерцо стремится, будто конь под джигитовщиком; наоборот, в медленной части музы-

ка почти недвижима, будто красавица, очарованная пением, слушает себя же, застыв в созерцании. Радостно и в финале: соревнование ли то в боевых играх или взрывы веселья на пиру! Музыка звенит и пенится. Одно главное ощущение исходит ото всей симфонии — утверждение силы, вернее, торжества существования, красования жизни, любования жизнью. Но выражено это здоровое жизнерадостное утверждение в волнующей осязаемости образа родной страны, откуда возникает неприменное желание отыскать программу, изобразительную нить музыки симфонии. Звуковое, из звуковых отражений возникающее зеркало всей родной страны и народа, вкорененного в землю, народа, у которого «силы переливаются», по былинному образу. С этой музыкой почти не ассоциируются слова, определяющие колорит краски, светотень, воздух. Нельзя сказать, что степени человеческого движения — порывистость, нервность или стремительность — являются главным стимулом развития. Развития? Да есть ли оно в этой особенной из вообще особенных русских симфоний-состояний? Страна — вот образ бородинской симфонии. Страна и то, что трудно выразить: то, как народ, народ необъятных пространств, чувствует себя и осязает эту беспредельность, подчеркиваю, осязает весьма материально, прочно опираясь на землю¹¹⁾.

Вся симфония — состояние колоссального организма, его дыхание, мощное, глубокое, длительное. И состояние это отражено в различных фазах проявления жизни, в любовании своими силами, своим чувством, в играх и в веселье, как торжестве плодородия земных благ. В этом смысле финал симфонии, действительно, гигантский пир и русская ваххическая ода радости*. Впрочем, былинные образы связываются с симфонией на всем протяжении музыки, но дело тут не в отдельных бытово-былинных этикетках. Страна — ее дыхание, сила — радость сознания, живость — осязание земли, мужество, достоинство — вот все эти и близкие к ним ощущения собраны Бородиным богатырской хваткой несоизмеримого таланта.

Вовсе нельзя сказать, что вторая симфония Бородина — это пример гениального музыкального зодчества. Ее собранность — это хоровод мыслей вокруг стержневой объединяющей культовой идеи родной земли, как в «Руслане» Глинки. Правда, здесь Бородин сконцентрированнее, чем где-либо. Конечно, перед ним носились основные контуры всего произведения, но создавал он ее не как зодчий музыки. Он шел индуктивно. Его творчество напоминает неторопливое плавание по гигантской русской реке. Русло в общих чертах известно, но сколько на пути еще неведомого, прекрасного!

В Бородине-композиторе отражались ум и метод ученого: он длительно наблюдает и по ходу наблюдений обобщает. Оттого в каждой определяющей образ интонации у него — сок, сочность, свежесть. Стержни бородинской музыки — результат продуманных наблюдений и ощущений, и уж если Бородин что закрепил в том или ином звуко-облике, он схватил явление метко и цепко. Разбавлять его образы невозможно. Можно их, конечно, отесывать и полировать по редакторским желанием (что и происходило), но там, где чувствуется коренное, бородинское, уже всецело сложившееся, его здравым ясным умом и сердцем выношенное звуко-сочетание, — там ничего не сдвинуть, не сломить. Именно не сломить: такие бывают стебли у растений.

* Нечто общее в ощущении веселья жить, полноты жизнерадостности роднит бородинский финал с финалом седьмой бетховенской симфонии.

Беда для музыки русской оказалась в том, что Бородин, наблюдая и накапливая много, так сказать, сочных заметок, превращал их лишь время от времени в довольно крупные «статьи и отчеты». Он не ускорял мерного хода своего плаванья по намеченному руслу и доводил свою мысль до зодческой оглядки на собранное в редких случаях. С «Игорем» так и вышло: оборвалась жизнь Бородина, прежде чем он как музыкант-зодчий взялся за обобщение всего материала, хотя были возведены прочные основания и часть сводов. Со второй симфонией — иное дело. Упругими темами, изумительной рельефностью их, свежестью интонаций Бородин заложил фундамент и вывел стены солидной прочности. Мельчить композицию он явно не хотел. И сколь бы ни была необходима действительно помощь друзей, толкавших композитора (я не уверен в том, что она действительно была неизбежна. — И. Г.), эта симфония всецело насыщена бородинством, его громадным собирательным мерным творчеством.

Для каждой из типично бородинских интонаций надо было уметь так мобилизовать свой талант, вкус, зоркость слуха, чтобы не пройти мимо особенностей сочного материала, заметить их и обобщить в драгоценную жизнеспособнейшую интонацию, устойчивую на долгое время.

Вдумываясь в рукописи Бородина, вдумываясь в путевую нить его замыслов, чувствуешь упорное, зоркое стремление уловить образ, — но смысла русского: в стране, в народе, в исторической жизни уловить основное. Характерное. Масштабы. Поступь. Сознание своей силы и здоровья*.

Римский-Корсаков, глубоко ценивший и любивший Бородина, отмечал в нем именно эти качества и в отношении второй симфонии правильно указывал на верность данного Стасовым эпитета: богатырская**.

В ней Бородин успел рассказать все главное из своих разысканий русского, и симфония — величавый художественный сдвиг русской мысли в музыку: русская правда о родной стране, как в «Игоре», правда о национальных характерах и их высокочеловеческом благородстве и чувстве достоинства, рядом с темой: степь — слепая («анархическая воля» — осознание русской государственности).

Но в «Игоре» Бородин в изображении теневых характеров русской исторической действительности уступал порою натуралистическим вкусам. Он привнес в свой замысел штрихи, не отвечающие высокой патриотической концепции «Слова о полку Игореве». Пьяная сцена у князя Галицкого с ее «красочной музыкой разгула» тем досаднее, чем сильнее и ярче она акцентируется в театрах. Снижая величие эпоса, она ничего не достигает сюжетно: характер Галицкого остается грубым пятном, ничего не меняя в ходе событий, и остается «без своей судьбы». Наоборот: неведомый автор «Слова» гениально ощущал прекрасное в истории. Он чувствовал, что нельзя поэтизировать то, преходящее в быту, что не изменит в конечном счете действительного хода вещей в стране¹²).

Впрочем, кто знает, останься Бородин жив, он повернул бы в окончательной форме концепцию оперы. Неизвестно, для чего, а также почему была покинута мысль о новом выступлении Игоря в поход по

* Отсюда и юмор Бородина: не от сарказма, не от издевки, ибо надо всеми «кризисами» характеров, чувств, явлений господствует всеисцеляющее чувство конечной правоты действительности.

** Лично мне непонятно, почему Римский-Корсаков, воспринимая скерцо (кроме трио) как часть, носящую «чуждый всей симфонии характер» (Летопись моей музыкальной жизни, издание пятое. 1935. М.: Музгиз/ С. 159. Там же о первом исполнении второй симфонии 26 февраля 1871 г.).

возвращении из плена. Вообще многое еще не ясно в истории создания и редакции «Князя Игоря». И хотя то, что оставалось после смерти Бородина и что получило сводную редакцию, является оперой, достойной посвящения Глинке, — все-таки произведением, где сочнее и цельнее всего концентрированы мысли Бородина о родине и о народе, оказывается вторая симфония. Вся музыка — на уровне, нигде не снижаемом в пользу мимолетностей, — словно свод прочно отложившихся в сознании образов. Первая тема — первый параграф этого свода, не имеет себе подобных нигде и звучит, как старинный эпитет — вещий, то есть носящий в себе круг обобщающих пронизательных знаний. Право же, в упругости первой темы-заставки заключается энергия всей музыки и смысл всей симфонии: русских с их родной земли никакая сила не сдвинет! Вспоминается и тут «Слово о полку Игореве»...

Бородин работал над симфонией долго (с осени 1870 по 1877 г.)*. К осени 1871 г. была оркестрована первая часть, и партитура нравилась всем друзьям Бородина по балакиревскому кружку. В письме от 4 октября 1871 г. к жене Бородин сообщает: «У меня был Модя (Мусоргский), Корся (Римский-Корсаков) и Н. Ладыженский, которые все с ума сходят от финала моей симфонии; у меня только не готов там самый хвостик. Зато средняя часть вышла бесподобная. Я сам очень доволен ею: сильная, могучая, бойкая и эффектная... (Письма А. П. Бородина Т. I. С. 303, выделено мной. — И. Г.). Из письма от 24–25 октября 1871 г. тоже к Е. С. Бородиной видно, что финал симфонии был уже кончен.

Но прошло три с половиной года, и из письма к Л. И. Кармалиной 15 апреля 1875 г. становится известным, что симфония не закончена: «летом я должен дооркестровать вторую симфонию, — пишет Бородин, — которую давным-давно обещался доставить куда следует и, к стыду своему, не доставил до сих пор. Нужно еще окончить переложение ее для фортепиано, которого давно ждет Бессель («Письма Бородина. Т. II. С. 88–89»). В письме осенью 1876 г. к сестре Глинки Л. П. Шестаковой Бородин сообщает: «оркеструю те же части 2-й симфонии, которые затерялись; вдруг — о ужас! — ишу партитуры скерцо и анданте — ни того ни другого нет» (и т. д.)**. Партитуры скерцо и анданте обнаружили, но первую часть и, по-видимому, финал пришлось оркестровать заново...

В 1872 г. Бородин с увлечением сочинял фрагменты из «Млады», потом — правда с перерывами — время от времени брался за «Игоря» (особенно урожайным в данном отношении было лето 1875 г.) и за первый струнный квартет. Эту инструментально-камерную область музыки Бородин очень любил. «Я глубоко убежден, что камерная музыка представляет одно из самых могучих средств для развития музыкального вкуса и понимания», — пишет он в 1876 г. старшине петербургского Общества камерной музыки Е. К. Альбрехту***.

* Потом я ему (Римскому-Корсакову) наигрывал новую симфоническую вещь, которую я теперь стряпаю (ту, что наигрывал в Москве). Кореец неистовствовал, что это самая сильная и лучшая из всех моих вещей. Так кричал и размахивал руками, оттопыривая нижнюю губу, мигая и подыгрывая, выражая то бас, то дискант (С. 219–220, см. Письма А. П. Бородина. Т. I, М., 1928). См. еще письма 16 мая 1870 г., т. II августа и 22 августа 1871 г. (об оркестровке первой части симфонии и т. д.).

** Письма А. П. Бородина. Т. II. С. 106, 112–113.

*** Там же.

Я привел только некоторые даты по ходу сочинения симфонии, как опорные точки. Но они, конечно, не могут объяснить всей той «жизни мышшей беготни» и бытового хаоса, в которых проходили у Бородин день за днем, неделя за неделей и год за годом. Принимая еще во внимание его научную и лекторскую работу в области химии, надо удивляться не медлительности Бородина, а его упорному музыкально-творческому «цеплянию» за свой путь и (его) человеческой скромности*.

Обвинения его в лени или в дилетантизме в отношении музыки просто смешны. Бородин настолько владел мастерством композитора на прочной классической основе, что был головой выше своих товарищей по Балакиревскому кружку уже по одной характерной складке — положительности, последовательности и обоснованности мышления. Поэтому нельзя рассматривать Бородин эпохи второй симфонии сквозь призму совершенства профессионального мастера зрелого Римского-Корсакова после «Снегурочки» и далее в период редакторства «Князя Игоря». Бородин семидесятих годов — сложившийся музыкант своего прочного пути. И, зная условия его жизни, можно только преклоняться перед ним.

Этот удивительный человек отдавал окружающему, то есть и науке, и людям, и дружбе, и быту, при очень запутанных мелочах всякого рода отношений, в том числе семейных и родственных, — отдавал все, что надлежит по чувству долга и общественной дисциплины. Удивителен же он потому, что, бережно и скромно поддерживая в себе поэта, романтика (по его словам), то есть творческую независимость души и высокий артистизм, Бородин никогда не выпускал из сознания и из рук своей инициативы. И еще большой вопрос, так ли мало он работал над своей музыкой, как это могло казаться даже друзьям-кучкистам. Мыслитель, человек умственной культуры и положительных знаний, он был много впереди друзей и «музикусов», избегая дать почувствовать свое превосходство. Как благодушно выносил Бородин неустойчивость, переменность придирчивых советов Балакирева, порой явно для него наивных.

Привычка мыслить и глубокое доверие к человеческому слуху делали то, что Бородин умел вынашивать в себе прилив интонации. Нет, наоборот, именно в умении вынашивать, мыслить звукообразами, а не рецептами, не указками, Бородин и находил средство сохранить первосвежесть и всю первооснову внушений своей природы, своего таланта. В первом периоде «кучкизма» у всех членов кружка было больше доверия к слуху (разумею слух композиторский, инициативный, творческий — словом, глинкинский) как к источнику звукоидей, так и к высшему судье. Со временем же, в стадии освоения норм рецептурной профессионально-консерваторской техники, доверие к слуху, к умению не упускать, так сказать, подсказов природы, заменилось пристрастием к музыкальному правописанию в широком смысле слова. Впрочем, сам же Римский-Корсаков долго питался еще запасами своего юного периода в кругу друзей, могучих талантов, когда они дерзко и смело слушали в себе волнующую музыку. Слушали и искали ее воплощения — так, чтобы только сберечь в целостности воображение и не заглушать его свежие ростки школьной рутинной.

Вспомним борьбу за право «видеть действительность по-своему» в развитии художественных школ живописи, тех же барбизонцев и

* Не к той молчалинской (Молчалин — лукавый карьерист — персонаж из комедии Грибоедова «Горе от ума») скромности, что хуже любого вздорного хвастовства, а прирожденной скромности незаурядного ума, сознающего весомость своего дарования и верность своим принципам. Человеческое у Бородина столь же глубоко, как и его музыкальный талант.

импрессионистов во Франции! Так же и в области музыки. Легко понять, что рядом с борьбой за расширение круга идей, доступных музыке, балакиревская группа искала и новой жизни звучаний. Тут было многое наивно и даже утопично (например, боязнь Мусоргским звукозодчества). Но — такого искусства в эпоху, когда мечтают писать каждый миг живописи, каждый такт музыки, так, как никто еще не писал! В этом отношении в балакиревичах было что-то бетховенское, непокоренное привычным слуховым навыкам, радость перед находками слуха. Явление Бородина в этом кругу (и то, что он свободно разумно разбирался и в характерах, и в способностях, и в положении дела) — самое гармоничное, ясное и самое удивительное. Удивительны прочность и дальнорочность его мышления. Ничего нет в Бородине «броского» — музыкально-кокетливого, экстравагантного, из желания быть первым или ошеломить. Он сам, скорее, удивлялся, что на его музыке сходятся все вкусы. А вместе с тем его творчество вовсе не примиренческое и возникло не из стремления к популярности.

Кому приходилось видеть рукописи Бородина с поправками или добавлениями, сделанными рукой Римского-Корсакова, тому не раз бросалось в глаза, как находчиво, педагогически целесообразно зачеркивались незавершенные куски музыки Бородина. Но тут же думалось, глядя на рядом идущее бородинское голосоведение: а ведь Бородин сделал бы как-то иначе — просто, тоже без вычур, да по-своему, — иной творческой, а не рассудочной простотой! У Бородина, казалось, был свой способ постижения музыки.

Раз постигнув принципы, движущие силы классического рациональнейшего голосоведения и качественное интонационное ощущение интервалов, Бородин мог для каждого оборота, внушенного воображением, найти отвечающий этому контекст голосоведения, здравого, но неожиданного именно в особенной своей простоте. Он действовал удивительно: скорее научно-исследовательской, чем художественной интуицией. Он, веря слуху, ощущал в нем закономерность и оправдание своим интуитивным, творческим находкам. Он угадал то, что можно назвать непрерывной эволюцией в превращениях интервалов, то есть что живая интонация намного опережает постепенный сосредоточенный ход рассудочной логики в вопросах допущения или свободного обращения с теми или иными интервалами*. Бородинские секунды и особенно выдвигание на самостоятельную роль тритоновых интервалов (и скачки, и тональные отношения) в период господства в русской музыке чувствительной и чувственной сексты, бородинское чутье народных интонаций, позволявшее ему не имитировать, а воссоздавать народно-напевное и распевное движение голосов в пределах классического голосоведения. Присущая бородинскому стилю гибкость переходов из двухголосия в трехголосие, четырехголосие и обратно, прибавление еще и еще свежих интонационных находок стали теперь привычными, составляющими мелодический, гармонический и ритмический бородинский комплекс**.

И все эти находки звучат как вновь обретенные, как естественные, будто давно ведомые, уходящие корнями в прочную почву. Разум Бородина осязает пласты музыки, в которых отражены здоровье и дыхание уравновешенного человеческого организма. Но вместе с тем всюду — родное, которое все тепло и простодушно в смысле доступности

* Все бородинские догадки и держания оправдались в истории современной музыки.

** Забавно читать теперь в бородинских письмах про советы и поправки Балакирева.

сердцам множества людей. Минуя повседневную человечью муравьиную суету, он, не презирая ее, а принимая ее за неизбежное, Бородин-художник всегда угадывает музыкой действительное, настоящее в ритме ли, в интонации. Зафиксировав, он доводит до людей задуманное так, что мы чувствуем, а разве могут девушки иначе умолять Галицкого или Ярославну, чем они это делают; а разве иначе звенит по степи, по необъятным далям раскатистая женская песня, чем в мелодии Бородина («Улетай на крыльях ветра»), а разве иначе ощущается величие и благородство русской женщины, чем в приветственном обращении княгини к боярам: «Добро пожаловать, бояре, я рада видеть вас». Разве не о том и не так поют древнерусские фрески? А ощущения ночной степной тиши? А набатный колокол, а за ним зарево пожаров, вопль, гул нашествия? Все выражается сжато, точно и сочно. В этом смысле Бородин — импрессионист: вырвет из действительности и умеет длить перед нашим слухом, почти не развывая.

Во второй симфонии Бородин свободнее в отборе образов и их толковании, чем в его опере-сказании о походе Игоря. И однако, не уйти от вкоренившегося ощущения: тут русское в далеких исторических масштабах, но родное нам и сейчас. Наша страна и наша душа, ценность чувства жизни и прочности бытия на земле. Такого народа не поколебать, музыки такой красоты не сложить дважды, ибо здесь великая мысль композитора отразила в четырех состояниях народную думу веков. В эпоху индивидуализма родилось произведение глубоко самобытное, музыка которого никак не звучит личным переживанием.

Мало того, он вообще не стимулируется драмой и не ощущается как «у жизни в лапах». И то, что сам Бородин относил к финалу симфонии («музыка сильная, могучая»), принадлежит, конечно, всему произведению, наиболее всего предварившему то существенное, чего добивается советский симфонизм в эпоху современного утверждения и раскрытия понятий: народ, национальность, государство.

Симфония эта — красота русской силы. В своей медленной части она уступает место музыке раздумья, музыке русских ноктюрнов, музыке ощущений человека в безграничности ночного, в чувствованиях природы, затихшей, смолкнувшей в неясности своих очертаний, но где-то тут совсем близкой. Какому множеству людей нашей страны знакомы и родственны эти переживания! И степняку, созерцающему звезды и провожающему ночь песней неизмеримо протяженного дыхания, и древнерусской военной страже, выдвинутой далеко вперед на границы лесостепи, высматривать отряды хищников. И деревенским мальчишкам с их наивными ребячьими страхами и всей детской ночной романтикой и ночными ощущениями природы (это незабываемо хорошо у Тургенева в новелле «Бежин луг»).

Миллионы миллионов раз переиспытаны подобные состояния, когда душа человека становится особо настороженной и чуткой. Как таковое, бородинское анданте второй симфонии не связано элегической лирикой русских поэтов, но в нем ощущается общее с прекрасными интонациями стихов о человеке в природе, передающих личное в формах всеобщего, внеличного становления. Бородинское анданте — словно сама размышляющая в себе природа, до такой степени в этой сосредоточенной музыке не слышится ее носителя в облике какого-либо разочарованного романтического героя.

На зимних путях так сливались с окружающей дорогой и пейзажами ямщицкие протяжные «далевые» песни. В степных привольях так сливаешься с небом и природой вокруг, и тогда слышится, что звенит

степь, поет земля. Словом, нет себя, нет личных дум. Есть наслаждение ощущением себя во всем (тютчевское!), не теряя личной нити навсегда, а настолько, чтобы в любой момент сказать себе: живу и могу все, о чем услышал здесь, превратить в образы искусства!

В одном из бородинских писем (28 июля 1878 г.) читается нечто подобное: «Я с наслаждением вспоминаю прошлое лето, Губачево с его радушием и заботливостью, Рожново с его архаической простотою нравов, свободою, широко раскинутыми полями, с волнующеюся рожью, запущенным поросшим садом, моею любимую липой, где я работал и ленился одинаково с наслаждением, забывая вполне всю мелкую возню, все дрянные дрязги, которыми преисполнена жизнь» (письма А. П. Бородина. Т. II. С. 92). Значит, в моменты включения себя в широкое могучее течение эпически воспринимаемой жизни Бородин умел ощутить всей полнотой своей богатой природы ценность таких чувствований, которые необходимы, как кислород, даже самым интеллектуальнейшим организмам, чтобы тем сильнее впитать в себя действительность.

Не из таких ли состояний родились обе, прекрасные своим дыханием медленные части обеих симфоний Бородина*. Но к ним я бы причислил «третье анданте», хотя вещь эта — вокальная и к симфониям формально не принадлежит. Имею в виду романс «Для берегов отчизны дальней» (Пушкин). Здесь Бородин тесно примкнул к русскому элегическому стиху в его мерном степенном ритме и к той трактовке его музыкальной интонации, которая была классически намечена Глинкой («Не искушай меня без нужды» — Разуверение, Баратынский, 1821). Верный себе Бородин нашел тот благородный эпический тон музыки, который усугубляет, усиливает своим сосредоточенным, владеющим собою движением, спокойное величие скорби в пушкинском стихе и скрываемое мерностью волнение души. Вся элегия словно хочет каждым своим мелодическим оборотом сказать: «Вот так надо всегда собою владеть в жизни»... И разве не в этом весь Бородин как человек!

Все свое ощущение и понимание русской жизни и русских характеров Бородин, обобщая в степени высокой и прекрасной, никогда не удалялся в нечто обще-музыкальное и внепушкинское:

Что-то слышится родное...

Сок земли и дыхание гигантской страны ощущается в любой из характерных бородинских интонаций. Бородин по-гомеровски запечатлевает, что слышит и что видит.

А жизнь не только шествует, она и суетится. Русская музыка не была бы русской, если бы в своих реалистических постоянных устремлениях не попыталась бы обобщить образов людей рядовых, незаметных, людей без подвигов, но с чуткой исстрадавшейся душой и совестью. И вот еще до обобщений Мусоргского нашелся музыкант-характеролог, который почувствовал справедливое в том, чтобы в музыке сказать о людях, ходящих по городской мостовой. Не так много было сказано, но метко. И русские композиторы потом уже не пытались равняться ни с «Титулярным советником», ни с «Червяком» Даргомыжского, где почувствовались, казалось бы в пустячках, интонации гоголевской «Шинели». Главное же, в музыку вошел русский город не в эпических, а иных тонах, под мелодраматической маской, несколько иронический, без патетики, приbedнясь.

Если перелистывать знаменитый для эпохи журнал «Искру», легко понять и жизненную остроту музыкального пера Даргомыжского, и

* Напомню и про изумительное *andante* из квартета.

близкое его соседство с лирикой Курочкина, и корни его своеобразного бытовизма. Вот тонкий портрет-идиллия «Мне минуло шестнадцать лет» — своего рода чудесная литография, ибо так много можно увидеть на литографических воспроизведениях эпохи вот такое лицо, от имени которого поется романс. «Старый капрал» — зарисовка из Беранже — очень жуткой сцены «баллады»: осужденный на расстрел старый служака, подбадривая ведущих его конвоиров военной команды, рассказывает свою простую жизненную драму. Эта сцена, воспроизведенная в тонах скромного житейского повествования, словно все происходит в самой обыкновенной обстановке, единственная по своему выполнению: музыка так в совершенстве своим спокойно владеет рассказом, что по силе социальной иронии разве что рисунки Домье можно сопоставить с мастерством интонационной характеристики из простейших последований звуков, которые присущи Даргомыжскому. Опять по контрасту можно сопоставить два портрета двух пушкинских мельников. Один — сочный, жанровый, живописный — мельник в опере «Русалка», фигура, созданная из гибких черт — помесь лукавства и жадности. Другой портрет — юмористический, словно вычерчен острой иглой, с абсолютной житейской точностью и поразительным лаконизмом изобразительных музыкальных интонаций и манер произнесения стихов, словно бытовой речи: «Воротился ночью мельник»*.

Эта маленькая песенка-сценка могла бы быть одним из прекраснейших подготовительных этюдов к школе русской классической оперной характерологии (учение о характерах в музыке), чем является в конце концов «Каменный гость» Даргомыжского**. Сеть тончайших диалогов, сплетенная из гармонического сочетания и интервальных интонаций, то есть музыки интонации речи (стиха), это камерное по своей ювелирно-интонационной работе произведение было «лебединой песней» композитора — характерного портретиста и чуткого психолога человеческих интонаций. Он очень расширил диапазон выразительности русской музыки, в особенности в области речитативов, в первую очередь ариозного («напевного») речитатива, в чем пальма первенства остается все же за Глинкой. Но главное, он ввел в круг «объектов» музыки целый ряд, даже слой людей, которым раньше не полагалось иметь душевной жизни. Даже трактовка чувства любви у Даргомыжского теряет тон человеческой любви вообще, получая реальное интонационное качество любви человека такой-то социальной категории: между Дон Жуаном и Титулярным советником чувствуется в интонациях огромная разница. Конечно, влияние музыкально-характерологических опытов Даргомыжского имело большое значение для Мусоргского в его опытах психологизации оперных характеров на основе интонации «прозаической» человеческой речи без помощи мелодических обобщений («Женитьба»). Путь этот, однако, вел в тупик: к разложению культуры мелодии и, конечно, был вскоре оставлен. Кроме того, Бородин, взяв за опорную точку глинкинский метод создания характеров, раскрыл широкие перспективы перед русским оперным мелосом. И это шло параллельно завоеваниям Чайковского как драматурга-мелодиста, уже в своем «Опричнике» (1872) создавшего целую галерею портретов-типов.

В стремлениях осознать музыкально все больший и больший круг явлений действительности русские композиторы создали колоссальный фонд звукоотражений жизни. И звукоотражений не только родной дей-

* Стихи Пушкина из драматического фрагмента «Сцены из рыцарских времен».

** Опера на одноименный пушкинский текст.

ствительности в ее прошлом и настоящем. Очень много внимания уделено русскими музыкантами жизни и выдающимся явлениям мысли и слова Запада (Данте, Шекспир, Байрон, Гейне) и русскому их отражению в симфонической и оперной музыке. Но есть одно глубоко своеобразное проявление Мусоргского, в котором и свое, родное, и чужеземное перемешаны в сложном чередовании образов. Это завоевавшие теперь мировую известность: *Картинки с выставки*, сюита для фортепиано в 2 руки (1874) — день памяти друга, — архитектора Виктора Александровича Гартмана, музыкальные иллюстрации его произведений. В сюжете десять выразительных и изобразительных звеньев одного цикла. Звенья связаны образом зрителя, рассказывающего по выставке:

Promenade. Прогулка — мелодия, служащая заставкой цикла и интермеццо между 6 и 7 картинами. Преобладают образы романтического и сказочного содержания.

1. *Gnomus* — Гном. 2. *Il vecchiotello* — Старый замок. 5. Балет невылупившихся птенцов. 8. *Catacombe* — С мертвыми на мертвом языке. 9. Избушка на курьих ножках (Баба-яга). 10. Богатырские ворота (в стольном граде во Киеве) — былина в фортепианной интерпретации.

В смысле точно найденных интонаций, настолько точных, что звуковые впечатления вызывают в сознании живые зрительные образы, чрезвычайно реалистическими удачами Мусоргского являются: Рынок в Лиможе — сплетни и пересуды местных кумушек (стрекочущие фортепианные интонации!), затем детская задорная сценка в парижском саду Тюильри (3) и Быдло (4) — повозка. Но особенно колоритно-звуково зарисована Мусоргским встреча богатого и бедного евреев: (6) — Златогор и Шмуль. Это предел экспрессии инструментального диалога.

Баба-яга — пример динамической иллюстрации русского популярнейшего сказочного образа, причем ритм полета позволяет предположить, что Мусоргский знал те варианты сказаний о Бабе-яге, где ей присваивается обладание сапогами-сороходами. В каждом из остальных звеньев цикла есть какая-либо занимательная подробность: в балладе о старом замке (2) — старинно-романсный колорит мелодии, в балете невылупившихся птенцов (5) — остроумно найденное звукоподражание, наконец, былинно-торжественной музыке встречи (Богатырские ворота) — мощное нарастание фортепианной звучности с сочной имитацией колокольного звона. В целом оригинальнейший замысел — музыкальная тризна по другу-художнику и своеобразное выполнение этого замысла в виде музыкальных отражений картин покойного. Конечно, сцена в катакомбах — довольно характерное, свойственное Мусоргскому явление: пристальная установка на «помни о смерти» — упорное вглядывание в загадку уничтожения личности. Это лежало камнем на его сознании (достаточно одного образа *Полководца* в «Песнях и плясках смерти»).

Можно сказать, что русская музыка никогда не знала пошло-трусливого отношения к смерти, но можно ясно ощутить два главных русла. Одно — Глинка, Бородин. Другое — Мусоргский, Чайковский (то есть оба с пристальными вглядываниями в противную «курноску», как говорил Владимир Стасов. Сам бранил обоих за этот интерес и невольно сам любопытствовал!). Побеждали же и побеждают всегда в русской музыке гимны богу Яриле («Свет и сила, бог Ярила; красное солнце наше, нет тебя в мире краше»), будь ли то у Чайковского или Римского-Корсакова в их финалах «Снегурочек», или в солнечных лучах финалов обеих опер Глинки, или в русско-вакхическом финале второй симфонии Бородина, или в солнечном восходе на Москва-реке во вступлении к «Хованщине» Мусоргского, или во встрече Солнца в финале

«Скифской сюиты» С. Прокофьева, или в лучезарном антракте-гимне Аполлону из оперы «Орестейя» С. Танеева, где русская мысль, ликуя, встретила с прекрасным образом «водителя муз» — светлой античности, или в гимне свету и солнцу «Иоланты» Чайковского.

В этой центральной главе моей лирической книги я очень сжато, в самых общих чертах пытался рассказать, какими сложными нитями связана русская музыка с образами родины, родной страны, родного народа и как обширен круг волновавших русских музыкантов явлений и человеческих характеров. Заветы Мусоргского: «Жизнь, где бы ни сказалась, правда, как бы ни была солоня, смелая искренняя речь к людям...» И его лозунг: «...Мысли живые подайте, живую беседу с людьми ведите, какой бы сюжет вы ни избрали для беседы с ними», никогда не уходил со страниц русской классической музыки и не уходит. Все это ярко сказывается на отражении русской музыкой явлений и характеров иных стран и народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁹⁾ О всеобъемлющем смысловом потенциале вальсовости в творчестве Чайковского, в частности симфоническом, Асафьев подробно говорит в работе «Чайковский» (Пг., 1922), а также в исследовании «Евгений Онегин». Лирические сцены П. И. Чайковского» (в кн.: Асафьев Б. О музыке Чайковского. Л., 1972).
- ¹⁰⁾ Можно напомнить другую яркую асафьевскую характеристику «Свадебки»: «С одной стороны, художественное претворение статики обряда, а с другой — в полном смысле слова интонация тела, то есть музыкальное претворение жеста и танца свадебного действия» (Асафьев Б. Книга о Стравинском. Л., 1977. С. 134). И далее: «Интонационное ее (первой картины. — А. П.-А.) содержание... включает ряд характерных проявлений народного свадебного причета (мелодический, псалмодийный и плач с восклицаниями и всхлипываниями). Причет в его различных проявлениях организован здесь с поразительным мастерством и суровой лапидарностью» (Там же. С. 139).
- ¹¹⁾ «Взор Бородина, зоркий и ясный, направлен к выражению страсти в ее всечеловеческой первооснове, как силы первозданной, а не как приключения героев мелодрамы. Усмотреть эту первооснову можно было только в стране, где жизнь еще напоена таинственными песнями про «древний хаос, про родимый», где дикая воля стихийности еще не связана и где не застыла в душах тяга к безграничному простору, изживанию жизненной силы на приволье» (Асафьев Б. Князь Игорь // Б. Асафьев. Об опере. Л., 1976. С. 148–149).
- ¹²⁾ По-видимому, более точно этот вопрос трактован самим же Асафьевым в статье 1922 года: «В “Игоре” воплощен бытовой уклад и жизненные тревоги древнерусского княжеского города на рассвете русской государственности, беспрестанно волнуемой. Ее волнуют: вражеские набеги извне, со степей, и неугомнившаяся, легко возбуждаемая “пьяная вольница” — люд, глухой к зову культуры, — внутри городских стен <...> неизбежно соприсущи “действию проводов” и элемента скоморошества и юродства, глубоко коренящиеся в природе русского человека. Но здесь они пока приглушены и притаились под масками “дезертиров” Скулы и Брошки. Их “убег” служит лишь мотивом контраста среди величественно развертывающейся эпической сцены отправления в поход <...> Оплот был разрушен не только набегом врага извне. В первом акте оперы Бородин развертывает сцены буйства и своеволия князя Владимира Галицкого, оставшегося в качестве наместника князя Игоря. Пьяный нрав “наместника” решительно не поддается какому-либо “огосударствлению”. К нему, конечно, примыкают все недовольные “трезвостью” режима Игорева. Разбойничьи инстинкты разбужены агитацией уже знакомых слушателю по прологу скоморохов — бегунов Скулы и Ерочки. Они теперь в своей стихии — в роли оппозиции. Ни следа робости: наглый, до срамоты грубый тон их песен вполне соответствует циничным речам и поступкам князя Галицкого. Музыка в диких, необузданных ритмах и попевах раскрывает ужасный, хаосом напоенный, нестройный быт стоящей по ту сторону государственного оплота разбойничьей удалы. Зреет бунт...» (Глебов И. Князь Игорь. Цит. по сб.: Асафьев Б. Об опере. С. 150, 151, 152).

Примечания подготовлены А. Павловым-Арбениным

Андрей Каратыгин

ДОТЯНУТЬСЯ ДО ПОДНЕБЕСНОЙ

Причиной нашего обращения к перу стало устойчивое убеждение сограждан в том, что в Китае всё плохо, и люди-то брошены, и делать-то они ничего не умеют и только ждут момента у нас чего оттяпать. А детей-то у них много по причине дикости и отсталости. И едят-то они, бедолаги, всё один-то рис да запивают-то его отравленной водицей и сидят-то они у синя моря — носки штопают, печалятся, значит. А правительство их восседает в Пекин-граде и токмо и думает, как бы сгубить побольше душ.

На основе собственного небольшого опыта пребывания в разных местах Китая хотелось бы поделиться увиденным, и испытанным на собственном опыте.

Мы знаем о проблемах Китая, о бедности сельского населения, о загрязнении территории не только собственной, но и нашей приамурской, о растущем разрыве между бедными и богатыми, об акциях протеста и т. д. Тем не менее мы предлагаем познакомиться с тем положительным, что есть в Китае, а то получается, как у Кисы Воробьянинова, когда он репетировал обращение за подаванием на разных языках. Помните, дойдя до английского, он сказал: «Ну это я знаю...» и пренебрежительно махнул рукой (это уже из фильма). Мы имеем в виду то обилие негативной информации, пусть трижды профессиональной, но не полной. Вот дополнить её и есть наша задача. Мы будем говорить о благополучных юго-восточных районах страны, где сосредоточено производство товаров для всей планеты. Многие вещи, которые мы носим или которыми пользуемся, сделаны именно там. Ведущие мировые производители перенесли производство на эти благодатные земли. Сказать, что мы не видели проблем, будет неправдой. Да, мы видели людей, семьями живущими в гаражах и справляющих естественные нужды в

сточную канаву здесь же у места обитания. И всё же мы узрели и другое, то, что вселяет не просто надежду, а уверенность, что они смогут преодолеть бедность и относительную отсталость.

Первое, что видит прибывший в Китай, — это аэропорт. Пекинский международный аэропорт — сооружение поистине циклопических размеров. Внутри аэропорта работает свое метро, причем беспилотное (без машиниста). Чтобы добраться от одного терминала до другого, можно воспользоваться бесплатным автобусом (причем расстояние между терминалами километров, десять и это всё территория аэропорта). В самих зданиях терминалов ходят электромобили, подвозящие пассажиров и их багаж до нужных им выходов. Нечего и говорить о туалетах — они на каждом шагу, просторные, сверкающие чистотой. Повсюду автоматы с бесплатной питьевой водой трёх температур — на выбор. Сами здания терминалов изнутри отделаны полированным гранитом, окна выполнены под наклоном к земле, дабы уберечь пассажиров от прямых солнечных лучей. Везде чистый кондиционированный воздух. На летном поле никаких подвозок, никаких трапов, никаких заправщиков. Все коммуникации под полем, самолет прибывает к своему выходу у терминала, к нему подводится подвижный коридор, по которому пассажиры попадают в здание терминала (понятно, что и в коридоре воздух кондиционируется). Заправка и подключение самолета к сетям аэропорта происходят прямо из люков, находящихся на месте стоянки. Количество одновременно обслуживаемых самолетов под стать размеру сооружения. Шанхайский международный аэропорт Пудонг по нашим меркам тоже огромен, но все же по сравнению с пекинским не так уж циклопичен. Он имеет свой стиль; скажем, полы в мес-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

тах отдыха пассажиров покрыты ковровым, который не так помпезен, как гранит, а, напротив, создает уют и подобие домашней обстановки. Между терминалами находится станция знаменитого поезда на магнитной подушке «Маглев», который довозит пассажиров до ближайшего метро за семь минут (!!!), расстояние же составляет 30 км (это как от Санкт-Петербурга до Сестрорецка!). Понятно, что все удобства и организация пассажиропотока на высочайшем уровне. Пекин насколько огромен, настолько же и обустроен. Скажем, внутри города шесть транспортных колец, бесчисленные многоуровневые развязки. Большинство пекинских водителей пользуется навигаторами, ибо транспортная сеть города исключительно протяженна и сложна. В городе гармонично уживаются тысячелетние строения и шедевры современной архитектуры. Уровень жизни пекинцев высок. По словам нашего китайского коллеги, средняя зарплата в Пекине составляет 15 000 рублей при том, что семья из трех человек может уложиться в 5000 рублей, то есть достаточно одного работающего в семье. С работой, конечно, не все хорошо. Скажем квалифицированную работу не может получить один миллион выпускников вузов (хотя при полутора миллиардном населении Китая эта цифра не выглядит угрожающей, и все же). Скажете, это все мешанство, пыль-то в глаза пустить дело нехитрое. Допустим.

Едем дальше. Приезжаем в уездный город (по-нашему областной центр) на юго-востоке Китая, а там все так же, только размах скромнее. Дорога — мечта водителя, покрытие качественное. Но больше дороги изумляет то, что вокруг неё обработанные заботливыми руками деревья, газоны, цветники. Китай — страна гористая, понятно, что это придает стране неповторимую красоту, но и в то же время делает прокладку дорог баснословно трудоёмкой. Тем не менее дороги построены, работают, дополнительно прокладываются новые дороги, проходятся новые тоннели, строятся новые развязки. Надо сказать, что междугородные дороги платные, но плата не слишком обременительна.

Дорожное движение внутри городов поначалу шокирует даже искушенных причудливостью нашего трафика россиян. Что мы имеем в виду? Кажущийся на первый взгляд хаос и экстремальное маневрирование всех участников движения, а это — огромные массы велосипедистов и мотоциклистов (хотя их транспортное средство более точно определяется английским словом «байк», так как в подавляющем большинстве это электровелосипеды и электромопеды), автомобилей и пешеходов. Поупокоившись, понимаешь, что все это движение подчинено одному закону — закону целесообразности, при уважении и терпимости к нуждам и ошибкам собратьев. Если тебе надо, тебя пропустят; как бы странно ни выглядел маневр, никто не будет истошно сигналить или выкатывать глаза. Движение очень плотное, практически на касании, но ничего не происходит — разум одерживает верх! Самое большее, что мы видели, это касание бамперами на парковке или на перекрестке — цена вопроса пять рублей и никаких человеческих жертв! Мы понимаем, что в Пекине и Шанхае ситуация не столь благополучна, единственно мы просим тех, кто озаботится статистикой китайских правонарушений, не забывать делить все цифры на полтора миллиарда — интересная дробь получается, правда? Что же управляет поведением китайского водителя? Юридический закон или что-то другое? Что-то другое. Можно назвать это экологическим законом. Мы имеем в виду следующий постулат: если человек находится в гармонии (или стремится к ней) со средой обитания, а значит, всем и всеми, что её образует, у него не может возникнуть конфликта в принципе. Это кажется слишком простым, но это так — зачем пакостить и бузотёрить там, где ты живешь и собираешься жить ещё пяток тысячелетий?

Конечно, ситуация на городских дорогах довольно суетная — покоя не жди. Каждый водитель обозначает себя звуковым сигналом, но это не спесь пэтэушника, ставящего свисток в глушитель или устанавливающего прямой глушитель, который ничего особо не глушит, а необходимость

обеспечить безопасность окружающих. Как мы уже упоминали, большую часть транспортного потока составляют электрические скутеры, которые практически бесшумны, поэтому им приходится шуметь принудительно. То же и с автотранспортом: любой поворот или переключение сопряжено во взаимодействии с другими участниками движения, и это взаимодействие подкрепляется звуковым сигналом — шумно, ничего не скажешь! Когда-то так было и в советской России, только масштаб другой.

С дорогой познакомились, теперь пойдем посмотрим, чем дышит народ. Выходим вечером, после окончания трудового дня в парк культуры и отдыха (а их не счесть) и видим то, во что трудно поверить и что трудно ожидать — весь город на улице, счастливые лица, как будто у всех день рождения или Новый год, никаких пьяных или буйных, минимум курящих. Дальше — больше! Видеопроектор, экран, ноты, текст, дирижер, живая музыка — поют самозабвенно! Тут человек пятьдесят. Ну, думаем, может, спевка какого-то коллектива, с кем не бывает, — может, места в клубе не хватило. Не тут-то было!

Дальше то же самое — дирижер, ансамбль и главное — артисты, они же простые жители, упивающиеся СЧАСТЬЕМ СОВМЕСТНОГО ДЕЛАНИЯ, а большей ценности человечество не придумало и её не может быть, так как это и есть сама ЖИЗНЬ!

В парке можно встретить «починенный» Стоунхендж, копии всех местных мостов и архитектурных знаменитостей со всего мира, всё это вписано в благодатный ландшафт с искусством не назойливым и не вычурным. Просматривая фотографии, сделанные в Китае, ловишь себя на мысли, что наконец-то ты освоил композицию кадра. По трезвому размышлению понимаешь, что композицию сделали до тебя и так тонко и тактично, что осталось только нажать затвор камеры, а лучше просто побыть в этой среде и впитать ту красоту, которой окружил нас Создатель и которую китайцы с удивительным вкусом и почтением приумножают. Ещё в парках танцуют вальс и народные танцы, причем в национальных костюмах (не вальс, конечно),

ходят босиком по специально сделанной кольцевой дорожке с гладкими камушками для массажа биологически активных точек стопы, выполняют упражнения у-шу и цигун, запускают с детьми и с любимыми маленькие воздушные шары на термотяге и пока горят фитили в горелках этих шаров, над городом бесшумно парят алые звёздочки, придающие ещё больше волшебства субтропическому космосу.

Побывав в других китайских городах, понимаешь: везде одно и то же — праздник каждый вечер и праздник не разрушительный и отчаянный, а праздник жизни и во славу оной. Как иллюстрация нашего пафоса, в усеченном варианте подойдет фрейдовская классификация основных инстинктов, управляющих человеком, — стремление к жизни (инстинкт размножения, Эрос) и стремление к смерти (инстинкт разрушения, Танатос).

Так вот наше ощущение Китая — это Эрос! Люди хотят иметь детей, и много!

Рационального объяснения этому нет, это просто желание жить и дать жизнь другому, тем более родному человеку! Все наслышаны о мерах правительства Китая по сдерживанию роста рождаемости. Пресловутый девиз «одна семья — один ребёнок» — притча во языцех.

Всё так, в городе за рождение второго ребёнка китайская семья должна заплатить государству сумму, эквивалентную 120 000 рублей, — для Китая немалые деньги (для России, кстати, тоже), но, несмотря на это, люди планируют рождение второго ребёнка и откладывают на это деньги. На селе попроще, там закон начинает работать с рождением мальчика, то есть ты имеешь право родить девочку, а потом мальчика; родив же мальчика первым — баста, копи деньги! Другие моменты обстановки в Китае, замеченные нами, тоже свидетельствуют о том же, о чём мы говорили выше, — жизнь для жизни и во славу жизни.

Вернёмся в экономическую неизбежность нашего бытия. А как китайцы работают и зарабатывают? А работают они много и трудно, и работают столько, сколько нужно в данный мо-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

мент. В наиболее трудной ситуации находятся жители села и жители северных и северо-западных провинций, а также работники малого бизнеса. Бизнесмены обеспечивают себя полностью сами — никаких государственных пенсий по старости. Работай, копи, живи в старости на то, что накопил. Вот тут-то и приходят на помощь дети, такие желанные и поэтому наполненные родительской любовью, и эту любовь, ещё и приумноженную, они закономерно возвращают родителям. Скажете, утопия, ничуть — закон ЖИЗНИ, закон логики и воздаяния, проще и эффективнее не придумаешь!

В гораздо лучших условиях находятся госслужащие, в частности учителя и военные.

Скажем, зарплата учителя может достигать 25 000 рублей, а это стоимость одного квадратного метра жилья в самых дорогих приморских провинциях Китая. О продовольствии и говорить стыдно — не просто дешево, а очень дешево! Кроме того, учитель получает пенсию по старости — более половины зарплаты, весьма серьёзные деньги! В отличие от бизнесменов учителя пользуются бесплатным медобеспечением и прочими госгарантиями, — в общем, работа почетная и завидная. То же и с военными, только там добавляется ещё госквартира. Жалко бизнесменов? Не надо, и о них правительство позаботилось. Тем предприятиям, которые входят в план долгосрочного развития Китая, а это экологически чистые, наукоёмкие предприятия, оказывается поддержка простым и безвозмездным субсидированием. Например, для небольшого предприятия эта сумма может составлять до 2 000 000 рублей в год. Помимо этого правительство оплачивает участие в заграничных выставках и ярмарках своим бизнесменам. Огромные деньги вкладываются в инфраструктуру страны — кругом строятся дома, дороги, многокилометровые мосты и тоннели, люди видят плоды своего труда и знают, чем занимается правительство. Вообще несколько удивляет то почтение, с которым китайцы отзываются о своем правительстве, не зная их даже по именам! А почему должно быть иначе? Просто интересы

правительства и народа совпадают и совпадают потому, что есть цель, а движение к цели, а не к фетишу, разумно самоорганизуется. Китайцы стараются всё сделать своими руками, решена проблема транспорта, все типы автотранспорта производятся самостоятельно, все известные мировые массовые автобренды имеют производство в Китае, но и свои производители не отдыхают — мы это видим по своей стране, автобусы в массовом порядке заменяются на китайские, постепенно привыкаем и к их легковушкам и джипам. Недавно в Китае открыто производство самолетов «Эрбас». Пора развенчать миф о дешевом китайском ширпотребе. Отчасти он от непонимания людьми пути товара на наш рынок. Так вот, товар этот закупается на китайском рынке нашими, российскими купцами сознательно и с полным пониманием дела, привозится и сертифицируется опять же не китайцами, такой товар трудно найти на китайских прилавках. Образно говоря — грех жаловаться на понос, питаюсь на помойке! Это касается неразборчивости во всем, в том числе и в источниках информации, как политической, так и духовной и образовательной.

Упомянем телевидение. Каналов много (от 50 до 70 в тех городах, где удалось побывать), и все китайские. Основное, что можно понять, не зная языка, — доминирование позитива, даже в тех постановках, где есть слёзы. Понятно, что это игра, некое ребячество. Дурное — гневно отвергается без мазохистского наслаждения (или насаждения?). Реклама — позитивна, проста и добродушна, максимально используются семейные ценности, в рекламе принимают участие пожилые люди и детвора. Много социальной рекламы — помощи старику, инвалиду, ребенку; не можешь помочь или сам оказался в затруднительной ситуации — смело звони в полицию, помогут! Нашего коллегу, заблудившегося в незнакомом городе и потерявшего надежду добраться до места встречи, час возил полисмен на своем мотоцикле с желанием помочь человеку.

Коснувшись средств информации, скажем, что китайцы читают, и чита-

ют не только газеты. Зайдя в книжный магазин, обнаруживаем над каждым книжным стеллажом неподвижную макушку, подходим ближе — открытая книга, читают (стеллаж сконструирован так, что верхняя полка является удобной подставкой именно для чтения — наклон полки располагает текст перед глазами и одновременно фиксирует страницы, освобождая руки читателя). Содержание читаемого нам, по понятным причинам, недоступно, но так как читают у всех стеллажей, очевидно, что это всерьёз.

Первого октября 2009 года страна отметила 60-летие своего образования, понятно, что речь идет о коммунистическом Китае, и мы не ощутили какого-то отрицания своей собственной истории, напротив, — этот праздник был почище даже пекинской Олимпиады, которую мы ещё упомянем. Заканчивая об отношении к своей истории, констатируем, что культура Мао, конечно, нет, но на центральных площадях стоят скульптуры Мао, а в Пекине всё так же стоит самая длинная очередь на планете — очередь к Мавзолею Мао. В настоящее время (октябрь 2009 г.) по всей стране транслируется телесериал об истории возникновения нового Китая, в котором центральной фигурой является Мао.

Вообще, общий настрой, который несет их телевидение и который мы почувствовали в местах отдыха, созвучен тому удивительному и неповторимому жизнеутверждающему мотиву, и поныне живущему в советских песнях и кинематографе 30—40-х годов, тех песнях, с которыми наша страна прошла войну, тех песнях, которые вместили в себя подлинный гражданский пафос — без лицемерия и натяжек (на самом деле это наше великое достояние, которое вряд ли сыщешь в других культурах).

Вернёмся же в самый пролетарский край планеты Земля. Повторим: всё, о чем мы сказали, укладывается во фрейдовскую формулу Эроса — это желание жить, и места для разрушения здесь нет. Иначе говоря, Танатос в Китае скорее мёртв, чем жив.

Упомянув о пекинской Олимпиаде, мы хотим сказать о том, что Китай не

просто показал выдающиеся результаты в её организации и, собственно, результаты в том, для чего она проводится, Китай показал свою могучую скамейку запасных, на которой ещё с десятков таких же сборных, подобных той, что выставили китайцы в качестве национальной, и это говорит не об эксклюзивной селекции талантов, а о широкомасштабной и системной работе государства и в этом вопросе.

Теперь о еде. По слухам, французы знают на Земле только три кухни: свою, итальянскую и китайскую. Возможно, это крайность и все же — прислушаемся. Действительно, кухня Китая разнообразна и артистична. Мы не будем подробно описывать меню ресторанов, выделим лишь те моменты, которые созвучны теме нашего исследования. Китайцы едят много и разнообразно, но толстых нет, дистрофиков тоже не попадалось. Едят все свежее, даже живое. Дома в холодильнике хранят только овощи и фрукты. Мясо, рыба и морепродукты покупаются каждое утро на рынке, готовятся, съедаются, что не съели — в отходы. Микроволновок практически нет.

Надо сказать, что в городах есть и фастфуды, но это скорее для разнообразия и без того разнообразной пищевой палитры Китая. Пища в целом здоровая, в меню обязательно суп, холодная пища вообще отсутствует — да-да, никаких салатиков-нарезочек. В ресторан по одному не ходят, едят неспешно, за доброй беседой (палочками-то спешно и не с руки будет). Положа руку на сердце — кухня на любителя. Скажем, мясо с вареньем или соус с нотками одеколона не покоряют. Хотя надо вживаться глубже в быт этой страны, тогда, может быть, и откроются скрытые ноты пищевого артистизма китайцев.

О нотах мы сказали не случайно. Как мы утверждали многократно — по музыке познаешь душу народа. А музыка-то как хороша! Она и другая, и вместе с тем родная каждому человеку с открытой душой. Для авторитетности приведем цитату из музыкальной энциклопедии, которая характеризует масштаб явления. «Китайская музыка —

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

одна из древнейших в мировой музыкальной культуре. Её истоки восходят к племенным песням и пляскам, которые имели ритуальный характер и достигли высокого развития уже во II—I тысячелетии до нашей эры... Китайская музыка, с самого начала своего развития тесно связанная с китайской философией, социальными особенностями китайского общества, выработала строгую оригинальную систему музыкального мышления, которая хотя и претерпевала серьёзные исторические изменения, сохранилась как целостное эстетическое явление (статья написана самое позднее в 1974 г., но это так и сейчас!). В древних текстах (XI—VI века до нашей эры) слово «юэ» (музыка) означало всю ритмически организованную, праздничную сферу жизни, выражало широкое синтетическое понятие, включающее в себя поэзию, танец, живопись, архитектуру, общий ритуал и даже сервировку стола. Таким образом, музыка была связана с различными сторонами деятельности человека...» Вот и понятно, то гармоничное бытие китайца во всех проявлениях — оно тысячелетиями пронизывалось музыкой! Музыку, конечно, надо слушать, но поверьте на слово — это очень серьёзное явление. Нам довелось слушать один из старейших инструментов — «эрху», который чрезвычайно распространён и популярен и сейчас, хотя инструменту три тысячи лет. Звук удивительно нежный и проникновенный, напоминает фальцетное пение. Инструмент — смычковый, состоит из небольшого резонатора шестигранной или цилиндрической формы с мембраной из змеиной кожи, шейки и двух струн. Причем струны к шейке не прижимаются. Смычок водится между струн. Небезразличны китайцы и к европейской музыке. Нас поразили богатейший музей старинных европейских и американских клавишных инструментов, выставленных на острове в Тайваньском проливе недалеко от города Сяомынь. Чего стоит клавикорд Муцио Клементи, или первый (!) Стейнвей, или Бёзендорфер, на кото-

ром любил играть Ференц Лист! Можно быть готовым к встрече с экзотикой, но наткнуться на такую богатую и со вкусом подобранную коллекцию на острове, предназначенном для отдыха китайцев, выше нашего понимания! Просто голова идет кругом!

Завершая наш скромный рассказ о пребывании в Китае, должны упомянуть и то теплое отношение со стороны простых людей к нам, русским. На вопрос, почему простые люди просят разрешения сфотографироваться с нами и почему все манекены в магазинах европейской наружности, ответ один: вы (европейцы) для нас образец красоты! И надо быть достойными тех авансов, которые мы получаем не только внешне, но, прежде всего, духовно. Один иностранец, долго живущий в России (не китаец), на наш вопрос, за что он любит русских, сказал, что вы основополагающе толерантны, вы благодарно восприимчивы к иным культурам, вы настоящие духовно богатые, что, сколько бы вас ни осталось, вы можете чувствовать себя хозяевами полмира и по праву! Такая оценка дорогого стоит. Но как уживается это с дешевым глумлением М. Задорнова над, скажем, американцами, помните «ну тупые...», или смакование финской якобы медлительности, хотя в Финляндии больше всего в мире на душу населения автогонщиков экстра-класса, в том числе чемпионов Ф-1, а это операторы с недоступной большинству людей реакцией и концентрацией (кстати, в мире их меньше, чем даже космонавтов). Как не понять, что если кого-то унижают при тебе, то унижают, прежде всего, тебя самого! Понятно, что ни американцам, ни финнам от подобных проказ ни холодно ни жарко, худо прежде всего нам, и очень стыдно.

Итак, подводя итоги, осмелимся утверждать, что, несмотря на известные трудности, в Китае люди вовсе не расходный материал, а наоборот — эта страна строится для людей. Перспективы её понятны, люди заняты созидательным трудом, живут полной жизнью, собираются прожить не одно тысячелетие. Чего и нам желают!